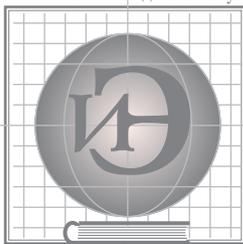

Российская академия наук

Институт экономики

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ
СИСТЕМЫ «ГОРОД–СЕЛО»
КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ

Москва
2020

ББК 65.9(Рос)-1
Ф 79

Рецензенты:

Ю.В. Рагулина, д-р экон. наук, профессор

Г.А. Терская, к-н экон. наук, доцент

Ф 79 **Формирование интегрированной системы «город–село» как фактор структурной модернизации российской экономики. Памяти Л.В. Никифорова:** Сборник / Под ред. Н.Ю. Ахапкина. М: Институт экономики РАН. 2020. – 228 с.

ISBN 978-5-9940-0679-5

В сборнике, посвященном памяти Л.В. Никифорова, в исследованиях которого тема интеграции города и села занимала одно из центральных мест, рассмотрены вопросы развития сельских территорий России. Проведен анализ осуществляемых государством мер по развитию сельского хозяйства, предпринимаемых с начала двухтысячных годов. Представлены результаты исследования структурной организации городской и сельской экономики и по отдельным характеристикам проведен их сравнительный анализ. В свете концепции интегрированной системы «город–село» рассмотрено состояние и перспективы сельского туризма. Дана обобщенная оценка развития села и сельского хозяйства на разных этапах российской истории.

Ключевые слова: аграрная сфера, интеграция города и села, сельская занятость, сельский туризм, сельское хозяйство, экономика села.

Классификация JEL: O18, Q01, R11, R12, R23, Z32.

The formation of an integrated city-village system as a factor in the structural modernization of the Russian economy. In Memory of L. Nikiforov: Collection of papers / Ed. by N. Akhapkin. M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), 2020. – 228 p.

In the collection dedicated to the memory of L. Nikiforov, in whose research the problem of cities and villages integration took an important place, the issues of the development of rural areas of Russia are considered. The analysis of measures taken by the state for the development of agriculture, starting from the 2000s, is carried out. The results of the study of the structural organization of the urban and rural economies are presented and their comparative analysis is carried out for individual characteristics. Taking into account the concept of the integrated city – village system, the state and prospects of rural tourism are considered. An assessment of the development of rural areas and agriculture at different stages of Russian history is presented.

Keywords: agrarian sector, integration of the city and the village, employment in rural areas, rural tourism, agriculture, rural economy.

JEL Classification: O18, Q01, R11, R12, R23, Z32.

ББК 65.9(Рос)-1

© Институт экономики РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

РАЗДЕЛ I ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

А.В. Петриков Основные проблемы и направления совершенствования сельской политики в России	12
О.С. Сухарев Городская и сельская экономика: структурный разрыв	27
Б.Е. Фрумкин Сельский туризм как элемент интегрированной системы «город–село».....	40

РАЗДЕЛ II СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ СЕЛЬСКОГО УКЛАДА

Н.Ю. Ахапкин Сельская занятость: динамика и структурные изменения ...	62
В.В. Глазунова Некоторые социальные проблемы города и села: сравнительно-структурный анализ.....	80
Л.Н. Иванова Российская аграрная сфера и сельская среда как факторы социально-экономического развития	88
О.Н. Валентик Российское местное самоуправление: новый этап развития.....	113

РАЗДЕЛ III
ГОРОД И СЕЛО: ДИХОТОМИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ

М.И. Воейков

Город и село: где жить человеку. Парадигма
Л.В. Никифорова..... 130

Ю.Г. Павленко

Политико-экономические и институциональные
аспекты развития аграрного сектора экономики
России..... 149

А.И. Амосов

О развитии города и села: уроки истории..... 164

ПАМЯТИ Л.В. НИКИФОРОВА

Т.Е. Кузнецова, А.М. Никулин

Л.В. Никифоров: экономист — исследователь советской
и постсоветской российской действительности..... 195

ВВЕДЕНИЕ

Проблему взаимоотношений деревни и города, их взаимозависимости и взаимовлияния по праву можно отнести к числу вечных проблем и экономического, и социального, и культурного развития. Но в современной России ее нерешенность становится фактором, не просто сдерживающим экономический рост и социальное развитие, но и несущим фундаментальную и по своему характеру экзистенциальную угрозу. Утрата сельского уклада жизни или его перестройка в полностью подчиненный городу сектору экономики, предназначенный только для производства в основном агрохолдингами сельскохозяйственной продукции и выполнения рекреационных функций, будет означать уход от традиционного для России образа страны огромных, разнообразных, многоукладных, но обладающих внутренним единством пространств, где именно деревня была базовым источником развития и социальной устойчивости.

Наращение диспропорций в размещении населения и производительных сил по территории страны, которые приобрели уже критический характер и усиливаются особенностями демографического развития, когда естественный прирост населения или крайне низок, или становится отрицательным и при этом растет доля людей старших возрастов, выступает как одна из причин, препятствующих переходу экономики к режиму устойчивого развития и ее структурной модернизации. Эти диспропорции не в последнюю очередь обусловлены неразвитостью и односторонностью взаимодей-

ствия двух ключевых общественных и экономических подсистем — города и села. Речь идет не только об усилении концентрации населения в городах, что является общемировой тенденцией, а о сохранении и по некоторым характеристикам качества и условий жизни, а также ведения хозяйственной деятельности, усилении различий между городом и селом.

Системная интеграция города и села понимается авторами предлагаемого читателю сборника не как их унификация или отказ от сельского образа жизни, а как усиление их связанности и сглаживания различий, обуславливающих неравенство возможностей. Важно учитывать, что интеграционные тенденции являются одной из ключевых характеристик современного этапа социально-экономического развития. И их отсутствие, как это наблюдается в современной России, — свидетельство социального неблагополучия и несовершенства реализуемой социально экономической модели.

Именно такое понимание интеграции обосновывал в своих работах Л.В. Никифоров (1934–2018), памяти которого мы посвятили настоящий сборник. Он считал, что «по мере становления города и села как двух специфических общественных подсистем, углубления разделения труда между ними возрастала и их зависимость друг от друга. В этой зависимости и ее усилении заключены производственные возможности и потребность достижения в конечном счете относительного равенства качественных характеристик производительных сил города и села и соответственно городской и сельской сфер в целом. Однако в ходе этого процесса конституирующие особенности обеих подсистем общественного развития и города, и села — должны быть учтены и не потеряны»¹.

Комплексное и взаимосвязанное развитие городского и сельского укладов в направлении их интеграции, сопряженное с сокращением региональных разрывов, — одно из ключевых направлений преодоления структурных дисбалансов рос-

1. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). Т. 5. № 2. 2007. С. 182.

сийской экономики, ее модернизации и формирования предпосылок ускорения экономического роста. Однако, несмотря на очевидную необходимость такой интеграции, проблема, а ее разработка активно велась еще в советский период, в том числе учеными Института экономики, применительно к социально-экономическим условиям современной России мало исследована как в теоретико-методологическом, так и в прикладном аспектах.

Свою основную исследовательскую задачу авторы сборника видели в научном обосновании направлений, новых подходов и предложений по формированию интегрированной системы «город—село», что будет способствовать расширению сферы приложения труда на селе (а значит, и выравниванию доходов населения), сглаживанию различий в доступности социальных, культурных и информационных услуг, решению инфраструктурных проблем сельских территорий и созданию предпосылок для постепенного преодоления перенаселенности крупных городов.

Сборник состоит из трех разделов. В первом основное внимание уделено анализу экономических проблем сельских территорий. Здесь рассмотрены меры по развитию сельского хозяйства, предпринимаемые государством с начала двухтысячных годов, и выделены причины низкой эффективности этих мер для развития сельского уклада. Проведено сравнение постоянно изменяющейся экономической ситуации в городах и на селе с обоснованием модели воздействия организации городского хозяйства на развитие сельских поселений. В разделе также исследованы экономические проблемы развития сельского туризма, который должен стать элементом интегрированной системы «город—село».

Авторы статей, размещенных во втором разделе, рассматривают отдельные аспекты социального развития российского села. На первый план здесь поставлены вопросы сельской занятости. И это не случайно. Ведь расширение сферы занятости и создание на селе новых рабочих мест — это основная и необходимая предпосылка сохранения и развития

сельского уклада жизни и решения насущных социальных задач. В этой части сборника сельский и дачно-загородный уклады рассмотрены как обязательные элементы системы жизнеобеспечения страны и как каналы перераспределения ресурсов от города к селу (отходничество, дачное движение).

Насколько целесообразна и обоснована, и экономически, и социально, по сути, стихийная концентрация людей, производственных и финансовых ресурсов в крупных городах и есть ли альтернатива? На этот вопрос, используя собственные подходы, попытались ответить авторы третьего раздела сборника. Особо в этой части работы выделена задача развития в экономической теории пространственного подхода, когда в центре исследований находится не производство или финансы, а человек со своими нуждами, интересами, ценностными установками. Здесь же приводится оценка развития села и сельского хозяйства в дореволюционный период российской истории и раскрываются процессы раскрестьянивания села уже в советский период. Обосновывается целесообразность выбора социальной модели развития села как элемента новой модели российской экономики в целом.

В сборник также включена статья Т.Е. Кузнецовой и А.М. Никулина, долго и плодотворно работавших с Л.В. Никифоровым и хорошо его знавших, в основе которой материалы доклада, подготовленного авторами в 2014 г. к его 80-летию². В статье представлен вклад Л.В. Никифорова в разработку теории современной политической экономии, формирования стратегии социально-экономического развития России и, конечно, в разработку сельских и интеграционных сельско-городских проблем. Также авторы рассказывают о вкладе Л.В. Никифорова в деятельность Института экономики РАН (АН СССР) и в развитие в институте свободных от догматизма и идеологической предвзятости любого толка политико-экономических и аграрных исследований.

2. Кузнецова Т.Е., Никулин А.М. Экономист — исследователь советской и постсоветской российской действительности М: Институт экономики РАН, 2014.

Раздел I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СТРУКТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИИ

А.В. Петриков

д.э.н., академик РАН, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова — филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Рассматриваются вопросы развития сельских территорий, что является одним из приоритетов социально-экономической политики государства. Показано, что меры по развитию сельского хозяйства, предпринимаемые государством с начала двухтысячных годов, совсем или почти не работают для развития сельской местности. Выделены причины неблагоприятных тенденций в социально-экономическом развитии села. Определены меры, принятие которых необходимо для обеспечения устойчивого развития сельских территорий России.

Устойчивое сельское развитие является одним из приоритетов социально-экономической политики государства. Принципы и направления этой политики прописаны в специальной Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года, принятой в 2015 г.¹ На заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 25 декабря 2019 г., на котором обсуждался ход реализации указанной стратегии, В.В. Путин подчеркнул: «Конечно, мы должны обратить внимание на малые населенные пункты, на малые города, на сельскую местность. Люди, которые проживают в этой местности, не должны чувствовать себя чужими на этом празднике жизни»². В создании на селе равных с городом условий жизни заключается основная

-
1. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238.
 2. Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам 25 декабря 2019 г. www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/62411.

цель сельской политики, однако важно подчеркнуть, что от развития села выигрывают не только сельские жители, но и горожане: уменьшается миграция населения в города, что положительно сказывается на решении жилищных, транспортных, экологических проблем городов, особенно крупных.

Село как особая социально-территориальная подсистема общества выполняет ряд важнейших народнохозяйственных функций: производственную — удовлетворение потребностей общества в продовольствии и сырье для промышленности, продукции лесного, охотничье-промыслового и рыбного хозяйства, а также в другой несельскохозяйственной продукции; демографическую — увеличение демографического потенциала страны; трудовую — обеспечение городов мигрировавшей из села рабочей силой (прежде всего для занятия рабочих мест, не востребованных горожанами); жилищную — размещение на сельских территориях жилых домов граждан, имеющих доходное занятие в городе, а также на предоставление им в пользование объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры; рекреационную — создание условий для удовлетворения потребностей городского населения в отдыхе; функцию по сохранению и воспроизводству традиционной народной культуры; пространственно-коммуникационную — размещение и обслуживание дорог, линий электропередачи, водопроводов и других инженерных коммуникаций; социального контроля над сельской территорией — содействие органам государственной власти и местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности на малолюдных территориях и в сельских поселениях, а также в охране пограничных зон³. В условиях коронавирусной пандемии стало также ясно, что уменьшение населения крупных городских агломераций, более равномерное распределение людей по территории страны снижает риски распространения инфекции, а переезд

3. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р). www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2073544/.

Таблица 1. Распределение муниципальных районов страны по доле ЛПХ с заброшенными земельными участками (пустующими домами) в 2006 г. и 2016 г.

Доля ЛПХ с заброшенными участками (пустующими домами), %	Удельный вес муниципальных районов, %	
	2006 г.	2016 г.
До 5	44,3	21,4
5–10	25,2	14,8
10–15	12,9	16,6
15–20	8,8	14,7
20–25	3,9	10,3
25–30	2,7	7,9
30–35	1,2	5,4
35–40	0,7	3,9
Свыше 40	0,3	5,0

Источник: данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. rosstat.gov.ru/519.

в сельскую местность для многих городских семей становится дополнительной защитой от заболевания. Село выступает территорией безопасности, страхует общество от тяжелых последствий инфекционных процессов.

Тема развития сельских территорий для России была актуальной всегда, но особенно она обострилась в последнее время, когда стало ясно, что меры по развитию сельского хозяйства, предпринимаемые государством с начала двухтысячных годов, совсем или почти не работают для развития сельской местности. К старым проблемам деревни (инфраструктурная необустроенность, относительно низкие по сравнению с городом доходы) добавились новые (рост социальной дифференциации, трудоустройство резко высвободившегося из сельского хозяйства населения и др.).

Кумулятивным следствием этого становится социальное опустынивание сельских территорий. В табл. 1 представлена классификация муниципальных районов страны по доле личных подсобных хозяйств (ЛПХ) с заброшенными земельными участками и пустующими домами, составленная по материалам Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 г. Из нее видно, что удельный вес районов с низкой (до

10%) долей заброшенных домов снижается и, наоборот, районов с более высокой долей заброшенных домохозяйств растет.

Причины неблагоприятных тенденций в социально-экономическом развитии села, на наш взгляд, сводятся к следующему.

1. Резкое сокращение аграрной занятости сельского населения без создания альтернативных рабочих мест в других (несельскохозяйственных) отраслях. Этот процесс сопровождается уменьшением численности сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, выполняющих сельскохозяйственные функции.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. и сравнение ее результатов с итогами предшествующей сельскохозяйственной переписи 2006 г. показывает, что численность сельскохозяйственных организаций и фермеров сократилась за десятилетие на 40%. Этот процесс охватил подавляющее число муниципальных районов. Удельный вес районов, где произошло сокращение численности сельскохозяйственных организаций, составил 85%, фермерских хозяйств – 64,5% (табл. 2). Соответственно в большинстве муниципальных районов сократился сельскохозяйственный потенциал, особенно в животноводстве (табл. 3). Посевная площадь сельскохозяйственных культур уменьшилась в 56% районов, условное поголовье скота и птицы – в 72%, а поголовье КРС – в 80%.

Существует определенная корреляционная связь (табл. 4) между динамикой численности ЛПХ, ведущих сельскохозяйственную деятельность, динамикой общей посевной площади, условного поголовья скота и птицы и поголовья крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств. Наличие таких ЛПХ можно считать показателем обжитости территории, которая, как следует из расчетов, зависит от масштабов сельскохозяйственной деятельности, особенно в животноводстве. Но связь эта слабая (коэффициенты корреляции – менее 0,5), значит на «обжитость» влияют и другие факторы (например, узость сферы приложения труда, социальная необустроенность и др.).

Таблица 2. Динамика численности сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей по муниципальным районам РФ в 2006–2016 гг.

Показатель	Доля муниципальных районов (%), в которых численность организаций / хозяйств за период 2006–2016 гг.	
	уменьшилась	увеличилась
Сельскохозяйственные организации	85,3	14,7
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	64,5	35,5

Источник: данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. rosstat.gov.ru/519.

Таблица 3. Динамика посевной площади сельскохозяйственных культур, условного поголовья скота и птицы и поголовья КРС во всех категориях хозяйств по муниципальным районам РФ за период 2006 и 2016 г.

Показатель	Доля муниципальных районов, в которых посевная площадь и поголовье уменьшились, %	Доля муниципальных районов, в которых посевная площадь и поголовье увеличились, %
Посевная площадь	55,6	44,4
Условное поголовье скота и птицы	72,1	27,9
Поголовье КРС	80,0	20,0

Источник: данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. rosstat.gov.ru/519.

Таблица 4. Зависимость между динамикой ЛПХ, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, и динамикой общей посевной площади, условного поголовья скота и птицы и поголовья крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств, по данным за 2006 г. и 2016 г.

Показатель	Коэффициент корреляции
Общая посевная площадь	0,35
Условное поголовье скота и птицы	0,47
Поголовье КРС	0,40

Источник: данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. rosstat.gov.ru/519.

2. Усиление роли в аграрной экономике крупных агропромышленных формирований – агрофирм и агрохолдингов. Многие из них рекрутируют работников не из местного сельского населения, часто ориентированы на использование иностранной рабочей силы, зарегистрированы, как правило, в городах, а то и в офшорах, и, следовательно, слабо заинтересованы в сельском развитии. Между тем, именно крупный сельскохозяйственный и агропромышленный бизнес получает государственную поддержку в приоритетном порядке, что видно по данным табл. 5.

Таблица 5. Доля сельскохозяйственных организаций с различной посевной площадью, получавших субсидии и кредиты, %

Посевы, га	До 500	500–1500	1500–4000	4000–10000	Свыше 10000
Доля получавших субсидии	47,7	80,3	90,3	92,3	95,0
Доля получавших кредиты	11,6	22,4	36,5	48,7	59,6

Источник: данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. rosstat.gov.ru/519.

3. Недостаточный уровень развития сельского самоуправления, выражающийся в сокращении сети сельских муниципалитетов, а также в крайнем дефиците муниципальных бюджетов. Количество сельских муниципальных образований уменьшается гораздо быстрее численности сельских жителей, что, с одной стороны, позволяет экономить на издержках управления, но, с другой, затрудняет решение сельских проблем (табл. 6). По данным Общероссийского конгресса муниципальных образований (далее – ОКМО), объем доходов местных бюджетов в процентах к ВВП постоянно сокращается. В 1997 г., когда принималась современная редакция федерального закона о местном самоуправлении, он составлял 10,9 % к ВВП, в 2011 – 5,4%, в 2017 – 4,2%, в 2018 г. – 4,1%.

Основная причина дефицита местных бюджетов – узкая налогооблагаемая база. Объем доходов местных бюджетов в 2018 г. составил 4245,7 млрд руб., при этом 65% дохо-

Таблица 6. Динамика численности сельского населения и количества сельских муниципалитетов

Показатель	2005	2010	2015	2020	2020/2005 (%)
Сельское население, млн человек	38,8	38,2	38,0	37,2	95,9
Доля от всего населения, %	27,0	26,9	26,0	25,4	94,1
Количество сельских муниципалитетов, единиц	24373	19591	18654	16838	69,0

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1.

дов составили межбюджетные трансферты и только 29% — налоговые доходы, 6% — неналоговые доходы⁴. В бюджете сельских поселений (в 2018 г. — 208,5 млрд руб.) удельный вес межбюджетных трансфертов несколько ниже, но тоже существен — 60%; налоговые поступления составили 35%, неналоговые (без субвенций) — 4%, субвенции — 1%⁵. В большинстве сельских поселений действующая межбюджетная и налоговая политика позволяет обеспечивать собственными налоговыми и неналоговыми доходами только содержание самих органов местного самоуправления. Финансирование остальных потребностей покрывается за счет финансовой помощи из региональных бюджетов, которой крайне недостаточно. Расходы местных бюджетов на одного сельского жителя в 2018 г. составили 16600,8 руб., на одного городского жителя — 32959,0 руб., т.е. почти в 2 раза выше⁶.

4. Низкий уровень доступа сельского населения к ресурсам развития — земельным, материально-техническим, финансовым, информационным. Это выражается, в частности, в слабом развитии сельскохозяйственных потребительских кооперативов (перерабатывающих, снабженческо-сбытовых,

-
4. Доклад ОКМО «О состоянии местного самоуправления, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации в 2018 году». М., 2019. С. 25.
 5. Там же. С. 31.
 6. Там же. С. 47.

кредитных и др.), что затрудняет рыночную интеграцию малых и средних хозяйств. Всего 4,0% сельскохозяйственных организаций страны и 4,2% фермеров являлись членами сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПОК). За 10 лет число сельхозорганизаций – членов кооперативов уменьшилось на 226 единиц, их доля в общей численности сельхозорганизаций возросла всего на 0,29 п.п. (в пределах статистической ошибки); число кооператоров – фермеров и предпринимателей увеличилось немногим более чем на полторы тысячи, и доля возросла всего на 2 п.п. (табл. 7).

Таблица 7. Удельный вес сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, являющихся членами сельскохозяйственных потребительских кооперативов

Показатель	Сельскохозяйственные организации, %			Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели		
	2006	2016	2016 – 2006, п.п.	2006	2016	2016–2006, п.п.
Число организаций (хозяйств), являющихся членами СПОК, всего	3,74	4,03	0,29	2,12	4,19	2,07
Из них						
перерабатывающих	0,35	1,04	0,69	0,24	1,15	0,91
сбытовых	0,51	1,04	0,53	0,31	1,11	0,80
снабженческих	0,31	0,52	0,21	0,11	0,49	0,38
обслуживающих	0,26	0,38	0,12	0,08	0,33	0,25
кредитных	1,88	0,92	–0,96	1,35	1,09	–0,26
страховых	0,06	–	–	0,02	0,01	–0,01
других	0,69	0,90	0,21	0,18	0,55	0,37

Источник: данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. [rosstat.gov.ru/519](http://rosstat.gov.ru/).

5. Нестабильность и недостаточный уровень финансирования мероприятий по устойчивому развитию сельских территорий. По данным табл. 8 видно, что в период 2012–2019 гг. происходило уменьшение объема финансирования федераль-

ной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий», несмотря на то что удельный вес федерального бюджета в общих расходах на программу вырос при сокращении доли бюджетов субъектов Российской Федерации (на 8,8 п.п.) и, особенно, – внебюджетных источников (на 16,4 п.п.). Уменьшилась также доля финансирования ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий» в общем бюджете Государственной программы развития сельского хозяйства, составной частью которой она являлась.

Таблица 8. Финансирование программы «Устойчивое развитие сельских территорий»

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего, млн руб.	39973,9	38184,6	38060,6	31745,0	31692,3	35828,4	34601,0	34473,4
%	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:								
федеральный бюджет, млн руб.	10020,0	9012,3	10176,6	12215,0	12070,9	14912,4	17046,5	17346,9
%	25,1	23,6	26,7	38,5	38,1	41,6	49,3	50,3
бюджеты субъектов Российской Федерации, млн руб.	15389,7	16255,5	16746,6	11999,1	13036,4	14463,7	12528,1	10234,3
%	38,5	42,6	44,0	37,8	41,1	40,4	36,2	29,7
внебюджетные источники, млн руб.	14564,1	12916,8	11137,4	7530,9	6585,0	6452,3	5026,4	6892,2
%	36,4	33,8	29,3	23,7	20,8	18,0	14,5	20,0
Доля расходов федерального бюджета в общем объеме финансирования Государственной программы развития сельского хозяйства, %	7,3	4,6	5,5	5,5	5,5	6,4	6,7	5,6

Источник: по данным Национальных докладов о реализации Государственной программы развития сельского хозяйства за соответствующие годы.

Все эти причины являются частным следствием общей недооценки значения села в социально-экономическом развитии страны и политики по стимулированию урбанизации. Если ранее эта политика не получала четкого нормативного воплощения, то теперь это произошло. В плане реализации Стратегии пространственного развития

Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденном Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г., выделен особый раздел «Социально-экономическое развитие крупных и крупнейших городских агломераций», где, в частности, предусмотрена разработка проектов федеральных законов «О городских агломерациях», а также закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества». Намечена разработка не менее 20 долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций. В проекте «Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения», принимаемого в связи с коронакризисом, ничего не говорится о новых мерах в области сельского развития, но зато содержится пункт о создании программного механизма по ускорению социально-экономического развития городских агломераций и городов, являющихся центрами экономического роста.

На реализацию Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» в 2020 году, в соответствии с ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 годов», предусмотрено 36 млрд руб., в то время как паспортом намечалось около 79,2 млрд руб., т.е. в 2,2 раза больше. Часть из этих средств предполагается выделить на развитие малых городов с численностью населения до 30 тыс. человек, в соответствии с изменениями, внесенными в упомянутую госпрограмму Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2019 г. № 1332.

Без кардинального изменения этого подхода, направленного на приоритетное развитие крупных городских агломераций, наладить устойчивое развитие села представляется проблематичным. В российском обществе и, как следствие, в структурах власти должен сформироваться консенсус по

поводу приоритетности сельского развития. Кроме того, важно правильно выбрать стратегию этого развития.

Сейчас складываются два диаметрально противоположных концептуальных подхода к развитию села. Первый подход заключается в том, чтобы развивать сельские населенные пункты, включенные в городские агломерации и/или в которых осуществляются инвестпроекты. Второй предполагает сохранение и развитие всех сельских населенных пунктов. Сильные стороны первого подхода: ускорение экономического роста и эффективное использование средств, направляемых на развитие социальной и инженерной инфраструктуры. Но это грозит расширением незаселенной сельской территории, уменьшением ее рекреационного потенциала, размыванием культурной идентичности общества. Этих рисков можно избежать при втором подходе, но он сопряжен с большими бюджетными затратами. На наш взгляд, оптимальным является третий подход, основанный на выявлении экономического, социально-культурного и экологического потенциала каждого населенного пункта и направленный на сохранение сильных и элиминирование слабых сторон первого и второго вариантов⁷.

К сожалению, в недавно принятой Стратегии пространственного развития России и Государственной программе комплексного развития сельских территорий на период 2020–2025 гг. заложен первый подход. Так, например, при отборе проектов комплексного развития, на которые направляются до 35% бюджета упомянутой государственной программы, не учитываются социально-культурный и экологический потенциал сельских поселений, а также степень обеспеченности населения объектами социальной и инженерной инфраструктуры. Предпочтение отдается приросту рабочих мест, доле трудоспособного и занятого населения, удельному весу внебюджетного финансирования, большие объемы кото-

7. Петриков А. Политика сельского развития в России: направления и механизмы // Крестьянские ведомости. kvedomosti.ru/news/kommentarij-petrikov-vazhno-prinyat-specialnyj-federalnyj-zakon-ob-ustojchivom-razvitii-selskix-territorij.html.

рого может обеспечить крупный бизнес⁸, т.е. велик риск, что программа превратится в инфраструктурное сопровождение развития крупного бизнеса, а не развития сельских территорий в целом.

В целях совершенствования нормативно-правовой базы устойчивого развития сельских территорий необходимо, по нашему мнению, принять Федеральный закон «О развитии сельских территорий», в котором определить правовые основы политики сельского развития и механизмы ее реализации, включая:

- определение понятия «сельские территории», «сельский административный район (округ)» и «городской административный район (округ)» (основным критерием при этом должна выступать плотность населения);
- полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления в области развития сельских территорий;
- направления государственной политики сельского развития и меры по ее реализации;
- формирование государственной программы развития сельских территорий на среднесрочный период, ее финансовое обеспечение и механизмы реализации предусматриваемых мероприятий;
- осуществление мониторинга за сельским развитием и подготовку национального доклада о реализации упомянутой государственной программы;
- участие субъектов экономической деятельности, граждан, общественных организаций и объединений в сельском развитии и др.

Важным условием, обеспечивающим устойчивое развитие села, роста занятости и доходов населения является развитие малых и средних сельскохозяйственных организа-

8. Приказ Минсельхоза России от 18.10.2019 № 588 «Об утверждении порядка разработки и отбора проектов комплексного развития сельских территорий (сельских агломераций)». minjust.consultant.ru/special/documents/document/44374.

ций, крестьянских (фермерских) хозяйств и других малых форм хозяйствования. Это важно и по другим причинам. К настоящему времени в основном решены вопросы продовольственной независимости страны, агропродовольственный рынок насыщен. На первый план (кроме увеличения экспорта) выдвигаются задачи удовлетворения потребительского спроса на высококачественное и персонализированное продовольствие (в т.ч. органическое), расширение ассортимента продукции, в т.ч. за счет продукции региональных и местных брендов, адаптации выпуска к динамичному изменению потребительских предпочтений. Малый бизнес может решать эти задачи более эффективно, чем крупный.

Кроме того, следует учесть и экологические аспекты. Концентрация производства на крупных специализированных предприятиях, решив задачи роста выпуска, привела к обострению экологических проблем – сокращению биоразнообразия в агробиоценозах и увеличению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду. Малые формы хозяйствования уменьшают экологические риски.

Целесообразно увеличить государственную поддержку малого и среднего бизнеса, в том числе финансирование действующих программ поддержки начинающих фермеров, строительства и реконструкции семейных животноводческих ферм. Особое значение имеет улучшение кредитования малых форм хозяйствования. В настоящее время уровень их доступа к кредитным ресурсам ниже, чем крупных предприятий.

Необходимы новые меры по стимулированию вертикальной сельскохозяйственной кооперации – перерабатывающих, снабженческо-сбытовых и обслуживающих кооперативов. Незадействованным резервом остается сотрудничество кооперативов с крупными переработчиками сельхозпродукции и торговыми сетями.

Новым направлением структурной политики должно стать стимулирование так называемого «контрактного сельского хозяйства», когда крупное предприятие – рыночный интегратор (агрофирма, агрохолдинг, перерабатывающее

предприятие, крупная сельскохозяйственная организация) передает часть своего производственного цикла, а именно производство сырья, более мелким хозяйственным единицам, поставляя им необходимые производственные ресурсы, перерабатывая и реализуя продукцию. На основе такого взаимодействия не только создается система гарантированного сбыта сельскохозяйственной продукции для субъектов малого предпринимательства, но и обеспечивается их доступ к современной инфраструктуре переработки и хранения продукции на взаимовыгодных условиях.

Стратегическим направлением структурной политики должно стать развитие семейных крестьянских (фермерских) хозяйств путем стимулирования товарности личных подсобных хозяйств граждан и постепенной перерегистрации их в субъекты предпринимательской деятельности. Как показала Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г., в стране имеется 2334,3 тыс. личных подсобных хозяйств, ведущих сельскохозяйственное производство с целью получения денежных доходов. Они являются социальной базой для развития фермерства, особенно те из них, для которых ЛПХ — основной источник денежных доходов.

Целесообразны дополнительные меры по диверсификации сельской экономики как за счет диверсификации сельского хозяйства, так и развития в сельской местности несельскохозяйственных отраслей, включая предоставление малым сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям, занимающимся сельскохозяйственной деятельностью, субсидируемых кредитов на организацию несельскохозяйственного бизнеса (переработка сельскохозяйственной продукции, аграрный и сельский туризм, органическое производство, сбор и переработка дикоросов, альтернативная энергетика и др.

Финансирование Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» следует увеличить до ее паспортных значений, предусмотрев при этом

меры по развитию сельских населенных пунктов, выполняющих функции центров межселенного обслуживания, включая создание в них социальной и инженерной инфраструктуры для обеспечения социальных стандартов не только проживающему в нем населению, но и жителям прилегающих территорий. Такие межселенные центры выполняют ключевую роль в сельском расселении, на них держится весь его каркас. Не случайно специальные меры по их поддержке содержатся в программах развития сельских территорий Беларуси и Казахстана. В Беларуси с 2005 по 2018 г. строились так называемые агрогородки; в Казахстане с 2013 г. – опорные сельские населенные пункты.

Целесообразно значительно укрепить бюджеты сельских муниципальных образований при расширении их властных полномочий, а также предоставить статус бюджетополучателей территориальным органам самоуправления, расширить грантовую поддержку некоммерческих организаций, реализующих социально значимые проекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад ОКМО «О состоянии местного самоуправления, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления в Российской Федерации в 2018 году». М. 2019.
2. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). Т. 5. № 2. 2007
3. Петриков А. Политика сельского развития в России: направления и механизмы». Крестьянские ведомости. kvedomosti.ru/news/kommentarij-petrikov-vazhno-prinyat-specialnyj-federalnyj-zakon-ob-ustojchivom-razvitii-selskix-territorij.html.

О.С. Сухарев

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА: СТРУКТУРНЫЙ РАЗРЫВ

Целью исследования выступает выделение и анализ наиболее острых проблем развития города и села в современной России. Методологию исследования составляет сравнительный анализ, который позволяет оценить изменяющуюся ситуацию в городах и сельских поселениях, а также системный анализ структурной организации городской экономики. Отталкиваясь от представлений о структурном разрыве, удастся рассмотреть негативный эффект обеднения сельских территорий и сокращения сел как вполне закономерный процесс. Причем сила этого процесса не только в разнице социальных условий жизни в городе и селе, но и в перспективах труда и самореализации, которые более широкие в городе, чем в сельской местности. Анализ моделей организации городского хозяйства показал, что формируется модель развития городов типа «ядро–периферия». Обнаруживается несколько периферий, а сокращение числа сел в России, сопровождающееся ростом городского населения, по сути, позволяет развернуть вокруг городов аграрную периферию и изменить даже стандарт проживания в городах, когда более ценятся не квартиры в многоэтажных городских высотках, а дома коттеджного типа на окраине города ближе к сельской местности. Такое явление только набирает вес, но оно уже просматривается и скорее всего будет изменять общий стандарт городской жизни, уже влияя и на логистические потоки в городском хозяйстве. Общий результат сводится к тому, что не стоит, следуя линейной логике, ограничиваться только методом выделения ресурсов селу, осуществляя попытки доведения социальных стандартов села к городу, при всей важности такого решения и нужности его исполнения. Предложение сводится к тому, чтобы воспользоваться миграцией населения из сел в города, выстраивая иную модель организации городского хозяйства, где бы индустриальное ядро взаимодействовало с «аграрной агломерацией», развертывающейся вокруг современных городов. Экономике сел, там, где имеется трудовой потенциал, следует снабжать ресурсами с основной направленностью на повышение технологичности их функционирования, т.е., внедряя новую технику, транспорт, связь, что расширит доступ к образованию и повысит производительность аграрного труда. В тех селах, где подавляющее число пенсионеров, — требуется обеспечить приемлемый социальный стандарт жизни.

Введение

Современная динамика сельского хозяйства России впечатляет. По крайней мере многие аналитики и эксперты, а также представители правительства РФ отмечают явные успехи. Одновременно можно отметить, что сельская жизнь сохраняет свои тяготы, невысокий уровень технологичности и социального обеспечения, кардинальным образом отличаясь от жизни в городе, где время давно уже стало самым ценным ресурсом, потому что он самый редкий, а технологичность жизни много выше. В связи с этим, рассматривая структурные проблемы развития экономики России, ведя дискуссии о новой модели экономического роста, для которой нужны структурные изменения, обычно в анализе исчезает тематика масштабных структурных диспропорций (разрывов), которые давно сформировались и продолжают оказывать довлеющее влияние на функционирование российского хозяйства, включая и его динамизм.

К таким структурным разрывам можно отнести расхождения в развитии города и села, причем они охватывают не только социальные показатели жизни в городе и селе, численность населения, возрастной его состав, но и объем производства, его производительность, реальные доходы, состояние фондов, инвестиции и т.д. Конечно, структурные пропорции складываются не в пользу села, причем они имеют хронический характер, так как многие соотношения сформировались еще в советское время. Еще в ранний советский период обсуждалась, в общем-то, структурная проблема «ножницы цен», когда невысокого качества промышленные товары (создаваемые в городах) ценились выше, нежели сельскохозяйственная продукция (создаваемая на селе). Наличие таких ножниц грозило продовольственным кризисом, а методы преодоления возможного кризиса были сведены к снижению издержек производства, сокращению посредников в продаже продуктов промышленности, развитию потребительской кооперации. Фактически институциональными воздействиями, а также выравниваем затрат труда удалось купировать

возможный продовольственный кризис¹. Однако названные выше структурные проблемы, причем на порядок более сложные, имеющие хронический характер, выражающиеся в исчезновении сел десятками, если не тысячами, особенно в 1990-е годы и первое десятилетие 2000-х годов, сохраняются. Данный процесс имеет некоторую инерцию, поэтому о его преодолении в настоящий период преждевременно говорить.

Оценим тенденции в изменении модели функционирования городского хозяйства, что даст возможность прийти к определенному заключению относительно стратегических мер воздействия на развитие городов и сел. Известная «теория разрывов», позволяющая рассчитать разрывы безработицы и инфляции с общей направленностью на обоснование антициклической экономической политики, вряд ли даст точный ответ, какими методами элиминировать структурный разрыв между городом и селом в российской экономике и подлежит ли он уменьшению в принципе.

Относительно высокая безработица на селе, конечно, оборачивается недопроизводством продукта, но технологическая отсталость не позволит нарастить ощутимо продукт, даже если каким-либо методом, предположим, удалось бы всех безработных трудоустроить на селе. Кроме того, значительную часть времени сельские жители расходуют на свое натуральное хозяйство, которое дает некоторый продукт и соответственно доход. Развертывание дачных поселков вокруг городов также обеспечивает затраты времени на производство натурального продукта, причем не самыми высокопроизводительными средствами. Излишки этого продукта поставляются на рынок и потребляются².

-
1. Эти события возникли в самом начале реализации советской властью новой экономической политики (НЭП). Однако диспаритет цен между продукцией промышленности и сельского хозяйства оставался проблемой для советской экономики в поздние периоды ее функционирования.
 2. Индивидуальный продукт является в основном экологически чистым.

В связи с указанными обстоятельствами «теория разрывов» должна исходить из затрат времени на иное производство и оценивать несозданный по этой причине ВВП как на селе, так и в городском хозяйстве, с поправкой на усталость и снижение трудовых усилий на основной работе (в рамках индустрии, являющейся частью городского хозяйства). Только в таком случае можно получить более или менее правдоподобную оценку «структурного разрыва».

Сокращающееся число сел и сельских жителей, выступающее характеристикой структурной деформации — разрыва «город—село», означает увеличение городских жителей — изменяется структура, но разрыв в ней возрастает. Данный разрыв имеет негативное представление, но в нем можно увидеть и некие объективные закономерности структурных изменений, связанные с содержанием труда — индустриального в городах и сельскохозяйственного в селах. К тому же, сам современный город изменяется, становясь менее индустриальным и более сервисным (транзакционным). Данная структурная трансформация также является базисной, определяющей изменение модели функционирования городского хозяйства. При рассмотрении связи «город—село» данный аспект невозможно не учитывать в силу значительной определяющей его роли.

Проблема структурной деформации «город—село»

Структурные изменения по линии «город—село» выражаются в изменении численности городского и сельского населения. Отток происходит из села в город. Сокращается и число сел, одновременно вокруг города возникают сельские агломерации. Создаваемый увеличивающимся городским населением продукт растет на большую величину, а сокращающееся сельское население обеспечивает меньший прирост продукта, создаваемого в сельской местности. Оба структурных изменения взаимосвязаны — трудовой фактор детерминирует производство продукта. Следовательно, ориентируясь

на модель роста Т. Хаавельмо³, можно записать для продукта, создаваемого городским населением: $Y_c = AN_c^a$, – сельским населением соответственно: $Y_v = BN_v^b$. Доля продукта, создаваемого городом, $d_c = Y_c/Y$, селом, – $d_v = Y_v/Y$. Совокупный продукт в экономике $Y = Y_c + Y_v$ есть сумма продукта, создаваемого городом и селом. Тогда темп роста экономики составит $g = d_c g_c + d_v g_v$, где g_c, g_v – темп роста продукта города и села соответственно. Общая численность $N = N_c + N_v$. Откуда несложно получить: $g_c = A g_{N_c}$, $g_v = B g_{N_v}$. И тогда темп роста составит: $g = d_c A g_{N_c} + d_v B g_{N_v} > 0$ для роста экономики, откуда $g_{N_c} > -d_v B g_{N_v} / (d_c A)$. Таким образом, отрицательный темп роста сельского населения, чтобы экономика в целом росла, должен налагать условие на положительный темп роста городского населения, чтоб он был выше выражения слева в приведенном неравенстве. При сокращении численности сельского населения продукт сельского хозяйства может расти за счет повышения производительности аграрного производства (технологической модернизации).

Дальнейшее решение в рамках похожей структурной модели можно развернуть за счет выражения Хаавельмо⁴, связывающего изменение численности населения с величиной самой численности и создаваемого продукта, а именно: $dN/dt = N [b - kN/Y]$, b, k – коэффициенты модели, $N = N_c + N_v$ – численность, $Y = Y_c + Y_v$ – совокупный продукт. Подставляя в уравнение указанные величины общей численности и продукта и связи составляющих продукта с величиной городского и сельского населения, несложно получить уравнение связи городского и сельского населения $N_c = f(N_v)$ в дифференциальной форме. Его решение позволит получить динамику численности и затем искать факторные модели

3. *Haavelmo T. A Study in the Theory of Economic Evolution. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1954. Pp. v + 114. 15s.*

4. Конечно, уравнение Т. Хаавельмо приводится как один из вариантов, оно должно тестироваться для конкретной экономики на предмет возможности применения на конкретных данных. Однако в рамках теоретического рассмотрения проблемы для демонстрации возможностей его использование вполне приемлемо и показательно.

влияния на процесс внутренней миграции, включая и способы торможения этого процесса. Такое управление перемещением населения внутри страны необходимо, так как городское хозяйство, если процесс идет относительно быстро, может оказаться не готово принять и распределить притекающее население. В итоге получаем худший вариант развития, когда от такой внутренней миграции сокращается не только база развития села, но страдает и городское хозяйство.

Структурная формула динамики численности населения с разделением на городскую и сельскую часть принимает вид: $g_N = x_c g_{N_c} + x_v g_{N_v}$, где x_c , x_v — соответственно доли городского и сельского населения в общей величине численности населения. Произведение доли на темп численности показывает вклад данной группы населения в темп общей численности населения. Также как произведение доли продукта на темп роста продукта городского или сельского — дают вклад города или села в общий темп роста экономики страны.

Тем самым здесь показано существо структурной проблемы — это сокращение численности населения на селе в России, старение, т.е. ухудшение возрастной структуры, на селе особенно. Сельские жители перебираются в города, пополняя состав городов. Конечно, важно уточнить, идет ли процесс естественной убыли сельского населения России быстрее или медленнее процесса внутренней миграции в города. Это важный, но уточняющий аспект, который не изменяет существа структурной проблемы — расширения городов за счет сел. При этом обостряются вопросы организации городского хозяйства — границы расширения городов и воспрепятствования дальнейшему расширению, организации транспорта и расселения в масштабах города, размещения жилых районов и производства, а также зон отдыха. Рассмотрим ниже возможные модели организации современных городов. Современная дискуссия касается так называемых «умных городов», но мне представляется такая повестка дня лишь дополняющей, потому что без решения центральной проблемы размещения различных видов

деятельности и создания модели города она не будет иметь самодовлеющего значения. Новые технологии надо прилагать к сути организационных изменений, а не подчинять им сложившуюся структуру, которая может оказаться недееспособной в перспективе.

Модели организации городской экономики

Сегодня можно наблюдать те модели, которые уже прошли города России в своем развитии. Кроме того, имеются и новые модели, которые только начинают просматриваться и которые могут оказаться весьма полезными, если вовремя их скорректировать, включая меры экономической политики, необходимые для их стимулирования. Это не только модель «умного города», которая часто вводится так, что как будто наслаивается на текущую городскую структуру, без анализа того, что ее применение конфликтует с этой организационной структурой. Чтобы понять основные свойства организации городов в России, рассмотрим модель, которая развивалась с советских времен и ту модель, которая вырисовывается к настоящему времени (рис. 1).

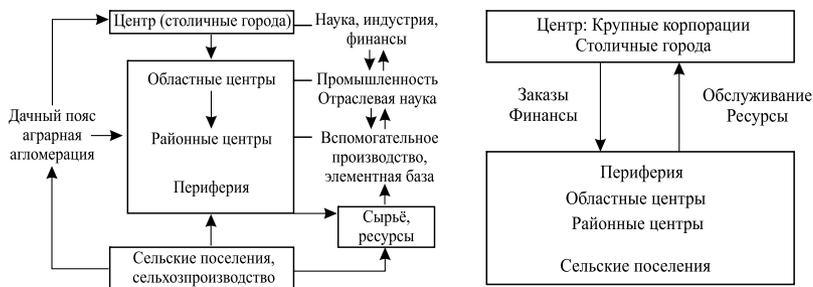

Рис. 1. Модель «центр—периферия» в СССР (слева), РФ (справа)

Как видно из рис. 1, слева четко выделялась схема организации «центр—периферия». Центром выступали столичные города с большим населением, научно-техническим и образовательным потенциалом, концентрирующие существенные

финансы. Областные центры, и особенно районные центры, исполняли роль периферии, где располагались вспомогательные производства, отраслевая наука, элементная база. На них замыкались сельские поселения, доставляющие сырье, ресурсы, продукты питания. Перерабатывающие производства также располагались либо в больших селах, либо в районных центрах (со статусом города или поселка городского типа). Возле каждого города, особенно областного центра и столичного города, уже в советское время начал формироваться дачный пояс, или своеобразная «аграрная агломерация». Это значительный по объему размер земельных угодий, где городские жители ведут свое сельское хозяйство обычно весьма ограниченным с точки зрения технологичности способом. Однако излишки производства могли продаваться на рынке. По мере трансформации советской системы хозяйствования коренным образом изменилась и данная структура взаимоотношений между городом и селом. Центром стали крупные корпорации, преимущественно сырьевой ориентации, и регионы, где функционируют эти корпорации. Столица России превратилась в крупнейший финансовый центр, в том числе и потому, что штаб-квартиры этих корпораций и их представительства размещены именно в столице.

Индустриальная роль крупных городов (столичных и областных центров) по мере деиндустриализации (эффекта «2-Д»⁵) существенно снизилась, они стали сервисными, но уже неиндустриальными центрами. В результате стала изменяться отраслевая специализация, возникли локализованные региональные рынки, происходила фрагментация промышленности. В итоге, оформились множество центров, с привязкой к сырьевой ориентации и сервисному значению, включая

5. Об этом эффекте автор подробно писал в 2011–2013 гг. Эффект включает деиндустриализацию, выраженную в целом ряде признаков совместно с декавалификацией персонала, занятого в промышленном производстве. Дальнейшие модификации этого эффекта, основным назначением которого было показать неизбежную декавалификацию персонала, порождающую трудности технологического обучения и обновления, свелись к расширению числа обозначающих букв «4-Д» или «5-Д», но не изменили сути содержания первоначальной авторской задумки, которая признавалась, осуществившими расширение буквенного обозначения.

финансовые потоки. Это принципиально иная структура взаимодействий как отраслевого, так и пространственно-регионального, а также в рамках системы «город—село». В итоге общая структурная схема стала такой, как показана на рис. 1, справа. Как видим, произошло явное упрощение связей, возросла стохастическая компонента в организационной схеме, ушло плановое начало в принятии решений и структурной организации экономики. Это не могло не отразиться на структурной организации городов различного масштаба — по числу проживающих жителей. Модели организации городов отражает рис. 2.

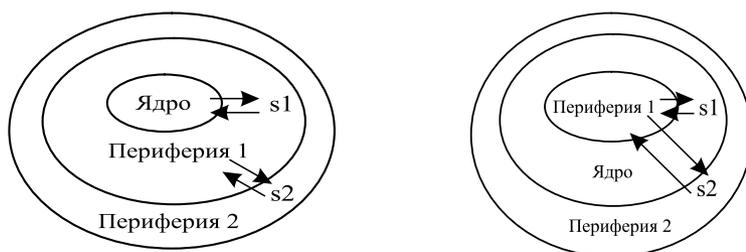

Рис. 2. Варианты моделей структурной организации городской экономики

На рис. 2 показано условное расположение ядра города, составляющего его главную производительную силу, т.е., индустрия, офисы, транспорт, инфраструктурные подразделения и др. Ядро — это место работы жителей. Это может быть, например, центр города, где размещены основные виды деятельности (рис. 2, слева). Периферия 1 — это жилые комплексы и транспорт, место жизни жителей и доставки их на работу. Периферия 2 — это садово-дачный пояс, связанный с аграрным трудом жителей города и их отдыхом. Периферия 2 всегда расположена на границе города и за ней. Именно здесь жители города ведут, по сути, сельскохозяйственную деятельность на уровне домохозяйств — для собственного обеспечения, излишки — на продажу. Однако они могут развернуть на прилежащих к городу землях аграрное производ-

ство в подлинном содержании этого вида труда (не как хобби и отдых).

Стрелками $s1$ показано перемещение людей в городе от места жительства до работы в ядре. Стрелками $s2$ — от места жительства до дачных участков (периферия 2) (рис. 1, слева). Если жителей расположить в центре, а заводы и офисы вывести в периферию 1 на окраину города, тогда транспортное сообщение усложняется, как показано на рис. 1, справа, стрелками $s1$, которая сохраняется, но вот стрелка $s2$ — это перемещение через зону — ядро, до периферии 1. Тем самым ядро и периферию 1 менять местами вряд ли целесообразно. Вынос ядра за черту города, а такие экстравагантные предложения иногда звучат (о выносе производств⁶), как показано на рис. 3, слева, не решаются логистической задачи, не оптимизируют перемещения людей даже согласно рис. 2, слева.

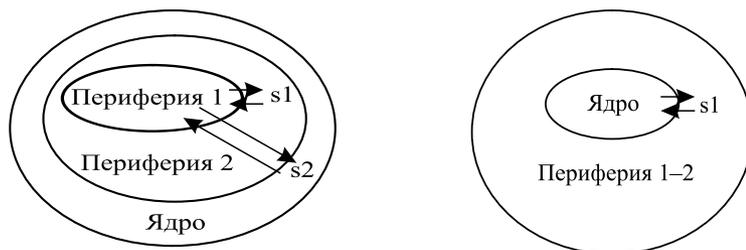

Рис. 3. Модели организации структуры экономики города

Сегодня уже наблюдается тенденция расположения жилья на окраинах городов, совмещенного с дачными участками (рис. 3, справа) Тем самым, возникает модель совмещенной периферии и ядра, сохраняющегося в центре города. Однако возможен вариант, когда индустриальная часть города выносится за его границу и совмещается с аграрной частью, а в центре города располагается периферия 1, т.е. живут люди, и это составляет ядро городского хозяйства. Выбор

6. Понятно если это отдельные очень вредные производства. Но все виды производств так переносить не является целесообразным с точки зрения организации логистики.

модели организации экономики города, включая и те варианты, которые названы, но не показаны на рис. 2–3, зависит от многих причин. Вряд ли имеются какие-либо расчетные основания, связанные с оценкой затрат. Дать приемлемый прогноз в таком случае не представляется возможным в силу многофакторной проблемы и неясности, как затраты будут динамически изменяться. По всей видимости, исторический фактор, как происходил процесс индустриализации и становления сервисной экономики города, будет иметь влияние. Выбор модели становится функцией имеющейся структуры и обоснованной оценки перспектив расширения конкретного города, его исходного размера. Разумеется, единого подхода быть не может, что связано с региональной спецификой и даже климатическими условиями расположения городов по территории России.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, отметим наиболее важные позиции.

С одной стороны, вроде бы напрашивается в виде решения проблемы «город-село» доведение социального стандарта потребления и жизни на селе до городского уровня, причем данная мера может подаваться как способ торможения или свертывания внутренней миграции населения в город из российского села. Однако на обеспечение такого решения потребуется значительный ресурс, который проблематично обеспечить на обозримом отрезке времени. С другой стороны, задача стирания граней между городом и селом может вообще не решаться в обозначенной трактовке, а быть сведена к тому, что происходил естественный процесс сокращения числа сельских поселений за счет внутренней миграции в города и укрупнения городских агломераций. Если этот процесс трудно остановить имеющимися ресурсами, вполне возможно, этого не следует и делать, хотя социальные проблемы сельской жизни, конечно, должны решаться и доводиться до

общепринятого городского стандарта там, где это возможно. Вместе с тем, важна скорость процесса исчезновения сел — и вот этот процесс должен контролироваться, так как резкое увеличение городских жителей создает проблему увеличения нагрузки на городское хозяйство и инфраструктуру, которую также на коротких интервалах проблематично изменить и приспособить к резкому увеличению населения города.

Можно предположить, что вокруг современных городов идет формирование так называемого аграрного пояса, т.е., сельской жизни, причем не только в виде приусадебных и дачных хозяйств, но и создания жилого пояса, когда жилищно-коммунальные районы располагаются по городской периферии, а городское ядро образовано офисами и производственными учреждениями. По всей видимости, такое построение с точки зрения организации транспортной логистики и сочетания задач развития индустрии и сельского хозяйства вполне сочетаемо, особенно если учесть, что переработку сельскохозяйственной продукции можно развешивать также по следующему периферийному кольцу вокруг городов.

Конечно, нельзя отрицать наличия социальных проблем в рамках города, но сельские жители по уровню доходов, безработицы, доступа к значимым социальным функциям существенно отстают в России от городского жителя. Следовательно, проблема должна сводиться как к выравниванию, или, точнее, сглаживанию, этих отличий путем доведения стандартов обеспечения жизни на селе к городу (районного сначала, потом областного подчинения), так и не препятствовать организации городского хозяйства по модели совмещенной индустриальной и «сельской агломерации» вокруг городов. Это будет способствовать контролю миграционного потока и выстраиванию новой модели развития сельско-городской жизни.

Относительно выделения ресурса, направляемого в качестве поддержки села: его надо ориентировать в рамках решения стратегической структурной задачи. Во-первых, при имеющемся трудовом потенциале села направлять ресурс на

повышение технологичности: новое оборудование, транспорт, связь и т.д. Во-вторых, при преобладающей численности пенсионеров (умирающее село) обеспечить социальные нормы жизни, а в отдельных случаях решать вопросы с переселением (в виде объединения сел, вкладывая на решение этой задачи ресурсы). Таким образом, следует использовать миграционный поток в города, сделав его управляемым, подчинив новой модели развития города, а сельскую интеграцию также поощрять, с общим вектором на повышение технологичности и обеспечение социального стандарта жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Haavelmo T.* A Study in the Theory of Economic Evolution. Amsterdam: North-Holland Publishing Company. 1954.

Б.Е. Фрумкин

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ «ГОРОД—СЕЛО»

В статье в свете концепции интегрированной системы «город—село» рассматриваются процессы дачной дезурбанизации и неотходничества в России, их взаимосвязь с сельским туризмом, а также его основные направления, состояние и перспективы развития в России.

По-настоящему крупный ученый, как правило, обладает и лучшими качествами человеческой личности, прежде всего интеллигентностью и склонностью к эмпатии. Жизнь Льва Васильевича Никифорова полностью подтверждает это правило. Последовательно и твердо отстаивая свои научные взгляды, несмотря на давление (нередко очень жесткое) догматиков и начетчиков, он никогда не опускался до агрессивности, нетерпимости, интриг. В трудных жизненных ситуациях он неизменно проявлял понимание и поддерживал своих коллег. Причем не только многолетних, проверенных соратников и друзей, но и молодых, начинающих ученых, для которых стартовые советы и помощь особенно нужны, и даже критичны. Так, в 1975 г. Лев Васильевич согласился быть официальным оппонентом по кандидатской диссертации автора этих строк — тогда младшего научного сотрудника Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Это, безусловно, способствовало успешной защите работы по теме, к которой в то время многие относились достаточно настороженно. Позднее мы встречались на различных научных форумах. Очень значимы для меня были советы и научно-организационное содействие Льва Васильевича как главы научного направления ИЭ РАН, включавшего Сектор

исследований АПК, которым мне довелось руководить через 30 лет после нашей первой встречи¹.

Ключевое место в большинстве работ Л.В. Никифорова занимало крестьянство. Он испытывал к нему своеобразную психологическую и научно-мировоззренческую эмпатию, как к широкой социальной общности, существенно способствующей социально-экономическому прогрессу в целом. «Крестьянство, – по его мнению, – общность надформационная, характеризующаяся спецификой и устойчивостью социально-экономических отношений (в том числе отношений собственности), ограниченностью процессов социальной дифференциации и воспроизводимостью относительной социальной целостности, особенностью социокультурных и социопсихологических черт, внутренним неприятием формационных начал (феодалных, капиталистических и др.), связанных с большей изменчивостью производительных сил, создаваемых самим человеком»². Использование специфики крестьянства он считал крайне важным для перехода России к принципиально новой «постформационной» общественно-экономической системе смешанного типа, т.к. российскому «природно-культурному разнообразию... всегда было трудно уместиться в границах определенных социально-экономических формаций»³. Понимание крестьянства как особой устойчивой социально-экономической общности и важности его трансформации для цивилизационного развития было характерно и для большинства единомышленников Л.В. Никифорова в рамках созданной В.Г. Венжером агро-экономической теоретической школы. Прежде всего это относится к многолетним научным соратникам и друзьям

-
1. Зельднер А.Г., Фрумкин Б.Е. (2020). Аграрные исследования в 90-летней истории Института экономики РАН: люди и судьбы // Вестник Института экономики РАН. 2020. №1. С. 41–42, 46–47.
 2. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. (2007). Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2. С. 182.
 3. Кузнецова Т.Е., Никулин А.М. Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности. (К 80-летию Льва Васильевича Никифорова). М.: Институт экономики РАН. 2014. С. 34.

Льва Васильевича – Г.И. Шмелеву и И.Н. Буздalову, не только разрабатывавшим проблемы личного подсобного хозяйства и других малых форм сельхозпроизводства, аграрной и агропромышленной кооперации и интеграции, но и внесшим большой вклад в принятие аграрного законодательства, адекватного требованиям рыночно-демократической перестройки аграрного сектора России⁴.

Стратегическим направлением этого перехода Л.В. Никифоров считал интеграцию города и села. Формирование интегрированной системы «город-село», по его мнению, предполагает «социальное сближение и выравнивание условий жизнедеятельности городского и сельского населения без их копирования, возрастание разнообразия региональных форм социального развития города и села, местных особенностей и местной инициативы, производственную и социальную обусловленность многообразия сельских и городских поселенческих форм, начиная от самых мелких поселений, включаемых в многоуровневые расселенческие системы»⁵. Не подчинение, и тем более не поглощение, городской подсистемой подсистемы сельской, а их синтез – воссоединение после многовекового разделения, подрывающего климатическо-экологические, демографические, и даже социально-психологические, основы человеческой цивилизации, ее пространственную целостность, по мнению Л.В. Никифорова, становится ядром перехода к устойчивому социально-экономическому и ресурсоэффективному развитию в национальных и глобальных масштабах.

В этом контексте междисциплинарный (политэкономический, агроэкономический и социологический) концептуальный подход в поздних исследованиях Л.В. Никифорова по сути продолжает и развивает идеи «сельско-городского континуума» и «рурбанизма» основоположника социологии села П.А. Сорокина и его последователей. Характерные

-
4. Фрумкин Б.Е. Буздalов И.Н. Институт экономики Российской академии наук в лицах: Сборник / Отв. ред. М.И. Воейков. СПб.: Алетейя, 2020. С. 62–63.
 5. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.В. (2007). Указ. соч. С. 184.

для развитых экономик трансформация и сопряжение процессов урбанизации и дезурбанизации порождают новую форму социальной и пространственно-расселенческой организации — сельско-городские сообщества. В них недостатки ранее обособившихся сельского и городского образов жизни взаимно компенсируются, позволяя значительной части населения их совмещать. Современные исследования показывают, что *«Российским условиям подошел такой вид совмещения двух образов жизни, как временная дачная дезурбанизация, требующая пространственной мобильности и нередко дауншифтинга. Но с ним сопряжено и отходничество как в профессиональном плане (ради заработка люди готовы на любой труд), так и в социальном (из-за выпадения из полноценной жизни города и села). Два потока — центро-стремительный из сел, малых городов, и центробежный из крупных — взаимосвязаны (курсив наш. — Б.Ф.)*. Массовость сезонных дачных миграций и редкость переселений горожан в сельскую местность, их слабая приживаемость там (хотя они могут создавать рабочие места) стимулируют отход местных жителей. А он, удерживая семьи работников в деревне и продлевая ее жизнь, способствует закреплению ее дачного характера»⁶. Содержание и использование «двух домов» — основного в городе и дополнительного на селе для горожан и базового в деревне и вспомогательного в городе для сельских отходников — создают реальную ткань российского сельско-городского континуума.

В последние годы в России, вслед за развитыми экономиками Запада, в становлении и развитии сельско-городских сообществ возрастает роль сельского туризма как особого вида миграционно-расселенческого феномена. Он дополняет два основных миграционных потока и способствует их трансформации. Сельский туризм (или агротуризм) — практически единственный вид туризма, прямо взаимосвязанный

6. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 68.

с производственным и пространственным развитием крупной отрасли экономики — сельского хозяйства. Причем агротуризм в первую очередь является способом поддержки сельхозпроизводителей и решения социальных и климато-экологических проблем села и лишь во вторую — формой развития внутреннего и въездного туризма. Он отражает общемировой тренд к повышению в многофункциональной структуре аграрного сектора рекреационной и природосохраняющей составляющих, хотя и при сохранении примата агропроизводственного компонента. Поэтому в большинстве стран поддержка сельского туризма является элементом национальной аграрной политики и регулируется ведомствами, отвечающими за сельское хозяйство и развитие сельских или отдаленных территорий, а требования к нему существенно отличаются от общих туристических правил и стандартов. Несмотря на свою специфику, он становится все более популярным на национальных и мировом туристическом рынках. По оценке Всемирной туристской организации ООН, из 700 млн человек мирового туристического потока 20–30% выбирают сельский туризм, обеспечивая около 25% дохода глобальной туристической индустрии. В связи с важностью для социально-экономического развития Всемирная туристская организация объявила 2020 г. Годом туризма и развития села. В 2019 г. мировой рынок сельского туризма превысил 69 млрд долл. Основным клиентом современного сельского туризма — «житель мегаполиса, достаточно просвещенный и обеспеченный, чтобы задумываться об экологии, здоровом образе жизни и правильном питании»⁷.

7. Дмитриенко И. В России пока не удастся развить модный в Европе агротуризм, который мог бы стать нашей изюминкой. 08.10.2019. profile.ru/lifestyle/travels/v-rossii-poka-ne-udaetsya-razvit-modnyj-v-evrope-agroturizm-kotoryj-mog-by-stat-nashej-izyuminkoj-182248/; Agritourism Market Size to Reach USD 117.37 Billion by 2027; Government Initiatives to Enhance Agriculture Economy will Favor Growth, Says Fortune Business Insights 22.07.2020. www.globenewswire.com/news-release/2020/07/22/2066018/0/en/Agritourism-Market-Size-to-Reach-USD-117-37-Billion-by-2027-Government-Initiatives-to-Enhance-Agriculture-Economy-will-Favor-Growth

Растущая популярность этого вида туризма связана с глобальным переходом к экологически дружественному, ресурсосберегающему и социально-инклюзивному росту, который существенно влияет и на развитие мирового сельско-городского континуума. Сельский туризм позволяет снизить инфраструктурно-транспортную, экологическую и демографическую нагрузку на традиционные кластеры городского и пляжного туризма; диверсифицирует географию внутреннего туризма и его международную конкурентоспособность; способствует воссоединению горожан с природно-ландшафтной средой конкретных регионов и страны в целом; обеспечивает горожанам не массовый стандартизированный, а маломасштабный персонифицированный семейный формат отдыха в окружении открытых пространств, физическую и психологическую разгрузку от городских стрессов; помогает озеленению сельхозпроизводства и сохранению природного биоразнообразия (переводя значительные площади сельхозземель из производственного в рекреационное использование); способствует развитию коротких продовольственных цепочек (основанных на местных продуктах и прямых связях производителей и потребителей); помогает сохранять и развивать местные общины, стимулируя создание в них туристической инфраструктуры, новых рабочих мест в туристическом секторе, стабилизируя или повышая доходы местных общин.

Общепринятых определений сельского или агротуризма пока нет. В США агротуризм в широком смысле понимается как деятельность, которая дополняет сельское хозяйство и позволяет сельскохозяйственным производителям принимать туристов и других посетителей на своей ферме. Более конкретное определение агротуризма трактует его как форму коммерческого предприятия, которое связывает сельскохозяйственное производство и/или переработку с туризмом с целью привлечения посетителей на ферму, ранчо, или другого сельскохозяйственного бизнеса с целью развлечения и/или обучения посетителей и получения дохода для владельца фермы, ранчо или бизнеса. Независимо от точного опреде-

ления или терминологии, любое определение агротуризма должно включать следующие четыре фактора: сочетать в себе основные элементы индустрии туризма и сельского хозяйства; привлекать представителей общества к посещению сельскохозяйственных производственных операций; увеличивать доходы фермы; обеспечивать отдых, развлечения и/или образовательные впечатления для посетителей. В ЕС к агротуризму подходят как к особой форме экономической деятельности, связанной с небольшими семейными фермами, разбросанными по сельской местности, которые используются в качестве объектов размещения, а хозяева сами предоставляют услуги гостям. Она способствует сохранению регионального (и семейного) наследия и представляет собой дополнительный несельскохозяйственный доход для фермеров, а также оказывает влияние на социально-экономические отношения и сельский ландшафт. Похожие характеристики включают в понятие сельского туризма и российские исследователи, акцентируя внимание на реализации его на сельской территории и открытых пространствах, во взаимодействии с природой, на базе малых (особенно семейных) предприятий и небольших поселений, в опоре на традиционные сельские сообщества и стиль жизни⁸.

Различаются и подходы к типологизации сельского туризма и классификации его направлений. Одни исследователи трактуют сельский туризм, агротуризм и экотуризм как различные типы туризма, ориентированного на природные и культурные ресурсы сельской местности. Другие считают сельский туризм одним из видов широко понимаемого экотуризма (осуществляемого на всех естественных и окультуренных природных пространствах), а агротуризм — аутентичным типом сельского туризма, организуемого непосредственно

-
8. Agritourism-An Overview. The National Agricultural Law Center. nationalaglawcenter.org/overview/agritourism; Sadowski A., Wojcieszak M. Geographic differentiation of agritourism activities in Poland vs. cultural and natural attractiveness of destinations at district level. [journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0222576](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222576).
Концепция развития сельского туризма в России. М.: МНИАП. 2016. mniap.pf/rural-tourism.

на работающих фермах и связанных с их производством. Имеются и смешанные трактовки, как правило, для нужд государственного регулирования. Так, в законодательстве Беларуси используется термин «агротуризм», понимаемый как «временное пребывание граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – агротуристы) в сельской местности Республики Беларусь на основании договоров, заключенных с субъектами агротуризма, в целях отдыха, оздоровления, ознакомления с природным потенциалом республики, национальными культурными традициями без занятия трудовой, предпринимательской, иной деятельностью, оплачиваемой и (или) приносящей прибыль (доход) из источника в месте пребывания»⁹.

Модели агротуризма различают, исходя из специфики организации, степени связи с сельхозпроизводством, ключевого элемента привлекательности и др. Например, англо-американскую, азиатскую, европейскую (с учетом специфики Запада и Востока Европы). Общая цель этих моделей – использование агротуризма как фактора развития сельской местности и инфраструктуры, сохранения народных традиций, создания альтернативной занятости сельского населения. Общая экономическая основа – малый и средний бизнес. Особенности моделей связаны с географическим расположением, традициями конкретных хозяйств, наличием локального спроса и т.д. Англо-американская модель базируется на совместном проживании фермера и туриста, ее основные аттракции – конные прогулки и рыбалка (в Британии) или участие в работе на скотоводческом ранчо (в США, Австралии, Канаде) и сборе ягод и плодов (США). Азиатский тип (в Индии, Индонезии, Малайзии и др.), особенно для иностранных туристов, включает дорогие путешествия, где обеспечен контакт с экзотической природой и культурой при высоком уровне сервиса. В последние годы благодаря целевой

9. О мерах по развитию агротуризма в Республике Беларусь. Указ Президента Р. Беларусь. №372 от 2 июня 2006 г. a-h.by/s153/archives/372_ot_2_ijnJa_2006_g_ Ukaz_Prezidenta_ Respubliki_Belarus.html.

господдержке бедных сельских регионов быстро растет внутренний агротуризм в Китае.

Западноевропейская модель включает франко-итальянский и немецкий типы. Первый подразумевает проживание совместно с фермером либо в отдельном доме, а в качестве основного элемента имеются кулинария, употребление сыра и вина, а также экскурсии по историческим достопримечательностям. Второй нередко принимает форму совместной работы с фермером, когда жилье и еда туристу предоставляются бесплатно в обмен на его труд на ферме. Такая форма отдыха организуется, например, в рамках движения «Волонтеры на органических фермах (WWOOF)» и предполагает уплату добровольцами ежегодного членского взноса в местную организацию WWOOF. Восточноевропейская модель в несколько упрощенном виде воспроизводит основные западноевропейские типы (например, пивные туры и конные путешествия по регионам Чехии) с учетом как природно-климатических и культурно-исторических особенностей аграрных регионов, так и менее развитых локальной инфраструктуры и жилого фонда¹⁰. Как правило, успешное развитие агротуризма связано с правовой и финансовой поддержкой национальных и региональных властей. Быстрый рост сельского агротуризма в Центрально-Восточной Европе в последние годы базируется на комплексе мер, предпринятых властями различных уровней, прежде всего законодательном закреплении понятия «агротуризм» и создании его правовых рамок; выработке

10. Традиции отдыха в сельской местности в странах Восточной Европе слабее, чем в Западной, в т.ч. из-за проводившейся в планово-административной экономике линии на сближение города и села, нередко сводившейся к навязыванию сельчанам систем организации труда и расселения, противоречащих специфике сельского уклада. Тем не менее и тогда в них функционировали основанные на местных ресурсах малые предприятия в сфере переработки сельхозпродукции и ресторанно-гостиничных услуг (в т.ч. для туристов), фактически (а в Польше и Югославии нередко и легально) действовавших на принципах частного предпринимательства. См., например, Агропромышленная интеграция: опыт советско-болгарского сотрудничества / Шаламанов С., Шмелев Г., Димов А., Фрумкин Б. // Под научн. ред. Е.В. Рудакова. Москва—София, 1982. С. 36—37; Аграрно-промышленная интеграция стран СЭВ / Кормнов Ю.Ф., Бычков Г.А., Бух М.Е., Стародубровская В.Н., Фрумкин Б.Е. и др. // Отв. ред. Ю.Ф. Кормнов. М.: Наука. Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, 1976. С. 193—196.

особых стандартов ведения туристического бизнеса на селе; предоставлении льгот по кредитам и налогам и т. д. Так, в Польше не облагаются доходы фермеров от предоставления туристам до 5 комнат и питания, в Венгрии — до 10 комнат, в Румынии от таких налогов фермеры освобождаются на 15 лет. Подобные меры обусловили устойчивый рост агротуризма и в ряде бывших республик СССР, прежде всего в Литве и Беларуси¹¹.

В Евросоюзе содействие аграрного туризма осуществляется и на наднациональном уровне в рамках Общей сельскохозяйственной политики (ОСП), включающей меры по развитию сферы услуг для сельской экономики и населения; обновлению сельских поселений и охране культурно-материального наследия на селе; стимулированию развития несельскохозяйственных видов занятости, агротуризма, создания микропредприятий; подготовке кадров для разработки и внедрения локальных стратегий роста и др. Большую роль в развитии сельского туризма в Европе играют НКО — как национальные (например, в Италии, Франции, Литве), так и международные. К последним относятся прежде всего Европейская федерация сельского туризма и Европейский центр экологического и сельского туризма. Первая сформирована 31 профессиональной турорганизацией из 28 стран Европы (включая бывшие советские республики) и представляет 0,5 млн туристических микропредприятий с около 6,5 млн койко-мест в различных туробъектах — от частных сельских домов и ферм («постель и завтрак») до небольших семейных сельских отелей или гостевых домов, а также связанных с ними гастрономических, развлекательно-образовательных, спортивных туристических услуг. Ее членом является и созданная в 2013 г. Национальная ассоциация организаций по развитию сельского и экотуризма

11. В Литве уже за 1998–2003 гг. число агротуристов возросло в 4 раза — до почти 270 тыс. человек. В Беларуси благодаря Президентскому Указу о развитии агротуризма число его объектов за 2006–2024 гг. выросло в 50 раз. За 2014–2019 гг. оно возросло еще в 1,5 раза (до почти 2800), обслуженных туристов — в 1,6 раза, превысив 500 тыс. человек (в т.ч. 60 тыс. иностранцев), доход от агротуризма — в 2,2 раза.

России. Второй объединяет более 1,3 тыс. ферм и усадеб, сертифицированных в соответствии со своими экоаграрными стандартами, в 20 странах Европы. Благодаря этим государственно-частным усилиям сельский туризм в Европе превратился из почти стихийного нишевого, связывающего преимущественно малообеспеченные городские слои и фермеров депрессивных сельских регионов, в регламентированный и контролируемый весомый сегмент туристического бизнеса, на который приходится 15–20% туристического потенциала и до 35% фермерских доходов в Европе¹². Так, в Италии действует около 24 тыс. объектов агротуризма (с около 260 тыс. койко-мест), в 2018 г. их посетили около 3,5 млн туристов, помогших заработать 1,4 млрд евро. Вообще в Евросоюзе в 2017 г. в сельской местности останавливались более 36% путешествующих, в небольших городах (по сути близких по параметрам к такой местности) – 30% при менее, чем 34% в крупных городах с традиционным туризмом.

В 2019 г. 30% мирового агротуристического рынка составлял европейский. При сохранении нынешних трендов, по некоторым оценкам, в 2027 г. он может превысить 35 млрд долл., а мировой – 117 млрд долл. Эту тенденцию не подорвала даже пандемия коронавируса. После отмены локдаунов, перекрывших выезд в сельскую местность отечественных (тем более иностранных) туристов-горожан, агротуризм начал довольно быстро восстанавливаться. Сказались его реальные преимущества перед традиционным массовым туризмом – нахождение на открытых пространствах, небольшое число туристов на объектах, территориальная близость и возможность использования снижающего опасность инфицирования личного транспорта, здоровое питание, обеспечивающие недорогую и достаточно эффективную самоизоляцию без психологических стрессов. Во многом этому способствовала и организационная гибкость

12. *Frunkin B.* Agritourism as a factor of rural development (P. 50–51). В сборнике: «The fourth International Scientific Conference “Tourism in function of development of the Republic of Serbia. Tourism as a Generator of Employment. Thematic Proceedings II» / Ed. by D. Cvijanović. Kragujevac. 2019. P. 50–51; *Коробова О.П.* Агротуризм как стимул развития сельских территорий / *Academia. Архитектура и строительство*. 2019. № 3. С. 100.

сельского туризма, активизировавшего использование возможностей коллаборативной экономики, в т.ч. через онлайн – платформы бронирования (Booking.com, Airbnb) для управления и охвата потенциальных клиентов, продвижения и прямой продажи своих продуктов питания старым и новым клиентам (даже в городах за границей), локального и более широкого краудфандинга для финансирования проектов агротуризма и сельской инфраструктуры и др. В этом смысле сельский туризм способствует цифровой трансформации экономики и жизни во всей системе «город–село». С учетом этого «правительство ЕС» – Еврокомиссия анонсировала дополнительную поддержку агротуризму в рамках Фонда развития сельских регионов, а КОПА/КОЖЕКА – «общеевропейская» организация фермеров и кооперативов потребовала распространить на сельский туризм общие меры господдержки пострадавшего от коронавируса туристического сектора¹³.

В России сельский туризм пока менее значим. Это подтверждает, например, недавнее исследование под эгидой АНО «Агентство развития сельских инициатив»¹⁴. В нем сельский туризм понимается как «разновидность туризма, предполагающая временные выезды (путешествия) в сельскую местность с целью отдыха с предоставлением услуг гостеприимства, ориентированная на сохранение природного и культурного наследия и использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, характерных для данной местности с учетом ее специфики», а агротуризм – как разновидность сельского, «предполагающая временные выезды (путешествия) к отечественному сельхозпроизводителю». Согласно исследованию в 2019 г. в стране было зарегистрировано около 4500 объектов сельского туризма, т.е. всего в 1,6 раза больше, чем в Беларуси, и в 5 раз меньше, чем в Италии. Правда, по

13. Agritourism sector hit by COVID-19 crisis in double blow for small farmers. www.euractiv.com/section/all/news/agritourism-sector-hit-by-covid-19-crisis-in-double-blow-for-small-farmers.

14. Лебедева И.В., Копылова С.Л. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». М.: АНО АРСИ, 2019. С. 8–13.

экспертным оценкам, «теневых» объектов сельского туризма втрое больше, чем зарегистрированных, и реальное их число в России – около 20 тыс. При средних по стране их загрузке, плате за размещение и питание и сроке пребывания суммарный годовой доход зарегистрированных и теневых сельских гостевых домов в стране достигает примерно 8 млрд руб. в год. С учетом примерно 10 тыс. других объектов, которые можно отнести к сельскому туризму (ремесленных домов, мастерских промыслов и ремесел, сельских «музеев традиционного быта», сельских маршрутов, объектов показа, интерактивных программ и т.д.) и примерно 7 тыс. сельских событийных мероприятий, исследование оценивает число посетивших объекты сельского туризма в 2018 г. в 8 млн человек (22% всех путешествующих по стране). Общий доход от сельского туризма оценивается в 30 млрд. руб. (около 0,5 млрд долл. по среднему обменному курсу 2018 г.), т.е. в 3 раза меньше, чем в Италии. Причем, в отличие от большинства стран ЕС, в России связь сельского туризма с собственно сельхозпроизводством пока относительно слаба. Официально действуют 3,5 тыс. сельских гостевых домов и лишь 1 тыс. агротуристических хозяйств, долю которых в общем предложении сельского туризма исследование оценивает в 6%.

Основной движущей силой и потребителями услуг сельского туризма являются жители крупных городов – 39% региональных центров, 20% – Москвы и Санкт-Петербурга и лишь 20% из ближайших городов региона и 14% – из других регионов. Российский сельский туризм остается национальным: лишь 7% агротуристов – иностранцы (почти вдвое меньше, чем, например, в Беларуси).

Ведущая социально-экономическая опора сельского туризма – малое, преимущественно семейное, предпринимательство, дополняющее основную занятость, владельцы которого также относительно сильнее связаны с городом. Согласно исследованию АНО «Агентство развития сельских инициатив», 50% хозяев объектов этого бизнеса – семейные пары в возрасте от 45 лет, в работе участвуют все члены семьи

(включая взрослых детей), в 70% случаев туризм является для владельцев дополнительной занятостью, причем 60% их — приезжие из города или других регионов.

В контексте формирования интегрированной системы «город—село» в России результаты данного исследования отражают влияние дачной дезурбанизации и неохотности. Причем, несмотря на разнонаправленность этих процессов, они до последнего времени, по сути, дестимулировали прогресс агротуризма как особого инструмента (или даже вида) сельско-городского континуума. Дачная дезурбанизация — специфически российское явление по масштабности и устойчивости. Практически нет других стран, где около более 50% городских семей имеют сельские дома той или иной степени комфортности, причем, как правило, сохраняют их в течение ряда поколений. По сути нет аналогов и российской системе размещения дач, охватывающей ближние (пригородные), среднеудаленные (до 200—300 км от города) и дальние (300—700 км от крупных городов), заметно дифференцированной по целевому назначению и составу дачников¹⁵. Наиболее распространенные ближние дачи фактически образуют тесно связанные с крупными городами малоэтажные псевдогорода, массово используемые летом или в выходные дни, временно увеличивая сельское население в 1,5-2 раза. Среднеудаленные — менее массовые, характерны для жителей мегаполисов, как правило, предполагают достаточно обеспеченных владельцев и более длительное сезонное пребывание без регулярных выездов в свой город. Дальние — самые малочисленные, используются в течение более длительного периода в году, как правило, обеспеченными жителями мегаполисов — пенсионерами или работающими в удаленном режиме, представляя собой российский вариант дауншифтинга и образуя своеобразные диаспоры, хотя и взаимосвязанные с местными жителями. Дезурбанизация в форме дачного расселения обуславливает привязанность к постоянному месту рекреации, особенно поколенческую, снижая интерес

15. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Цит. соч. С. 66.

к мобильности в рамках сельского туризма. Подобный эффект оказывает противоположный процесс в форме неотходничества — временная занятость в городе дает дополнительный доход и снижает интерес отходников к другим видам занятости на селе, альтернативной работе в своем личном подсобном или фермерском хозяйстве. Это также замедляет расширение базы для сельского туризма, хотя ресурсы для этого есть. В 2018 г. в РФ насчитывалось более 170 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и свыше 20 млн хозяйств населения, обеспечивавших 98% производства меда, почти 81% — картофеля, 74% — овощей, 47% — молока, около 20% — яиц и 21% — скота и птицы на убой и располагающих определенными трудовыми ресурсами для дополнительной несельскохозяйственной занятости.

Однако в последнее время положение начало меняться. Технологическо-организационный прогресс, ранее способствовавший перетоку населения в города, теперь стимулирует и обратный процесс. Прежде всего это касается быстрого распространения коммуникационно-информационных технологий, развития дистанционных форм работы, онлайн организации торговли и логистики, образования и здравоохранения. В 2017 г. при средней доле пользовавшихся Интернетом жителей России (старше 16 лет) 73%, среди сельского населения Интернетом уже пользовались 69%, в т.ч. на смартфонах — 48%, планшетах — 17%. В среднесрочной перспективе во всех деревнях и селах с числом жителей от 100 до 500 человек появятся сотовая связь и точки Wi-Fi. Любой, находясь в радиусе 50 м от этой точки доступа, может выходить в Интернет бесплатно и без ограничений по времени.

Смена поколений ослабила привязанность населения к дачам и повысила — к мобильности в рамках сельского туризма. С другой стороны, неотходники проявляют все больший интерес к созданию объектов сельского туризма, опираясь на наработанные городские связи и специализированные коллаборативные цифровые платформы. Эти тренды заметно повышают роль сельского туризма как фактора формирования интегрированной системы «город—село», способствующего раз-

витию органических форм сопряжения городского и сельского жизнеустройства. С одной стороны, он способствует преобразованию традиционного дачного сектора в подсистему комфортного и безопасного долговременного дачного дауншифтинга (вплоть до создания дауншифтинговых деревень), включения сельской местности и малых городов в современные культурно-образовательные и медицинские системы. С другой, — несколько сдерживает (а в перспективе может и поворачивать) процесс отходничества, переориентируя его на доходный, «по-городскому» организованный агротуристический бизнес на селе. Процесс проникновения крупных систем ритейла со стандартными недорогими продуктами в сельские регионы все больше дополняется встречным процессом. Быстро развиваются короткие продовольственные цепи, обеспечивающие здоровыми (и все чаще официально сертифицированными) продуктами питания от фермеров (в т.ч. занимающихся агротуризмом), предприятия сферы HoReCa и группы лояльных частных клиентов, прежде всего в крупных городах.

Такие тренды резко ускорились в связи с пандемией коронавируса. Например, заметно возрос спрос на среднеудаленные и даже дальние дачи, причем с довольно длительным сроком проживания. По оценке экспертов Россельхозбанка, с учетом имеющейся инфраструктуры сельская местность в ближайшие годы готова принять 2–3 млн горожан, прежде всего дистанционно работающих офисных сотрудников, IT-специалистов, а также обслуживающих их торгово-сервисных работников. Прирост сельского туризма оценивается в 1–2 млн человек в год¹⁶.

Однако дальнейшее развитие сельского туризма требует решения ряда серьезных проблем, в том числе: улучшения дорожно-транспортной инфраструктуры, инженерной и социально инфраструктуры села, наращивания мощностей размещения с комфортными условиями и сервисом,

16. Сельская местность готова принять до 3 млн человек в ближайшие годы — Россельхозбанк. 22.09.2020. www.rshb.ru/news/429837; Россельхозбанк: внутренний аграрный туризм вырастет на 1–2 млн человек. 08/10/2020. www.rshb.ru/news/431670.

активного вовлечения в турбизнес местного населения, подготовки кадров, ощутимой поддержки локальных региональных и федеральных властей и др. Это требует проведения целенаправленной политики, включая законодательное регулирование и программный подход к сельскому туризму в рамках долговременной стратегии комплексного развития сельских территорий как ключевого элемента стратегии пространственного развития России.

Удачную концепцию развития сельского туризма подготовил еще в 2016 г. Международный независимый институт аграрной политики (МНИАП), по сути, с учетом опыта европейской и англо-американской моделей агротуризма¹⁷. В ней под сельским туризмом (агротуризмом) понимается деятельность сельхозтоваропроизводителей и иных предпринимателей по организации отдыха в сельской местности или малых городах включая прием, проживание, питание, проведение досуга и прочее обслуживание, ориентированная на использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, традиционных для данной местности. Предлагается развитие трех основных сегментов сельского туризма, с учетом специфики спроса различных категории потенциальных туристов и условий конкретных аграрных регионов: сельского туризма как дачного отдыха, ориентированного в основном на жителей крупных городов, заинтересованных в организации летнего отдыха для своих детей и престарелых родителей. Предполагает высокие требования к качеству проживания и безопасности, не требуя богатой культурно-развлекательной программы, услуг гастрономического туризма и др. Важная черта — длительный срок проживания (до 3 месяцев) и сравнительно невысокая цена. Возможные форматы — сельские гостевые дома, но и целые дачные деревни; сельский приключенческий туризм, основанный на услугах по организации охоты, рыбалки, конных и байдарочных походов, туров на квадроциклах, снегоходах и др. Предполагает кооперацию нескольких сельских госте-

17. Концепция развития сельского туризма в России.

вых домов по маршруту, требует очень высокой квалификации организаторов и сравнительно высоких инвестиций в обеспечение материальной базы; классический сельский туризм, ориентированный прежде всего на авто- (в меньшей степени мото- и вело-) туристов. Предполагает проживание в сельских гостевых домах по маршруту путешествия и активное использование всего туристического потенциала местности (сельской природы, сельской жизни, культурно-материального наследия и организованных форм проведения досуга). Обычно строится вокруг ключевого аттрактора: винной или гастрономической дороги, региональных музыкальных, фольклорных и иных фестивалей, проживания рядом с заповедником с активным наблюдением за нетронутой дикой природой, работы и общения с животными на фермах др.

Согласно концепции, с учетом географической специфики российских регионов для развития сельского дачного туризма наиболее перспективны сельские территории, прилегающие к крупным городам; приключенческого туризма – Карелия, регионы Русского Севера и Дальнего Востока; классического сельского туризма – Крым, Кавказ, «Золотое кольцо» России. Для въездного европейского агротуризма особенно привлекательна Калининградская область, для азиатского – регионы Дальнего Востока и Сибири. В концепции предлагаются и конкретные инструменты поддержки фермеров и других предпринимателей в сфере сельского туризма: предоставление грантов фермерам и частным предпринимателям, начинающим агротуристическую деятельность; субсидирование процентной ставки по кредитам, привлекаемым на строительство или реконструкцию объектов агротуризма; компенсация части капитальных затрат на создание объектов обеспечивающей инфраструктуры сельского туризма (кроме объектов размещения); предоставление бюджетных мест в государственных образовательных учреждениях для подготовки специалистов в сфере агротуризма.

Пока ресурсный и трудовой потенциал агротуризма используется недостаточно, по некоторым оценкам, лишь на

20%. Сельский туризм развивается (в т.ч. без документального закрепления) в 64 субъектах РФ, в т.ч. в 30 субъектах понятия «сельский туризм» и/или «аграрный туризм» фигурируют в законах, госпрограммах, концепциях и стратегиях на региональном и муниципальном уровнях, а в 12 – он определен как приоритетное направление в рамках региональных стратегий развития внутреннего и въездного туризма¹⁸. Развитием отрасли активно занимаются, например, Архангельская, Саратовская, Томская, Калининградская, Калужская, Кировская, Волгоградская, Пензенская области, Краснодарский, Алтайский края, республики Северного Кавказа, Башкирия, Коми, Татарстан, Крым, Подмосковье и окрестности Санкт-Петербурга.

На федеральном уровне намечено до конца 2020 г. ввести в туристическое и аграрное законодательство термин «сельский туризм (агротуризм)», а также другие изменения, позволяющие распространять на эту деятельность налоговые, кредитные и иные льготы для сельского хозяйства. Некоторые аспекты развития сельского туризма затрагиваются и в ряде национальных проектов, а также в госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий», намечаемой к продлению до 2030 г. и реализуемой под контролем Минсельхоза РФ и Минэкономразвития РФ. Однако финансирование всей этой программы намечается сократить в 1,5 раза против планировавшегося, что, безусловно, коснется и проектов, связанных с сельским туризмом. Учитывая мировой опыт, было бы целесообразно на государственном уровне выработать общее видение формирования и развития интегрированной системы «город–село» в России в ее социально-экономическом и пространственном измерениях, места в нем развития села, а также адекватного институционально-правового и финансово-инвестиционного инструментария, включая регулирование сельского туризма.

18. Лебедева И.В., Копылова С.А. Цит. соч. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агрпромышленная интеграция: опыт советско-болгарского сотрудничества / Шаламанов С., Шмелев Г., Димов А., Фрумкин Б. // Под научн. ред. Е.В. Рудакова. Москва-София. 1982.
2. Аграрно-промышленная интеграция стран СЭВ / Кормнов Ю.Ф., Бычков Г.А., Бух М.Е., Стародубровская В.Н., Фрумкин Б.Е. и др. / Отв. ред. Ю.Ф. Кормнов. М.: Наука. Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. 1976.
3. *Дмитриенко И.* В России пока не удается развить модный в Европе агротуризм, который мог бы стать нашей изюминкой. profile.ru/lifestyle/travels/v-rossii-poka-ne-udaetsya-razvit-modnyj-v-evrope-agroturizm-kotoryj-mog-by-stat-nashej-izyuminkoj-182248.
4. *Зельднер А.Г., Фрумкин Б.Е.* Аграрные исследования в 90-летней истории Института экономики РАН: люди и судьбы // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 1.
5. *Коробова О.П.* Агротуризм как стимул развития сельских территорий / Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 3.
6. *Кузнецова Т.Е., Никулин А.М.* Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности. (К 80-летию Льва Васильевича Никифорова). М.: Институт экономики РАН. 2014.
7. *Лебедева И.В., Копылова С.А.* Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». М.: АНО АРСИ. 2019.
8. *Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е.* Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2.
9. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12.
10. *Фрумкин Б.Е.* Буздалов Иван Николаевич // Институт экономики Российской академии наук в лицах: Сборник. Отв. ред. М.И. Воейков. СПб.: Алетейя. 2020.
11. *Frumkin B.* Agritourism as a factor of rural development. В сборнике «The fourth International Scientific Conference «Tourism in function of development of the Republic of Serbia. Tourism as a Generator of Employment». Thematic Proceedings II. / Ed. by D. Cvijanović. Kragujevac. 2019.
12. *Sadowski A., Wojcieszak M.* Geographic differentiation of agritourism activities in Poland vs. cultural and natural attractiveness of destinations at district level. journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0222576.

Раздел II

СОЦИАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ КАК УСЛОВИЕ
СОХРАНЕНИЯ
СЕЛЬСКОГО УКЛАДА

Н.Ю. Ахапкин

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СЕЛЬСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В статье приведены результаты анализа факторов, формирующих предложение труда и определяющих динамику занятости сельского населения России. Рассмотрены вопросы сельской безработицы за период с 2010 по 2019 г., в том числе на региональном уровне. Проведен сравнительный анализ сельской и городской безработицы. Раскрыты основные тенденции трансформации структуры сельской занятости. Проанализирована ситуация, сложившаяся на сельском рынке труда и сфере занятости в условиях пандемии коронавируса нового типа.

Феномен российской модели занятости населения состоит в ее многослойности. Сегменты, уклады, сектора, сферы и виды российской занятости, имеющие ярко выраженные территориальные и национальные особенности, переплетаясь, конечно, образуют единство, но единство не только сложно структурированное, а мозаичное. Изучение этого сложного из многих составляющих единства нуждается в особых подходах. Стандартный макроэкономический анализ, основанный на показателях, характеризующих динамику только на национальном уровне, это важный, но только начальный этап изучения занятости в России. Необходим анализ всех ее компонентов и составляющих. И, конечно, одним из важнейших направлений такого анализа является изучение сельской занятости. Ведь именно расширение сферы приложения труда на селе, создание здесь устойчивых и обеспечивающих высокий доход рабочих мест — это основная и необходимая предпосылка сохранения и развития сельского уклада жизни.

Вопросы развития российской аграрной сферы, сглаживания различий между городом и селом в доступности

социальных, культурных и информационных услуг, совершенствования инфраструктуры сельских территорий и создания предпосылок для постепенного преодоления перенаселенности крупных городов раскрыты в работах многих современных исследователей. Особо можно выделить труды Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова, Т.Г. Нефедовой, А.М. Никулина, А.В. Петрикова, Б.Е. Фрумкина, в которых данные вопросы рассматриваются как концептуально, так и в прикладном плане. Имеется и довольно обширный круг работ, посвященных непосредственно проблемам сельской занятости и рынка труда (ссылки на некоторые из них в статье приведены). Однако изучение этих проблем наталкивается на ряд ограничений, в первую очередь вызываемых недостаточностью информации. Официальная статистика не содержит развернутых данных, позволяющих комплексно оценить социально-трудовые процессы на селе и сложившиеся здесь трудовые практики, формирующие современную структуру занятости. Многие исследования строятся на результатах социологических обследований и полевых исследований. И хотя, как правило, получаемые результаты очень интересны и актуальны, но они носят точечный характер, т. к. привязаны к конкретным территориям (группам территорий).

Настоящая статья также не претендует на комплексность. Но в ней предпринята попытка соединить анализ ключевых национальных макроэкономических показателей и региональных — в разрезе субъектов Федерации. Как основной источник данных использованы материалы проводимых Росстатом выборочных обследований рабочей силы. Конечно, эти данные не учитывают многие важные характеристики труда сельского населения, включая ряд аспектов его миграционного движения. Но их достоинством является наличие сопоставимых временных рядов по основным показателям занятости сельского населения как по стране в целом, так и по регионам. Это позволяет определить хотя бы контуры тенденций трансформации сельской занятости как системы, функционирующей как совокупность мозаичных территориальных систем.

Общая характеристика занятости сельского населения

На формирование предложения труда, главным компонентом которого является занятое в экономике население, определяющее влияние оказывают демографические факторы. Поэтому прежде всего обратимся к показателям численности и структуры сельского населения России.

Мощный рост городского населения завершился в нашей стране к началу 90-х годов, когда его доля стала составлять 73–74%. И уже более 30 лет численность сельского населения относительно стабильна, находясь в диапазоне от 37 до 40 млн человек при отсутствии выраженной тенденции к снижению. То же касается и его удельного веса. Хотя мы видим, что он снижается, но происходит это медленно – в среднем за три десятилетия ежегодное снижение не превысило 0,1 п.п. (рис. 1). Также отметим очень значительное, вызываемое как природно-климатическими особенностями регионов, так и структурой размещения производительных сил, различие доли сельских жителей в их общей численности по регионам России¹. Так, в 2018 г. в сельских поселениях Республики Алтай проживало 70,8% населения, а в Магаданской области – 3,9%. При этом снижение удельного веса сельчан отмечается в большинстве российских регионов. За период с 2005 по 2018 г. наибольшие потери понесла Республика Ингушетия – 13 п.п., а самый значительный прирост был в Кабардино-Балкарской Республике – 5,6 п.п.²

С точки зрения обеспечения и перспектив развития занятости важно обратить внимание на особенности возрастной структуры населения. Среди сельских жителей традиционно ниже, чем среди горожан, доля мужчин в возрасте 16–59 лет

1. На соотношение городского и сельского населения также может влиять и изменение статуса муниципальных образований. См.: Статья 13. Преобразование муниципальных образований. Федеральный закон от 01.05.2019 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. Официальный сайт Росстата. rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

Рис. 1. Динамика удельного веса сельского населения России (1989–2019 гг.)

Источник: составлено по: Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России 2019 /The Demographic Yearbook of Russia 2019. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm.

и женщин от 16 до 54 лет, а доля людей старше трудоспособного возраста, напротив, выше (табл. 1). Обусловлено это прежде всего продолжающимся перетоком родившейся на селе молодежи в города.

Таблица 1. Возрастная структура городского и сельского населения

Возрастные группы	1989		2010		2019	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Мужчины и женщины 0–15	23,8	26,4	15,3	18,7	18,7	20,1
Мужчины 16–59, женщины 16–54	58,9	51,5	62,4	59,2	55,4	53,1
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	17,3	22,1	22,2	22,1	25,9	26,8

Источник: рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России 2019 /The Demographic Yearbook of Russia 2019. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm.

Предложение труда на селе, или численность сельской рабочей силы, снижается. Причем это происходит более высокими темпами, чем снижение численности населения в целом. В 2019 г. предложение составило 17,2 млн человек — за десять лет сокращение на 1,1 млн человек (в городах, напротив, наблюдался рост примерно на 1 млн человек.). Уровень участия в составе рабочей силы сельского населения заметно уступает городскому. По данным за 2018 г. — 58,2 против 64,4%³. Обусловлено это в первую очередь возрастной структурой населения. Не случайно самые низкие показатели отмечаются в регионах Северо-Западного и Центрального федеральных округов, тогда как в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах, где больше молодежи, различия между городом и селом в уровне участия населения в составе рабочей силы сравнительно невелики. В то же время нельзя не учитывать и повышенный уровень экономической неактивности среди сельчан в сравнении с населением городов, о чем можно косвенно судить по степени участия трудоспособного населения в составе рабочей силы. Особо укажем на значительные различия в уровнях участия в составе рабочей силы между сельским и городским населением в возрасте 55–59 лет — соответственно 46,7 и 59,4% и 60–64 года — 27,2 и 35,3%.

Численность занятого в экономике сельского населения, как и в целом предложение труда, имеет слабо выраженную тенденцию к снижению. В 2019 г. эта численность составила 16 млн человек, за десять лет уменьшившись на 315 тыс. человек. Но начиная с 2015 г. снижение стало набирать темпы (рис. 2). Быстрее стал снижаться и уровень занятости сельского населения, который устойчиво ниже, чем у городского населения. В 2019 г. он составил 53,1% (у горожан 61,5%). Особенно велик разрыв в уровне занятости у женщин — в 2019 г. он составил более 9 п.п.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 г. Официальный сайт Росстата. rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

По регионам максимальное превышение уровня городской занятости над сельской (более 12 п.п. по состоянию на 2018 г.) было отмечено в Псковской области, Забайкальском крае, Ненецком и Ханты-Мансийском АО, Республике Бурятия, Республике Карелия и Архангельской области. Но в четырех российских регионах – Кабардино-Балкарской Республике, Республике Дагестан, Мурманской и Омской областях – уровни сельской занятости превышали уровни городской⁴. Обусловлено это как масштабами сельской занятости в этих регионах, так и особенностями ее структуры.

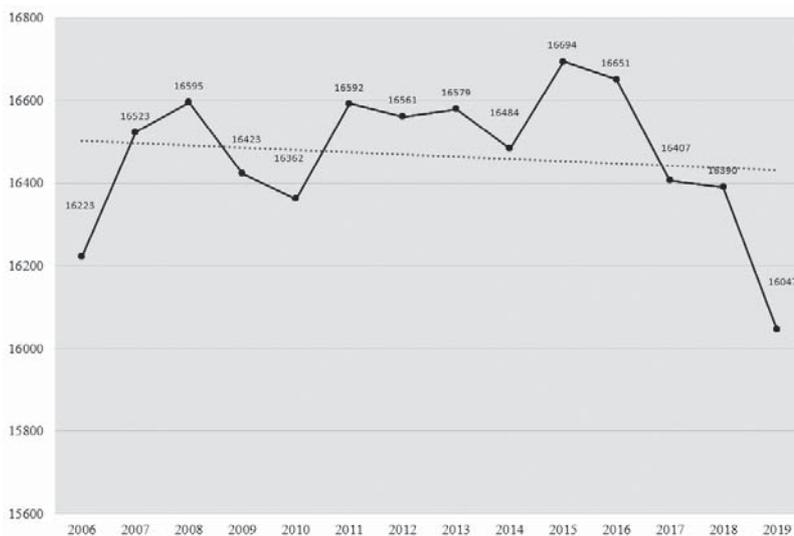

Рис. 2. Динамика численности занятого сельского населения России (2006–2019 гг., тыс. человек)

Источник: составлено по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб./Росстат. М., 2020. С. 13–14.

4. Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. Официальный сайт Росстата. rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

Безработица среди сельского населения

Численность безработных на селе в целом по России в 2019 г. составляла 1181 тыс. человек. Начиная с 2009 г. и по 2019 г. наблюдалась устойчивая тенденция снижения этой численности. Одновременно снижался и уровень безработицы. В 2019 г. он оказался на историческом минимуме — 6,9%. Очень важно, что при сохранении превышения сельской безработицы над городской — на селе она примерно вдвое больше — разрыв между ними постепенно сокращался. Если, например в 2010 г. он составлял 4,3 п.п., то через десять лет — в 2019 г. — только 3 п.п. (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей безработицы среди сельского населения

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность безработных, тыс. человек	1947	1753	1540	1502	1408	1438	1438	1427	1291	1181
Уровень безработицы, %	10,6	9,6	8,5	8,3	7,9	7,9	8,0	8,0	7,3	6,9
Разница между уровнями безработицы в городах и на селе, процентных пунктов	4,3	4,1	4	3,7	3,6	3,1	3,2	3,7	3,3	3

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020.

Среди причин более высокого уровня безработицы на селе на первое место, конечно, следует поставить недостаток рабочих мест. За счет этого потенциал как фрикционной, так и структурной безработицы на селе в среднем выше, чем в городах. Именно ограниченный выбор рабочих мест и зависимость спроса на труд от сезона определяет основные структурные особенности сельской безработицы. Прежде всего обращает на себя внимание большая, чем в городах, длительность поиска работы. Если в городах ищут работу до 1 года и менее 79% безработных, то на селе — 70,8%, а осталь-

ные 29,2% – 12 и более месяцев. Среди являющихся безработными жителей сельских поселений заметно меньше, чем среди горожан, уволившихся по собственному желанию (на 2,9 п.п., по данным за 2019 г.) и, напротив, больше оставивших место работы в связи с окончанием трудового договора (на те же 2,9 процентных пункта). Также на селе среди безработных более чем на 10 процентных пунктов больше не имеющих опыта работы.

В 2020 г. ставшие устойчивыми основные характеристики сельского рынка труда и тенденции развития занятости существенно изменились. Начиная со 2-го квартала 2020 г., когда заработали ограничительные меры, связанные с пандемией коронавируса нового типа, ситуация на рынке труда – и надо сказать как городском, так и на сельском – резко ухудшилась, а относительная предсказуемость развития сменилась нарастающей неопределенностью.

Считается, что российская занятость слабо чувствительна к макроэкономическим шокам⁵. Действительно, можно, например, вспомнить и 2008–2009 гг., и 2014–2015 гг., когда критического роста безработицы не было. Но «слабость» этой чувствительности (непропорциональный относительно падения индекса ВВП рост индекса безработицы) не говорит о ее отсутствии. Российский трудовой рынок и сфера занятости в целом уже с начала 2000-х годов вполне определенно и быстро реагируют на изменения общей экономической динамики. Так случилось и в нынешнем году. С апреля среди сельского населения стала снижаться численность занятых и соответственно расти численность безработных. В июне 2020 г. безработных на селе насчитывалась на 379 тыс. человек больше, чем годом раньше, – в относительном выражении это на треть больше. Отметим, что рост численности безработных

5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ – Центр стратегических разработок. 2017. www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf 2017. С. 11.

в городах был еще большим — почти на 40%⁶. Вместе с тем в апреле — июне 2020 г. уровень безработицы среди сельских жителей, несмотря на то что сельское хозяйство оказалось одной из наименее пострадавших от пандемии отраслей, рос несколько быстрее, чем среди горожан (рис. 3).

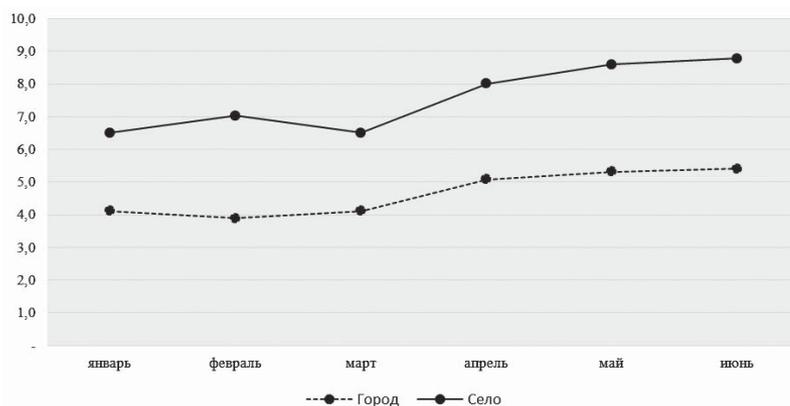

Рис. 3. Уровень безработицы сельского и городского населения России в январе — июне 2020 г. (%)

Источник: составлено по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. II квартал 2020 года. М.: Росстат. 2020. (По данным выборки лиц в возрасте от 15 лет и старше.)

С июля 2020 г. темпы роста безработицы на селе стали снижаться. Ее уровень в сентябре 2020 г. составил 8,4%. Это на 0,4 п.п. меньше, чем в июне, но на 2,1 выше, чем в сентябре 2019 г., и это самый высокий уровень за период с 2013 г. по 2019 г.

Структурные особенности российской экономики и особенности размещения производительных сил по территории страны обуславливают существенные различия в уровне напряженности на региональных трудовых рынках, характе-

6. Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. II квартал 2020 года. М.: Росстат. 2020. (По данным выборки лиц в возрасте от 15 лет и старше.)

ризующей прежде всего уровнем безработицы⁷. При этом региональные различия безработицы среди сельского населения более значительны, чем среди городского. В городах показатели безработицы сильнее сгруппированы вокруг среднего значения. В 2019 г. стандартное отклонение здесь составило 2,86, тогда как на селе – 4,15, а размах (разница между минимальным и максимальным значениями) – соответственно 21,9 и 29,5⁸ (табл. 3)⁸. В числе регионов с самой низкой сельской безработицей в 2019 г. оказались Ямало-Ненецкий автономный округ – 1,4%, Республика Татарстан – 2,8%, Ленинградская область – 3,2%, а наибольшие значения были отмечены в Республике Ингушетия – 29,5%, Республике Тыва – 17,1% и Чеченской Республике – 16,9%.

Таблица 3. Основные показатели описательной статистики, характеризующие региональные различия в уровне безработицы (2019 г.)

	Стандартное отклонение	Дисперсия	Размах	Минимум	Максимум
Город	2,85	8,148	21,9	2,0	23,9
Село	4,15	17,253	28,1	1,4	29,5

Источник: рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 год. М.: Росстат. 2020. (По данным выборки лиц в возрасте от 15 лет и старше.)

Региональные различия в напряженности на российском рынке труда за последние десять лет постепенно снижались. Только за период со 2 квартала 2018 г. по II кв. 2019 г. стандартное отклонение региональной безработицы снизилось на селе с 4,58 до 4,33, а городах – 3,1 до 2,83. Но в 2020 г. ситуация изменилась. Вырос не только уровень безработицы, но и региональные различия (это ясно видно по гистограммам, представленным на рис. 4). Размах в уровне безработицы на селе во 2 квартале 2020 г. по отношению к II кв. 2019 г. увеличился с 29,0 до 32,7, а стандартное отклонение – с 4,33

7. Подробнее см.: Ахапкин Н.Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник экономики Российской академии наук. №6. 2020. С. 26–40.

8. При расчете данные по Москве, Санкт-Петербургу и Севастополю не учитывались.

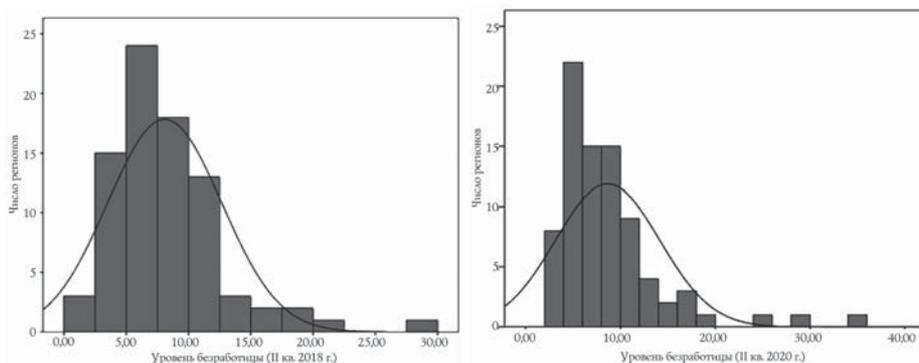

Рис. 4. Гистограммы распределения российских регионов по уровню безработицы среди сельского населения во II кв. 2018 г. и II кв. 2020 г. (с кривыми нормального распределения)

Источник: составлено по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. II квартал 2018 года и II квартал 2020 года. (По данным выборки лиц в возрасте от 15 лет и старше.) rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

до 5,5. Отметим, что примерно так же выросли и показатели в городах.

Несмотря на общий рост сельской безработицы в 2020 г., ее динамика по регионам была разнонаправленной. В 25 субъектах Федерации уровень безработицы во 2 квартале 2020 г. по отношению ко 2 кварталу 2019 г. снизился. В ряде регионов такое снижение было существенным. За период со 2 квартала 2019 г. по 2 квартал 2020 г. лидером стал Ханты-Мансийский АО (снижение на 5,8 п.п.), а со 2 квартала 2018 г. — Республика Хакасия (15,9). Максимальный рост безработицы на селе произошел в Республике Дагестан — по отношению ко 2 кварталу 2019 г. на 14,1 п.п., по отношению к 2 кварталу 2018 г. — на 16,6 п.п.

В 2020 г. произошли изменения и в составе регионов — лидеров и регионов — аутсайдеров по уровню безработицы среди сельского населения. Если во 2 квартале 2018 г. минимальный уровень безработицы отмечался в Ямало-Ненецком АО, Республике Татарстан и Московской области, то в 2020 г. на первые три места вышли Пензенская область,

Ханты-Мансийский АО и Липецкая область. Максимальный уровень сельской безработицы по-прежнему фиксируется в Республике Ингушетия. Но в 2020 г. к ней приблизилась Республика Дагестан, где снижение экономической активности больно ударило прежде всего по сельскому населению, удельный вес которого очень высок – почти 55%⁹. И еще одной республикой, в которой сельская безработица достигла критического уровня – 25%, стала Тыва (табл. 4).

Таблица 4. Российские регионы с максимальным и минимальным уровнями безработицы среди сельского населения (2 квартал 2018 г. и 2 квартал 2020 г., %)

Максимальный уровень		Минимальный уровень	
II кв. 2018 г.			
Республика Ингушетия	29,3	Ямало-Ненецкий авт. округ	1,0
Республика Хакасия	21,4	Республика Татарстан	1,6
Ненецкий авт. округ	19,6	Московская область	1,9
Иркутская область	19,4	Смоленская область	2,7
Республика Тыва	16,0	Калужская область	2,8
Карачаево-Черкесская Республика	15,3	Липецкая область	3,0
Республика Северная Осетия – Алания	13,8	Республика Марий Эл	3,5
Чеченская Республика	13,8	Оренбургская область	3,5
Архангельская область	12,6	Ленинградская область	3,9
Республика Калмыкия	12,4	Республика Мордовия	3,9
II кв. 2020 г.			
Республика Ингушетия	34,9	Пензенская область	2,2
Республика Дагестан	28,1	Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	2,9
Республика Тыва	25,0	Липецкая область	3,0
Забайкальский край	19,3	Смоленская область	3,0

9. С учетом масштабного сокращения занятости дагестанские экономисты и предприниматели стали выдвигать катастрофические сценарии развития регионального трудового рынка. Так, исполнительный директор союза предпринимателей Дагестана Ф. Мутулов считает: «К концу текущего года общее количество безработных в регионе может перевалить отметку в 400 тыс. человек». regnum.ru/news/economy/2912066.html.

Максимальный уровень		Минимальный уровень	
Кабардино-Балкарская Республика	17,9	Магаданская область	3,2
Карачаево-Черкесская Республика	17,8	Ленинградская область	3,8
Республика Бурятия	16,3	Самарская область	3,8
Волгоградская область	14,5	Чукотский авт. округ	3,9
Томская область	14,0	Республика Татарстан	4,0
Ненецкий авт. округ	13,8	Курская область	4,2

Источник: составлено по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. II квартал 2018 года и II квартал 2020 года. (По данным выборки лиц в возрасте от 15 лет и старше.) rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

Структура занятости сельского населения

Ключевой характеристикой развития сельского рынка труда в России с начала 90-х стала его диверсификация — занятость в аграрной сфере постепенно замещалась занятостью несельскохозяйственными видами труда. Этот процесс, имеющей объективную природу и идущий многие десятилетия, в постсоветской России активизировался с 1995 г., прежде всего за счет сокращения численности работников сельскохозяйственных организаций¹⁰. Только за 1995–2000 гг. российское сельское хозяйство потеряло почти 1,4 млн человек. С большими издержками люди постепенно приспосабливались к новым рыночным условиям, находили новые возможности получения дохода и соответственно менялась и структура занятости. Одновременно усиливались процессы трудовой миграции в основном в крупные города¹¹ и расширялась неформальная занятость (в ряде исследований

-
10. Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. 2006. № 4. С. 3–34. www.demoscope.ru/weekly/2007/0281/analit04.php; Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX в. и постагрогенное восстановление растительности. М.: ГЕОС, 2010.
11. Только доля отходников в численности трудоспособного сельского населения по ряду экспертных оценок составляет 12–15% (см.: Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. № 5 (467). С. 29–47; Ульянов В.Н., Калабкина М.А. Состояние и перспективы развития сельского рынка труда в республике Мордовия // Системное управление.

такую занятость стали определять как «сельский фриланс») ¹². И отметим, что занятость такими видами деятельности, как сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство продолжает сокращаться. В 2019 г. ее удельный вес был на 6 процентных пунктов меньше, чем в 2010 году ¹³.

По официальным статистическим данным составить полное описание структуры сельской занятости невозможно. Многие ключевые характеристики труда сельских жителей статистикой не учитываются. Например, то что полную, не зависящую от сезонности занятость имеет меньше половины экономически активного населения. Поэтому исследователи, как правило, полагаются на результаты полевых изысканий. Но они проводятся в конкретных регионах или группах регионов и муниципальных образований. Поэтому, как уже было отмечено, единственным источником, позволяющим дать хотя бы относительно обобщенную оценку структуры занятости сельского населения в целом по стране, и что важно, в динамике, остаются данные проводимых Росстатом выборочных обследований рабочей силы. Основанная на результатах этих обследований общая структура сельской занятости приведена на рис. 5.

Как видим, в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве трудятся менее 20% занятых, из которых более 60% – мужчины. Существенная доля приходится на торговлю и другие отрасли сферы обслуживания, включая гостиничный и ресторанный бизнесы, и также на промышленность и обеспечение электрической энергией, газом и паром. Значителен удельный вес работников, занятых в отраслях социальной сферы, государственном управлении, обеспечении военной безопасности и социальном обслуживании. Отметим, что

2014, № 3 (24). С. 11–18; Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24, № 1. С. 31–75).

12. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион, экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 45–67; Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. № 5 (467). С. 29–47.

13. По материалам выборочных обследований рабочей силы. Официальный сайт Росстата. rosstat.gov.ru/compendium/document/13265.

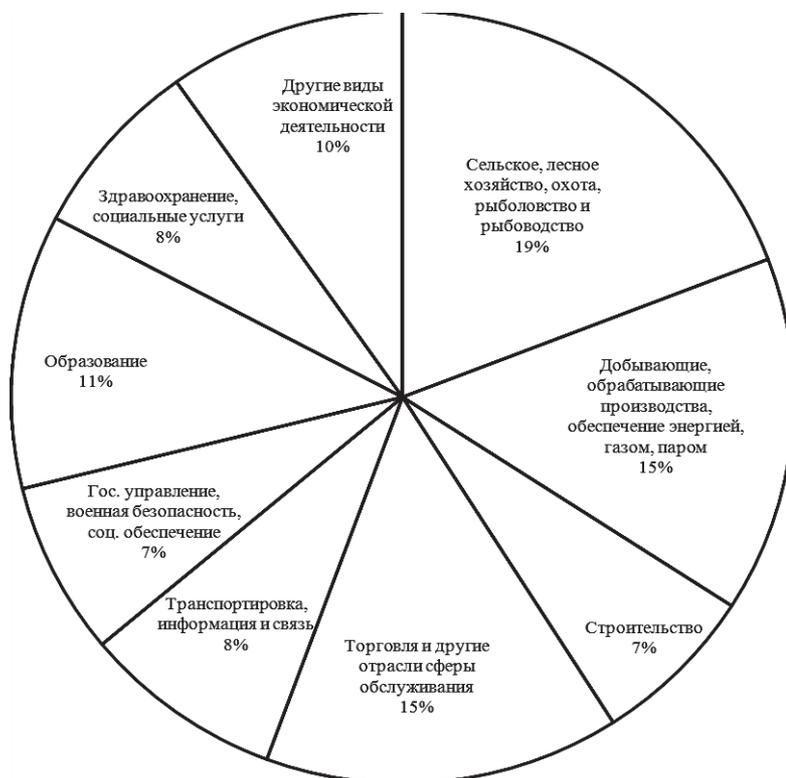

Рис. 5. Распределение занятого сельского населения по основным видам экономической деятельности (2019 г.)

Источник: составлено по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 год. rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

удельный вес занятых этими видами деятельности на селе стал расти еще в 90-е годы, и сейчас он выше, чем в городах.

Значительная часть сельского населения в возрасте 15 лет и старше занимается производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства в домашнем хозяйстве. В 2019 г. такая занятость охватывала 5050 тыс. человек, или более 13% численности сельского населения. Но из этого числа только 11% делали это для продажи или обмена, а остальные — для собственного потребления. Из тех, кто работает только для себя, более 90% занимаются производством и/или

переработкой для хранения продуктов сельского хозяйства, рыболовства, охоты и собирательства, а такими видами работ, как строительство и ремонт, заготовка дров, производство бытовых товаров, занимаются соответственно 2–3% жителей села. Но важно отметить, что в такую самостоятельную деятельность, не совмещая ее ни с какой другой, в 2019 г. было вовлечено 2889 тыс. человек, или 18% всех занятых на селе¹⁴.

Занятость в неформальном секторе распространена на селе значительно шире, чем в городах¹⁵. В 2019 г. ее доля составляла 30,3%, что на 12,5 процентных пункта превышает неформальную занятость в городах. При этом более 90% занятых в неформальном секторе не имели другой или основной, или дополнительной работы. Что касается динамики масштабов неформальной занятости, то они уже около десяти лет относительно устойчивы. Не наблюдается выраженной тенденции их роста или снижения даже в условиях, когда происходило существенное сжатие экономической активности в целом. И отметим такой значимый для оценки современной структуры сельской занятости факт: среди всех занятых неформально в 2019 г. несельскохозяйственной деятельностью было охвачено 65%, хотя еще в 2010 г. преобладала деятельность сельскохозяйственная — 54%.

* * *

Подытоживая, нужно обязательно отметить, что в 2020 г. произошло резкое изменение казавшихся еще в начале этого года устойчивыми тенденций развития сельского рынка труда и сферы занятости сельского населения. До начала пандемии ситуацию можно было охарактеризовать как «устойчивость без развития». Безработица была невысока, и имелся неболь-

14. Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 год. rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265.

15. Важно учитывать, что в качестве критерия определения единиц неформального сектора Росстатом принят критерий отсутствия государственной регистрации как юридического лица. Поэтому приведенные данные не отражают ситуацию с неформальной занятостью, если определять ее с учетом занятости теневой.

шой потенциал ее дальнейшего снижения. Постепенно сокращались региональные различия. В то же время заметных изменений, связанных увеличением предложения рабочих мест, обеспечивающих устойчивую занятость и рост доходов, не происходило. Но уже в марте 2020 г. об устойчивости без развития можно было только вспоминать. И не только из-за резкого усиления напряженности на трудовом рынке — как на сельском, так и городском — и небывалом увеличении численности зарегистрированных в службе занятости безработных. Опыт показывает, российский рынок труда даже после сильных шоков восстанавливался довольно быстро. Показательный пример — это динамика рынка в 2008 — 2009 гг. Дело в том, что в 2020 г. оказались потеряны ориентиры дальнейшего развития, и скорее всего не только краткосрочные, но среднесрочные. Сейчас, осенью 2020 г., ясно что V — образной траектории восстановления не будет. И сложившуюся ситуацию можно определить как «устойчивая неопределенность».

Динамика занятости и изменения в ее структуре, которые мы наблюдаем начиная с марта 2020 г., конечно, носят конъюнктурный, ситуационный характер. Сокращение спроса на труд в аграрной сфере так и останется тенденцией, обусловленной объективными факторами. Это сокращение продолжится — оно только на время может приостановиться. То же касается и динамики безработицы, включая ее региональную составляющую. Но уникальность сложившегося положения заключается в том, что мы не можем даже ориентировочно, не на уровне гаданий, оценить, когда начнется восстановительный период. Но при этом не предположительно, а вполне определенно можно сказать, что стартовые условия восстановления в силу существенного сжатия потребительского и инвестиционного спроса, а российская экономика, как и большинство национальных экономик, только в начале этого сжатия, будут существенно хуже, чем во время ранее пережитых макроэкономических и финансовых шоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахапкин Н.Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник экономики Российской академии наук. 2019. № 6.
2. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион. Экономика и социология. 2012. № 2 (74).
3. Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX в. и постагрогенное восстановление растительности. М.: ГЕОС, 2010.
4. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. № 1.
5. Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. 2006. № 4. www.demoscope.ru/weekly/2007/0281/analit04.php.
6. Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. № 5 (467).
7. Ульянов В.Н., Калабкина М.А. Состояние и перспективы развития сельского рынка труда в Республике Мордовия // Системное управление. 2014. № 3 (24).

В.В. Глазунова

к.э.н., старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА И СЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена сравнению некоторых социальных проблем развития в городской и сельской местности России. Метод исследования представляет собой статистический анализ и сопоставление данных по городской и сельской российской экономике. В результате проведенного анализа выявлены отличия по базовым социальным индикаторам функционирования города и села, которые, например, по уровню бедности, величине доходов являются довольно существенными. Представляется, что одними социальными трансфертами, распределением ресурсов либо выделением некоего добавочного ресурса невозможно решить проблему выравнивания доходов между городом и селом, поскольку необходимо изменить структуру занятых, повысить производительность сельскохозяйственного производства, т.е., воздействовать на первопричину сложившихся и хронически прогрессирующих социальных различий.

Введение

Рассматривая варианты структурной политики для российской экономики, изучая вопросы пространственного построения и регионального развития страны, часто упускают из виду одну из наиболее важных структур, разграничивающих условия жизни людей, — это экономические и социальные диспропорции между городской и сельской экономикой. В том случае, если в рамках разработки мер социально-экономической политики касаются вопросов развития села, то проблему сводят к формам поддержке, дотациям, трансфертам, газификации сельских территорий, созданию инфраструктуры (например, строительство дорог), выравниванию уровня жизни на селе с городскими показателями. Такой подход сразу говорит о существенной разнице в экономиче-

ской жизни на селе и в городе. Однако предлагаемые методы обычно сводятся к тому, чтобы довести уступающие показатели уровня жизни на селе городской жизни к последним величинам. Используется прямолинейная логика, причем сельский уклад жизни признается отстающим, без уточнения, что он иной по содержанию и смыслу, традициям, существованию функционирования и видам работ, которые в рамках этой местности могут быть реализованы.

В качестве мер стимулирования отстающего от городского сельского уклада используется распределение ресурсов и создание различных стимулов, например налоговых, кредитных или по условиям труда. Цель — удержать население в сельской местности, снизить издержки функционирования. Далее, ориентируясь на результаты анализа данных официальной статистики, покажем, происходит ли разрешение социальных проблем развития села по сравнению с городом при реализации указанных мер экономической политики. Если нет, может быть, пришло время поставить вопрос о решении главной структурной диспропорции не за счет логики распределения и облегчения условий (последний вариант, на мой взгляд, должен присутствовать), а за счет эффективного использования имеющихся на селе ресурсов, реорганизации сельского хозяйства за счет масштабного повышения технологичности.

Социальные проблемы сельской жизни

Сельские территории России, учитывая протяженность нашей страны, находясь на существенном удалении от областных центров и столичных городов, обладают специфическими условиями развития, которые сложились еще с советских, и даже ранее, времен. Большое негативное изменение произошло в 1990-е и 2000-е годы, когда углубилась дифференциация развития сельских территорий в различных частях страны. По сравнению с городом жизнь на селе всегда отличалась, однако в указанный период усилилась разница на уровне самой сельской жизни, в зависимости от плотности и природно-климати-

ческих ее условий, удаленности от городов и т.д. Таким образом, даже на селе социальные проблемы имеют неровный характер. Однако они возникают благодаря одной и той же природе — вытекающей из назначения и существа сельской жизни, ориентированной на сельскохозяйственный труд. Этот труд предполагает значительные физические усилия, привязан к погодным условиям и сезонности, в России производительность такого труда всегда была невысокой, как и уровень механизации, что приводило к необходимости повышать нагрузки на людей, без ощутимого роста вознаграждения за труд. Низкая технологичность сельскохозяйственного труда обеспечивалась высокой долей натуральных форм ведения хозяйства, существованием личного подворья и т.д.

Сельский уклад и удаленность от образовательных центров порождали следующую цепочку бедности на селе. Исходный низкий уровень дохода и трудности доступа к образованию обеспечивали низкое качество человеческого капитала и бедность, что приводило к низкой величине инвестиций в технологическое обновление, к которому и кадры не были готовы, а низкая технологичность фиксировала отсталость производств, что обеспечивало низкий уровень дохода. Наличие такого «круга бедности», конечно, имеет, и другие причины, связанные с психолого-культурными компонентами организации сельской жизни и традициями. Но с экономической точки зрения названная цепочка имела и имеет довольно сильное влияние. Преодоление такого «круга бедности» на селе и составляет, на мой взгляд, основополагающую задачу социального развития, если сводить все-таки задачу такого развития к выравниванию уровней жизни на селе и в городе. Разрыв этого уровня бедности, помимо концентрации необходимых ресурсов, видится в системе институциональных трансформаций, связанных с повышением качества человеческого капитала на селе, а также создания условий для его применения с одновременным целенаправленным решением задачи повышения технологичности сельскохозяйственного производства (этого недостаточно) и уровня жизни. То есть

сама жизнь на селе должна стать технологичной. Конечно, это задача системного уровня — и ориентироваться она должна на такие социальные показатели, как занятость, доходы населения, уровень бедности, обеспеченности жильем, структура и качество потребления. Однако улучшение названных показателей в сельской местности должно стать закономерным результатом не просто социальной политики, ориентированной на распределение ресурсов, включая социальные назначения, а именно качество труда и производства на селе — и шире — условий жизни. Сетевые взаимодействия и новые виды связи резко могут улучшить доступ к образованию и здравоохранению, что должно позитивно сказаться на решении социальных проблем развития села.

Отметим, что отток сельских жителей в города, который вроде бы составляет проблему дополнительного обеднения села кадрами, происходил и происходит именно в силу не только социальной разницы городской и сельской жизни, но и возможностей в области образования и здравоохранения. Но именно эта миграция составляет самостоятельно реализующийся механизм преодоления «круга бедности», причем весьма простым и радикальным способом. Полагаем, что влиять на само перемещение бессмысленно, следует искать новые формы организации сельской жизни, изменяя сам социальный уклад за счет повышения технологичности жизни, а не только сельскохозяйственного производства. Перемещение сельских жителей в города, на мой взгляд, будет влиять на развертывание сельской инфраструктуры своеобразным поясом вокруг городов, но в этом поясе будет возможно решать задачи обеспечения городов продовольствием и ведения высоко технологичного сельскохозяйственного производства, помимо содержания личного подворья.

Проведем сравнительный анализ за ряд лет развития города и села в России по наиболее важным с нашей точки зрения социальным показателям. Подтвердим, тем самым, наличие указанных проблем, решение которых в рамках «распределительной логики» нельзя признать пока действенным.

Сравнение социальной динамики города и села по некоторым показателям

В качестве основных показателей, выступающих характеристикой социального развития сельской и городской местности, выберем следующий набор:¹

- численность городского и сельского населения РФ;
- расходы (структура) на потребление домашних хозяйств в сельской и городской местностях за 2018 год;
- располагаемые ресурсы в среднем в месяц на члена домохозяйства в городе и на селе;
- крайне бедные домохозяйства в городской и сельской местностях;
- жилой фонд и связь в городе и селе.

В таблицах 1–2 приведены численность населения и структура расходов домохозяйств в городской и сельской местностях.

Как видим из табл. 1, имелся рост городского населения и сокращение сельского населения. По данным табл. 2 можно видеть близкий характер структуры потребления в городе и на селе, однако расходы на потребление в городе выше, так как в сельской местности имеется свое подворье, которое кормит жителей села, правда, продуктами более качественными. Расходы на питание на селе выше, чем в городе, примерно на 7% (физическая нагрузка выше). Расходы на непродовольственные товары близки, что говорит о выравнивании запросов к условиям жизни в городе и селе. Но вот расходы на услуги в городе на 8% выше, чем на селе, что и подтверждает неразвитость сервисной инфраструктуры сел, даже иногда отсутствие надобности в ряде услуг, которые имеются и оказываются в городе.

Располагаемые ресурсы на члена домохозяйства существенно выше в городе, что и говорит о возможностях в реализации многих видов услуг, включая платные (табл. 3).

1. Для сравнительного анализа используются данные Росстата.

Таблица 1. Динамика численности населения России, на 1 января, 2005–2020 гг.

Годы	Все население, млн человек	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2005	143,8	105,2	38,6	73	27
2006	143,2	104,8	38,4	73	27
2007	142,8	104,7	38,1	73	27
2008	142,8	104,9	37,9	73	27
2009	142,7	104,9	37,8	74	26
2010	142,9	105,3	37,6	74	26
2011	142,9	105,4	37,5	74	26
2012	143,0	105,7	37,3	74	26
2013	143,3	106,1	37,2	74	26
2014	143,7	106,6	37,1	74	26
2015	146,3	108,3	38,0	74	26
2016	146,5	108,6	37,9	74	26
2017	146,8	109,0	37,8	74	26
2018	146,9	109,3	37,6	74	26
2019	146,8	109,5	37,3	75	25
2020	146,7	109,5	37,2	75	25

Источник: Официальный сайт Росстата. www.gks.ru/folder/12781.

Таблица 2. Потребление домохозяйств, 2018 г.

Расходы на потребление домашних хозяйств	Все домашние хозяйства	Домашние хозяйства	
		в городской местности	в сельской местности
Расходы на потребление (в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц), руб.	18040,6	19671,9	13263,1
из них в %			
расходы на питание	35,2	33,7	41,9
расходы на непродовольственные товары	35,9	36,0	35,8
расходы на алкогольные напитки	1,6	1,6	1,4
расходы на оплату услуг	27,0	28,5	20,6
стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам	0,2	0,2	0,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2019. rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2019.pdf.

Таблица 3. Располагаемые ресурсы в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, руб.

Местность	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Городская	23 645	25 348	25 466	26 720	27 207	29 557
Сельская	14 192	15 802	16 640	16 971	18 309	19 190

Источник: Официальный сайт Росстата. Социальное положение и уровень жизни населения России. www.gks.ru/storage/mediabank/Soc_poloj-2019.pdf.

Однако уровень бедности в России высок как для городов, доходя до 30% по домохозяйствам, по данным Росстата, так и для села. Но здесь он доходит до 60–70%, т.е., в 2 раза выше, чем в городе².

Средний размер назначенных пенсий для сельских пенсионеров в среднем на 20% ниже, чем для городских пенсионеров. Это создает разницу по доходам даже для пенсионеров. Конечно, это вызвано более низкой заработной платой на селе, чем в городе, так как начисление пенсии привязано и к текущему заработку людей. Продолжительность жизни сельских жителей возрасла так же, как и городских, однако ниже в среднем на 3–4 года, чем в городе.

Жилищный фонд России городской — порядка 2600 млн кв. м, сельский — около 1000 млн кв. м, т.е. минимум в 2,5 раза меньше (это не считая качества этого жилого фонда, которое на селе много ниже). Ввод в действие жилых домов в городе в три раза превышает аналогичный показатель для сельской местности. Это наглядно демонстрирует проблемы социального развития, а также перспективы размещения населения России.

Нужно отметить, что за последнее десятилетие сельская местность показала неплохой показатель развития связи, цифровизации. В частности, уровень цифровизации местной телефонной сети составил на селе почти 80%³, правда, число телефонных станций на селе уступает городу в 1,7 раза. В сельской местности только 66% населения используют персональный

2. Источник: Росстат. Социальное положение и уровень жизни населения России www.gks.ru/storage/mediabank/Soc_poloj-2019.pdf.

3. Российский статистический ежегодник 2019

компьютер, в то время как в городе — 81%. Доступ к сети Интернет примерно такой же. Число телефонных аппаратов местной сети в 7 раз ниже на селе, чем в городе. Однако по связи имеется явно неплохая динамика, хотя она не позволяет замедлить отток населения или качественно изменить коммуникации на селе. Социальные проблемы сохраняются, но ввод цифровых и компьютерных технологий является позитивным шагом для решения общей задачи повышения технологичности жизни на селе, которую требуется решать одновременно с повышением производительности сельскохозяйственного труда.

Заключение

Подводя итог, отметим, что развитие сельских территорий видится в том, чтобы создавать — разворачивать на них целенаправленно различные виды труда, причем не только сельскохозяйственного, но и в рамках сервисного сектора, отдельно — решения индустриальных задач (где это возможно, например, сохранились заброшенные предприятия, ранее имевшие градообразующее назначение). Иными словами, населению необходимо дать перспективу труда, что сопровождать развитием инфраструктуры (особенно транспортной и энергетической, а также связи). Возможно, это потребует усиления государственного сектора в сельских территориях, особенно сильно отстающих в своем развитии и имеющих крупные социальные проблемы.

Главная идея, на мой взгляд, помимо реализации доктрины распределения ресурсов (она, как было показано выше, приводит лишь к сохранению, консервации, но не решению указанных социальных проблем развития сельских местностей), должна сводиться к тому, чтобы ресурсы создавать, открывая деятельность по их воспроизводству и использованию. Основной вектор политики стимулирования развития сельских территорий — повышение производительности, автоматизация и компьютеризация сельскохозяйственного труда при разворачивании сервисных видов труда.

А.Н. Иванова

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

РОССИЙСКАЯ АГРАРНАЯ СФЕРА И СЕЛЬСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена проблеме выработки подходов к использованию аграрной сферы и сельской среды в качестве источников устойчивого социально-экономического развития. Аграрная сфера рассмотрена как системный элемент российской действительности, представляющий собой сложный многосоставной социально-экономический комплекс, функционально связанный с использованием, производством и воспроизводством биоресурсов, состоящий из совокупности социальных, экономических, пространственных и инфраструктурных составляющих. На основе анализа данных о динамике сельского населения, занятости и безработицы в сельской местности, вклада хозяйств населения в производство продовольствия, масштабах дачного движения и материалов обследования домохозяйств обосновывается тезис о том, что внутри российского социума существуют слои, не утратившие связи с аграрной сферой, рассматривающие сельский и дачно-загородный уклады как обязательный элемент жизнеобеспечения. Показано, что данные слои формируют канал перераспределения ресурсов в пользу села, способствуя повышению качества жизни в сельской местности, замедляя сокращение сети сельских поселений. На основе анализа мер, принимаемых государством, показано, что политику в отношении аграрной сферы необходимо дополнить мерами поддержки данных слоев населения, что позволит при относительно незначительных затратах получить социально-экономический эффект в виде формирования оптимальной структуры расселения, развития мелкого и среднего аграрного бизнеса, приостановку процесса стягивания населения в крупные городские агломерации, повышения разнообразия стратегий развития сельских территорий и бизнесов.

Аграрная сфера играет особую роль в социально-экономической жизни России. Это связано с целым рядом обстоятельств, в том числе с пространственно-климатическими особенностями страны, обуславливающими особую связанность городских и сельских общественных укладов и экономик, при которой село и сельское хозяйство на протяжении длительного периода выступали в качестве донора развития российских городов и их важнейшей ресурсной базой. В известной

степени это свойство аграрной сферы сохраняется и сейчас, хотя индустриализация, стянув в города финансовые, управленческие, производственные, культурные и научные ресурсы и компетенции, повсеместно поставила село в зависимость от города. При этом состояние российской аграрной сферы во многом определялось особенностями социально-экономических преобразований советской деревни, а также разрушительным воздействием на остатки советского АПК рыночных реформ 90-х годов, что в совокупности обусловило длительный упадок российского села, который в последние годы стал постепенно преодолеваться. И в настоящее время именно аграрная сфера при использовании правильных подходов может оказаться одним из источников устойчивого развития нашей страны и фактором экономической модернизации.

Аграрная сфера как системный элемент русской действительности

Словосочетание «аграрная сфера» в данном конкретном контексте не является синонимом понятий «село», «сельское хозяйство» или «агропромышленный комплекс», а несет в себе более широкую смысловую нагрузку, связанную с попыткой взглянуть на некоторые проблемы современной России с позиции двух основных подходов, которыми руководствовался в своих исследованиях А.В. Никифоров. Основное содержание этих подходов заключается в том, чтобы рассматривать экономическую и социальную реальность и перспективы ее трансформации, во-первых, под углом развития «города» и «села» как целостного единства, а во-вторых, под углом необходимости освоения и организации русского пространственного потенциала.

Согласно первому подходу, сбалансированное развитие города и села — двух базовых общественных подсистем — «может стать одним из важных направлений обновления русской общественной системы, базой комплексного решения агропромышленных проблем, обеспечения

рационального использования территориального, ресурсного и социального потенциала села и города, улучшения экологических условий и социальной активности населения, движения страны к историческому устройству, синтезирующему ее особенности и мировые процессы»¹.

Согласно второму подходу, все материальные и человеческие ресурсы, которыми потенциально располагает российское общество, всегда пространственно дифференцированы и так или иначе территориально организованы. Их включение в экономический оборот в интересах устойчивого развития страны предполагает выбор таких приоритетов, которые позволяли бы добиться наибольшего интеграционного эффекта для всех компонентов этого пространственного потенциала: развитие внутреннего рынка и всех видов инфраструктуры, развитие регионального, муниципального и федерального уровней управления, развитие общественной и экономической многоукладности².

В подобном контексте понятием «аграрная сфера» можно условно обозначить реально существующий сложный социально-экономический комплекс³, связанный с использованием, производством и воспроизводством биоресурсов, состоящий из совокупности социальных, экономических, пространственных и инфраструктурных составляющих развития страны и ее отдельных территорий. Данное понятие является обобщающим по отношению к ряду других, которыми принято обозначать соответствующие отрасли, уклады и виды деятельности, и имеет право на самостоятельное существование в связи с тем обстоятельством, что в России, как, наверное, нигде в мире, развитие биоресурсных отраслей — сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбовод-

1. Никифоров А.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 5. С. 184–185.
2. Никифоров А.В., Кузнецова Т.Е. Пространственный потенциал России и проблемы его социальной организации // Вестник МГУПИ. 2012. № 39. С. 63–65.
3. Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е. Интеграционные возможности российского сельского хозяйства в контексте перехода к новой модели экономического роста // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 6. С. 123.

ства – несет на себе серьезную социальную нагрузку и дополнительное обременение в виде поддержания освоенности российского пространства.

В таком социально-пространственном аспекте аграрная сфера приобретает более сложную и неоднородную структуру. Помимо сельского хозяйства и некоторых других отраслей АПК, отвечающих за первичную переработку и хранение сельхозпродукции, аграрная сфера включает лесное, и промышленное хозяйство⁴, рыбководство, а также сельскую среду. В свою очередь, сельская среда также неоднородна, она объединяет в себе сельский уклад с дачно-загородным укладом и представлена сетью различных сельских поселений и территорий. При этом сельский уклад – это организация жизни той части населения, которая проживает в сельской местности, занята в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыбководстве и рыболовстве, воспроизводстве и первичной переработке биоресурсов, в сельской инфраструктуре, а также ведет личное подсобное хозяйство; а дачно-загородный уклад – это «промежуточный» уклад, организующий жизнь жителей городов, владеющих загородной недвижимостью (загородные дома, дачи, участки земли), которые либо создают личные подсобные хозяйства, либо так или иначе участвуют в формировании освоенных агроландшафтов⁵, которые, в свою очередь, можно рассматривать как одну из форм использования и воспроизводства биоресурсов и пространственного потенциала. Важной функцией сельской среды является ее участие в формировании альтернативной неурбанизированной системы расселения, которая приобретает особую актуальность в контексте экологической, эпидемиологической и иной уязвимости больших городов.

-
4. Кузнецова Т.Е., Никифоров А.В. Современные проблемы промышленного хозяйства и промышленной кооперации // Труды ВЭО. 2016. Т. 197. С. 304–311.
 5. Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е. Интеграционные возможности российского сельского хозяйства в контексте перехода к новой модели экономического роста // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 6. С. 123.

Аграрная сфера во всем многообразии своих составляющих является и важнейшим фактором интеграции российских города и села, и сохранения освоенности российского пространства. Развитие российской аграрной сферы напрямую сопряжено с экономическим ростом, поскольку связано с генерированием спроса на различные товары инвестиционного и потребительского свойства, развитием инфраструктуры, различных видов переработки биоресурсов и расширением продовольственных и прочих рынков. Все последние годы российский АПК уверенно развивается, внося существенный вклад в ВВП и обеспечивая продовольственную безопасность страны. Однако не только успехи ряда агропродовольственных отраслей АПК позволяют говорить об аграрной сфере как о важнейшем системообразующем факторе социально-экономической системы России. Очень важно то, что при объективно существующих природно-климатических и пространственных особенностях страны аграрная сфера, и ее составной компонент — сельская среда, могут быть рассмотрены как одно из специфических условий жизни российского социума не только с точки зрения продовольственной безопасности, но и в более широком ключе — как атрибут сохранения и нормального протекания жизни, т.е. системы жизнеобеспечения.

Сельская среда как фактор жизнеобеспечения российского социума

В пользу того, что сельская среда не только исторически, но и в современной действительности выступает как специфический компонент жизнеобеспечения российского социума, свидетельствуют: относительная устойчивость доли сельского населения; значительный вклад личных подсобных хозяйств (хозяйств населения) в производство продовольствия; развитие дачно-загородного уклада.

Анализ статистических данных показывает, что на протяжении трех последних десятилетий доля сельских жителей

сохраняется практически на одном уровне. Несмотря на все перипетии постсоветского развития, размер этой доли с 1991 г. снизился только на 0,8%. В настоящее время, так же, как и в начале 90-х гг., около четверти российского населения относятся к сельским жителям, в то время как численность занятых в биоресурсных отраслях (сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве), а также уровень безработицы (по данным обследований) в сельской местности устойчиво снижается (табл. 1). Простое сопоставление данных о динамике вышеперечисленных показателей указывает на то, что численность лиц, проживающих в сельской местности, чья трудовая деятельность не связана с биоресурсным сектором, постепенно увеличивается: в 2000 г. их насчитывалось 28,2 млн человек, или 19,3% от общей численности российского населения, в то время как в 2019 г. данные показатели составляли 31,3 млн человек, или 21,3% соответственно. С точки зрения своей возрастной структуры сельское население несколько отличается от городского: село демонстрирует более высокие показатели доли лиц старше и младше трудоспособного возраста, однако в целом эти различия несущественны (рис. 1).

Не отрицая наличия серьезных проблем сельских поселений, включая проблемы с трудоустройством молодежи и с оттоком трудоспособного населения из сел и малых городов в крупные города, следует признать, что ситуация с внутренней миграцией в стране по крайней мере неоднородна⁶. В целом в России наблюдаются разнонаправленные процессы урбанизации и дезурбанизации. И хотя их общий баланс постепенно смещается в пользу города, это происходит намного медленнее, чем этого можно было бы ожидать. Это особенно впечатляет, если учесть, что за несколько последних десятилетий аграрная сфера, пережившая вместе со страной трансформационный и системный кризисы, пере-

6. Мктрчян Н.В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика, 2019. № 3. С. 48.

Таблица 1. Численность городского и сельского населения России в 1991–2019 гг.

	1991	2000	2010	2015	2017	2018	2019
Городское население, млн человек	109,4	107,1	105,4	108,3	109,3	109,5	109,5
Сельское население, млн человек	38,9	39,2	37,4	38,0	37,6	37,3	37,3
Среднегодовая численность занятых в биоресурсном секторе (отраслях сельского и лесного хозяйства, охоте, рыболовстве и рыбоводстве), млн человек	...	9,1	6,8	5,5	5,1	4,9	4,8
Численность безработных, проживающих в сельской местности (по материалам обследования), млн человек	...	1,9	1,9	1,4	1,4	1,3	1,2
Доля сельского населения в общей численности населения России, %	26,2	26,8	26,2	26,5	25,6	25,4	25,4

Источник: Численность населения. rosstat.gov.ru/folder/12781; Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности // Россия в цифрах. 2020: Крат.стат.сб. / Росстат. М., 2020 С. 89; Численность безработных // Россия в цифрах: Крат.стат.сб. / Росстат. М., 2020. С. 105; Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности // Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб. / Росстат. С. 113.

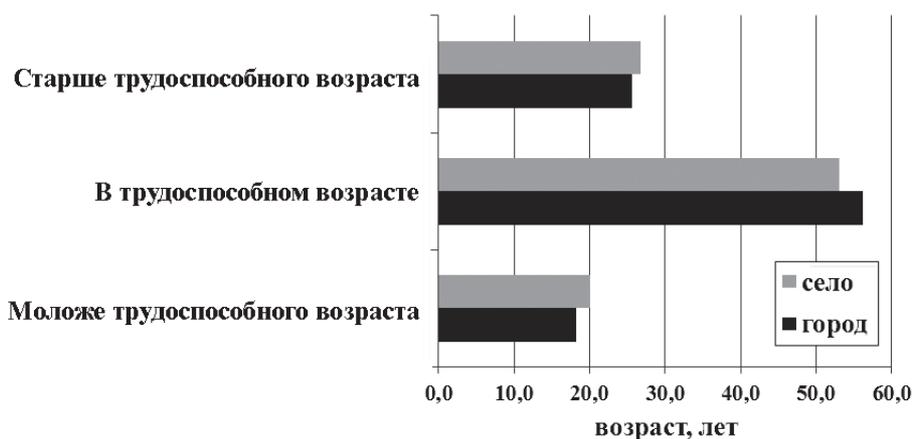

Рис. 1. Возрастная структура городского и сельского населения России (на 1 января 2019 г., %)

Источник: Распределение населения по возрастным группам. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. С. 113.

жила и еще несколько стрессов, связанных с оптимизацией социальной инфраструктуры села, когда на фоне активизации поддержки сельского хозяйства и сельских поселений, в которых реализуются инвестиционные проекты, в стране продолжались процессы закрытия малокомплектных сельских школ и фельдшерско-акушерских пунктов⁷.

Эта достаточно высокая устойчивость доли сельского населения на протяжении трех последних десятилетий объясняется целым комплексом различных социально-экономических и культурно-исторических факторов. Совершенно очевидно, что структура занятости и экономической активности на селе постепенно меняется. Это происходит в том числе и под влиянием притока инвестиций в крупное сельскохозяйственное производство. Российские агрохолдинги постепенно модернизируют производственные процессы, существенно повышая техническую вооруженность наемного труда и, соответственно, сокращая спрос на рабочие руки. Однако сельская безработица — по данным обследования — на этом фоне не только не растет, а, напротив, снижается. Часть незадействованной в аграрном секторе наиболее мобильной рабочей силы мигрирует в города. Некоторые деревенские жители окончательно отрываются от деревенской жизни и полностью перебираются в город. Другая часть жителей села превращается в фермеров или осваивают иные формальные и неформальные виды мелкого аграрного бизнеса. Однако значительная часть сельских жителей обеспечивает свое трудоустройство с помощью внутренней возвратной трудовой миграции, или иначе — отходничества.

Отходничество — это специфический феномен современной российской действительности, имеющий при этом довольно прочную культурно-историческую и социально-экономическую основу⁸. Основное содержание отходниче-

7. versia.ru/zakrytie-selskix-shkol-prevrashhaetsya-v-vopros-nacionalnoj-bezopasnosti-strany; yandex.ru/turbo/s/ng.ru/kartblansh/2018-05-29/3_7234_kartblansh.html.

8. Бараненкова Т.А. Трансформация «отходничества» в России: от века XIX к веку XXI // Вестник Института экономики РАН. 2012. № 1.

ства – возвратная трудовая миграция населения деревень и малых городов в промышленно развитые регионы, столицу и областные центры. Отходничество как самостоятельное явление официальной статистикой не улавливается и, возможно, благодаря этому оказывается вне какой-либо осознанной политики. Существуют серьезные социологические и географические исследования⁹, которые достаточно полно характеризуют данное явление не только в содержательном и структурном плане, но и дают его некоторые количественные оценки. Согласно этим исследованиям основным мотивом внутренней возвратной трудовой миграции в наши дни является не борьба с бедностью, а повышение благосостояния семьи. Отходники – это, как правило, семейные люди, в возрасте 25–55 лет. Большинство современных отходников могут найти работу у себя по месту жительства или в ближайшем районном центре, однако их не устраивает предлагаемый там заработок. Отходники стремятся получить доход, в несколько раз превышающий тот, который им предлагают на местном рынке труда, но не собираются перебираться в город окончательно. Отходничество как вид деятельности носит инициативный и самостоятельный характер, и по некоторым признакам отходники (прежде всего мужчины, которые, как правило, занимаются более квалифицированной деятельностью) приближаются к мелким предпринимателям.

Те, кто изучают данный вопрос, подчеркивают, что масштабы современного отходничества трудно оценить, но по косвенным признакам можно предположить, что порядка 10–15 млн российских семей живут за счет внутренней возвратной миграции, которой охвачено, по приблизительным оценкам, от 10 до 50% трудоспособного населения малых

9. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники [монография]. М.: Новый Хронограф, 2013; Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.

городов и сельских районов¹⁰. Несмотря на то, что данные цифры очень приблизительно характеризуют истинные масштабы отходничества, что в них невозможно разделить отходников из сельской местности и из малых городов, совершенно очевидно, что данное явление имеет гигантские масштабы и способно достаточно серьезно влиять на развитие сельских территорий. Как уже отмечалось, в основной своей массе отходники не собираются менять место жительства, а, напротив, направляют значительную часть своего дохода на то, чтобы лучше обустроить свою жизнь и жизнь своей семьи в деревне. Очевидно, что при том, что заработки в биоресурсных отраслях являются достаточно низкими (по данным Росстата, в 2018 году среднемесячная номинальная заработная плата по отрасли «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» составила 65,7% от общероссийского показателя), именно во многом благодаря отходникам городские и сельские домохозяйства в имущественном плане не имеют существенных различий (табл. 2). Очевидно, что во многом именно благодаря отходничеству в российских селах улучшилось качество жилого фонда. Показатели обеспеченности сельских домов всеми коммунальными системами и оборудованием (т.е. одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением¹¹, ванной или душем, горячим водоснабжением), хотя и отстают пока от городского жилья, но за период 2012–2018 года выросли почти на 10% и составили 34,2% от всего жилого фонда в сельской местности¹².

В конечном итоге отходничество по своей сути представляет собой институт, обеспечивающий перераспределение доходов между городом и деревней в пользу последней. Сами же отходники — достаточно обширный социальный слой, заинтересованный в благоустройстве сельских населен-

10. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 41–42.

11. За исключением печного отопления.

12. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2020, вып. 6. С. 100.

Таблица 2. Наличие бытовой техники, телерадиоаппаратуры и транспортных средств, в среднем на 100 домохозяйств, в 2019 г., штук

	Все домашние хозяйства	Домашние хозяйства, проживающие:	
		в городской местности	в сельской местности
Холодильник	108	107	111
Морозильник (морозильная камера)	28	23	44
Газовая плита (варочная панель)	75	71	88
Стиральная машина	101	100	104
Телевизор (всех типов)	173	178	160
Персональный компьютер	47	49	43
Портативный компьютер (ноутбук, планшет, iPad)	78	86	55
Мобильный телефон	92	83	123
Смартфон, iPhone	157	165	132
Легковой автомобиль	60	60	62
Автобус, микроавтобус	1	0	1
Грузовой автомобиль	2	1	3
Мотоцикл, мотороллер	1	0	2
Мопед, скутер	1	0	2
Моторная лодка, катер	1	1	1

Источник: Условия проживания домашних хозяйств, наличие предметов длительного пользования. rosstat.gov.ru/folder/13397.

ных пунктов, а также развитию сельской инфраструктуры. Часть отходников не только потенциально способны перейти в разряд фермеров или заняться каким-либо иным аграрным бизнесом, но имеют необходимые для этого материальные ресурсы. Именно наличие данного слоя и его постоянное воспроизводство во многом обеспечивает устойчивость доли сельского населения в нашей стране, а также замедляет сжатие системы сельских поселений и, соответственно, освоённости российского пространства.

Следующим фактором, позволяющим рассматривать аграрную сферу и ее составную часть – сельскую среду – как фактор жизнеобеспечения, являются масштабы лич-

ного подсобного хозяйства (хозяйства населения), которое в нашей стране традиционно играет весьма серьезную роль. Российское общество за последние сто лет переживало различные состояния, и у значительной части населения присутствует стремление к сохранению связи с аграрной сферой как к своеобразной страховке от превратностей судьбы. В периоды благополучия личное подсобное хозяйство играет преимущественно вспомогательную роль, соединяя в себе способ организации досуга и элементы самообеспечения продовольствием. Однако во время кризиса значение продовольственного самообеспечения начинает возрастать. Так, например, в конце 1990-х годов в хозяйствах населения производилось больше продовольствия, чем в сельскохозяйственных организациях и фермерских хозяйствах. Несмотря на то, что начиная с середины 2000-х агрохолдинги и фермеры существенно нарастили сельхозпроизводство, порядка четверти всего продовольствия в стране по-прежнему производится в хозяйствах населения, что в два раза превышает объемы производства в фермерских хозяйствах (рис. 2). Особенно велика доля хозяйств населения в производстве овощей: например, по данным Росстата, в 2018 г. она составляла 55%, т.е. превышала совокупное производство овощных культур другими категориями хозяйств.

Интересно, что стоимостные объемы продукции, производимой в хозяйствах населения за последние тридцать лет, изменились незначительно. В настоящее время показатели стоимостного объема растениеводческой продукции, производимой в хозяйствах населения (в сопоставимых ценах), составляют 94% от уровня 1990 года, а животноводческой – 69%. Если сопоставить стоимостные показатели сельхозпродукции, произведенной в 1998 и 2019 г., то оказывается, что в хозяйствах населения сейчас производится только на 14% растениеводческой и на 24% животноводческой продукции меньше, чем в 1998 г.¹³, когда личные подсобные хозяйства

13. Рассчитано по: данные Росстата. rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-se13.htm.

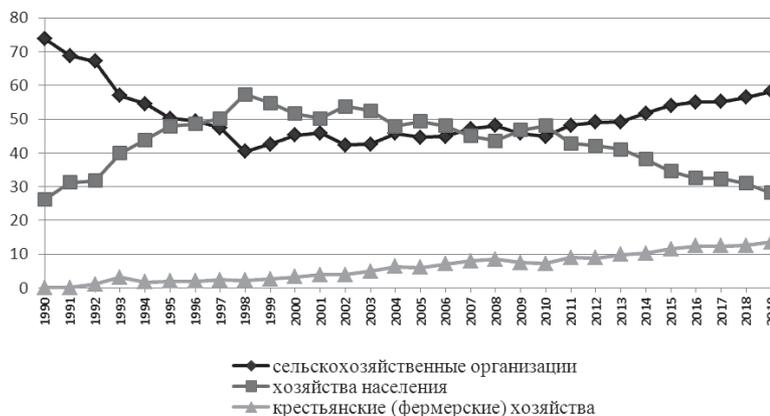

Рис. 2. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, 1990–2019 гг., %

Источник: Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств. rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel2.htm.

производили порядка 60% всей сельскохозяйственной продукции. Это позволяет говорить о неизменно высоком уровне участия личных подсобных хозяйств в производстве продовольствия, хотя размеры этого участия могут меняться под воздействием тех или иных обстоятельств.

И еще одним доводом в пользу того, что сельская среда и вместе с ней вся аграрная сфера выступает специфическим компонентом жизнеобеспечения российского социума, является наличие в нашей стране во многом уникального дачно-загородного уклада. Несмотря на масштабы самого явления и наличие у него прочных культурно-исторических оснований,¹⁴ данный уклад является слабо изученной стороной российской социально-экономической действительности.

В исследованиях, которые относятся преимущественно к области экономической географии, выделяют два составных элемента данного уклада: дачные и садово-огородные това-

14. Горлов В.Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. №1. С. 111.

рищества, объединяющие горожан и расположенные вблизи городов, а также так называемые «дальние» дачи, которые могут располагаться достаточно далеко, в других регионах, иногда за несколько сотен километров от основного места обитания своих хозяев¹⁵. Прямой вклад дачного движения в экономику также оценить довольно трудно, однако совершенно очевидно, что развитие дачно-загородного уклада содержит в себе целый комплекс прямых и косвенных социально-экономических эффектов. В частности, дачники вместе с сельскими жителями собственно и формируют тот огромный объем продовольственной продукции, который в официальной статистике учитывается как продукция, производимая в хозяйствах населения.

Определенное представление о масштабах дачного движения дает информация, предоставляемая Союзом садоводов России. По данным этой организации, в стране насчитывается 87 тыс. некоммерческих дачных и садоводческих объединений граждан, которые в совокупности обрабатывают 1,115 млн га земли; в данных товариществах производится 80% всего картофеля, 90% ягод, 70% овощей; обладателями той или иной разновидности дачных, садовых и огородных участков являются 21 млн российских семей¹⁶. Эти данные несколько отличаются, но в целом сопоставимы с данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., согласно которой в стране насчитывается 75,9 тыс. некоммерческих объединений граждан, которым в совокупности принадлежат 1,151 млн га земли¹⁷.

Помимо прямого экономического эффекта от участия горожан в дачном движении весьма значительным является

15. Нефедова Т.Г. Роль пространственной мобильности горожан в трансформации сельского расселения // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии. Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / Отв. ред. Н.И. Быков. 2018. С. 91–96.

16. souzsadovodov.ru/userfiles/souzsadovodov2018.pdf.

17. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». Том.1. 2018. С. 12–13.

его рекреационный эффект. Нельзя забывать, и о том, что дачники формируют устойчивый спрос на целый комплекс специальных дачных товаров, начиная от садового инвентаря, семян и рассады, и кончая мебелью, строительными материалами и оборудованием. И, как показал современный эпидемиологический кризис, огромным и очевидным результатом существования практически не учитываемой, но при этом вполне реальной дачной поселенческой сети оказалась возможность рассредоточиться и обеспечить самоизоляцию для значительной части населения крупных российских городов. Если же говорить о «дальних» дачах, в качестве которых выступают скупаемые горожанами дома и земельные участки в небольших деревнях нечерноземной полосы, то здесь можно выделить два весьма важных эффекта. Один из них связан с тем, что горожане, обустривая свою сезонную жизнь в «дальних» деревнях, формируют еще один своеобразный канал перераспределения ресурсов в пользу сельских территорий, в некоторой степени способствуя и повышению там качества жизни, и изменению жизненных стандартов местного населения. И второй наиболее важный эффект связан с тем, что «дальние» дачи способствуют сохранению системы «мелкоселенного сельского расселения»¹⁸, и, следовательно, стремление горожан к приобретению «дальних» дач поддерживает освоенность российского пространства.

Устойчивость доли сельского населения, практически неснижающееся значение личных подсобных хозяйств и развитие дачного движения, получившего новый импульс в связи с эпидемиологической ситуацией и стремительным развитием дистанционных технологий и практик, позволяют предположить, что незавершенность процесса урбанизации,

18. Нефедова Т.Г. Роль пространственной мобильности горожан в трансформации сельского расселения // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии. Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Ответственный редактор Н.И. Быков. 2018. С. 91–96.

о которой говорят эксперты¹⁹, в России не только вполне закономерна, но и является определенным преимуществом, которое можно использовать в целях устойчивого развития. Так же, как исторически, в силу природно-климатических особенностей на Руси ремесло плохо отделялось от сельского хозяйства, а городской уклад от сельского, и в российской истории не было ничего похожего на «коммунальные революции», так и в настоящее время российские города не могут полностью оторваться от аграрной сферы, а российское население расценивает свою связь с сельским и дачно-загородным укладами как способ поддержания нормального течения жизни.

Представляется, что общие рассуждения об аграрной сфере могут иметь и методологическое, и практическое значение, в том смысле, что объектом долгосрочной комплексной политики должен стать не биоресурсный сектор сам по себе, и даже не сельские территории, а именно вся аграрная сфера в комплексе, включая ее экономические, социальные и пространственные компоненты, поскольку именно подобный подход поможет задействовать реально существующие, но неиспользуемые из-за своей малоизученности и разрозненности резервы устойчивого социально-экономического развития.

Но каковы должны быть приоритеты подобной политики с учетом наших социокультурных и пространственных особенностей? Здесь, безусловно, в методологическом и технологическом смысле, может быть полезен опыт выработки и реализации Общей сельскохозяйственной политики ЕС, в целом ориентированной не на достижение конкретных производственных или иных результатов, а на системное обеспечение устойчивого динамичного развития АПК в технологическом, социально-территориальном и эколого-климатическом аспек-

19. Лаппо Г.М., Полян П.М. Особенности русской урбанизации // Мир России. 1999, № 4. С. 43; Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015 № 12. С. 64.

тах²⁰. В то же время наш отечественный опыт показывает, что использование лучших мировых практик в российских социально-экономических, пространственных и природно-климатических реалиях носит ограниченный характер. Нам необходимо выстроить свой собственный алгоритм долгосрочной политики реализации одновременно и социального, и биоресурсного, и пространственного потенциала, опираясь на понимание своих сильных и слабых сторон, и с учетом существующих и ожидаемых ограничений использовать имеющиеся возможности. Именно в этом ключе — ограничений и возможностей, достижений и нерешенных проблем — целесообразно рассматривать и российскую аграрную сферу, и реализуемую по отношению к ней политику.

Государственная политика в отношении аграрной сферы: формирование комплексного подхода

В целом следует признать, что в стране на протяжении двух последних десятилетий идет постепенное выстраивание аграрной политики, которая в последние годы претендует на комплексный подход, постоянно оттачивается и совершенствуется и уже стала приносить определенные плоды. По мере того, как к началу XXI века страна постепенно выбиралась из системного и трансформационного кризисов, проблемы российской аграрной сферы стали все чаще привлекать внимание российских властей. Изначально это происходило преимущественно в контексте поддержания продовольственной безопасности. Так, в ряду первых российских институтов развития оказались Россельхозбанк и Росанролизинг — структуры, связанные с поддержкой агропромышленного комплекса. Тогда же в начале 2000-х годов был разработан и запущен достаточно эффективный механизм регулирования рыночных цен на продовольствие с помощью зерновых интервенций.

20. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2017. С. 107–108.

В середине 2000-х был утвержден Приоритетный национальный проект «Развитие АПК», а затем последовательно приняты две Государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 и 2013–2020 гг. Все эти меры принесли результаты в виде роста объема сельскохозяйственного производства, обеспечения продовольственной независимости, а затем и наращивания продовольственного экспорта.

Начиная с середины 2000-х поддержка российского АПК стала рассматриваться в более широком контексте, т.е. в сочетании с мерами, направленными на улучшение социальных и инфраструктурных условий жизни людей, населяющих сельские территории и занятых в производстве сельскохозяйственной продукции. Во всех основных документах, начиная с Приоритетного национального проекта, и затем в Доктрине продовольственной безопасности, в Государственных программах развития сельского хозяйства, помимо мер, связанных непосредственно с поддержкой аграрных отраслей и отраслей АПК, были предусмотрены меры, направленные на развитие сельских территорий и мелких форм аграрного бизнеса. С точки зрения развития дачно-загородного уклада следует отметить принятый в 2006 г. закон № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества», который принято называть «дачной амнистией» и который был нацелен на легализацию частных домовладений, расположенных в том числе и в сельской местности.

Помимо этого за последние десять лет были разработаны и приняты несколько программных документов, конкретно сфокусированных на проблеме повышения качества жизни сельского населения: Концепция устойчивого развития сельских территорий до 2020 г., Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (с 2018 г. данная ФЦП была

включена в качестве составной части в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.), Стратегия устойчивого развития сельских территорий до 2030 года. С 2020 г. начала действовать Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», рассчитанная на 2020–2025 гг., которая пока является самостоятельной, т.е. не вошла в качестве подпрограммы в новую редакцию Государственной программы развития сельского хозяйства, действие которой продлено до 2025 г. Очень важно, что в рамках Госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» была запущена льготная ипотечная программа «Сельская ипотека», направленная на поддержку граждан, стремящихся приобрести или построить жилой дом на сельских территориях или в агломерациях.

В результате всех предпринимаемых действий был достигнут некоторый прогресс в направлении повышения качества жизни сельского населения, однако пока существенного повышения *привлекательности сельской жизни* достигнуть не удалось²¹. За пять лет в стране стало на одну тысячу сельских поселений меньше: в 2014 г. их насчитывалось 18,5 тыс., а в 2018 г. только 17,5 тыс. Подобное сокращение имеет разные причины, в том числе может быть связано с преобразованиями административного устройства²².

Недостаточная эффективность мер (т.е. далеко не все контрольные показатели оказались достигнутыми, значительная часть средств в регионах была направлена не столько на поддержку сельских территорий, сколько на поддержку агломераций), направленных на улучшение жизни на селе, имеет свое объяснение. Помимо такой очевидной причины, как глубина и запущенность самой проблемы, которые тоже следует учитывать, можно выделить еще целый ряд причин.

21. Логинова Д., Строков А. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 124.

22. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2020. Вып. 6. С. 29–37.

В частности, эксперты подчеркивают, что в государственной поддержке развития сельских территорий продолжает преобладать отраслевой подход, в результате которого инвестиции в развитие сельских поселений напрямую сопряжены с инвестициями в производственную деятельность и в значительной мере аккумулируются не столько непосредственно сельскими территориями, сколько агломерациями, расположенными вокруг крупных городов. При таком подходе развитие и благоустройство сельских территорий выступает не как самостоятельная цель, реализуемая в том числе и местным сообществом, а как создание федеральными и региональными властями дополнительных условий получения крупным аграрным бизнесом доступа к земельным и трудовым ресурсам²³, что снижает активность сельских жителей и ограничивает возможности привлечения местных ресурсов для решения проблем сельских территорий.

Эксперты подчеркивают, что во многих случаях региональные программы развития сельских территорий в части целей, задач и приоритетов не совпадают с целями, задачами и приоритетами, обозначенными в федеральной целевой программе. Это, в свою очередь, связано с целым рядом обстоятельств, в том числе с реальными региональными различиями и со слабостью методического обеспечения разработки региональных программ. Общая эффективность мероприятий по государственной поддержке села из-за этого снижается. К этому присоединяется и общая нестабильность нормативно-правовой базы. Частые изменения нормативного обеспечения и целевых показателей как на федеральном, так и на региональном уровне ограничивают возможность достижения желаемого результата²⁴.

23. Тихий В.И., Иванов С.С. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития сельских территорий региона // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 8. С. 1468.

24. Логинова Д., Строков А. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 123–124.

Программы развития сельских территорий весьма серьезно обсуждаются в экспертном сообществе, а их результативность подвергается профессиональному мониторингу: начиная с 2015 г. под эгидой Минсельхоза публикуется Ежегодный доклад по результатам мониторинга «О состоянии сельских территорий в Российской Федерации», подготовленный Всероссийским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства. И в этом смысле здесь очень трудно что-либо добавить по существу вопроса. В то же время можно предположить, что общая результативность предпринимаемых усилий во многом определяется в том числе и общими подходами, над которыми, очевидно, еще предстоит работать.

Заключение

Представляется, что пока реальной комплексности в решении проблем аграрной сферы достигнуть не удалось. И, возможно, не удалось именно потому, что такая задача по сути и не ставилась. Пока наблюдаются попытки подойти к данному сложному объекту, интегрирующему в себя множество составляющих, с различных сторон: таких, например, как обеспечение продовольственной безопасности, или поддержка АПК, или развитие сельских территорий и т.д. Не исключено, что в конечном итоге из этого и вырастет некий комплексный подход, максимально учитывающий особенности такого сложного многосоставного социально-экономического явления, которое в рамках данной работы обозначено как аграрная сфера. Пока же мы находимся в ситуации, когда все понимают, что реально очень трудно как разделить, так и объединить развитие сельского хозяйства, сельских территорий и сельских сообществ. Особенно это трудно сделать в условиях ограниченности ресурсов. Именно поэтому в программных документах вопросы развития села то объединяют вместе с вопросами развития сельского хозяйства и АПК, то разделяют. Не исключено, что именно поэтому в соот-

ветствующие программные документы вносятся столько исправлений. Например, начиная с 2012 г., когда был обнаружен первоначальный вариант Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., в госпрограмму были внесено 26 изменений, а она сама подверглась 18 редакциям.

Отсутствие реальной комплексности проявляется и в том, что Стратегия и Программы развития сельских территорий до определенной степени подменяют собой стратегию пространственного развития страны, в которой существует настоятельная потребность. При этом в программных документах по развитию сельских территорий отсутствуют меры по развитию малых городов, без которых развивать сельские территории весьма проблематично. Жизнь показывает, что агломерации формируются не только вокруг крупных, но и вокруг малых городов, интегрируя окружающие их сельские территории, поддерживая совместную жизнеспособность и формируя локальное социально-экономическое пространство, не учитывая особенности развития которого по меньшей мере нецелесообразно. Справедливости ради следует сказать, что пробел по части развития малых городов в значительной мере компенсирован Национальным проектом «Жилье и городская среда» и Федеральным проектом «Формирование комфортной городской среды», что, однако, не снимает вопроса о необходимости стимулирования интеграционных процессов между малыми городами и соседствующими с ними сельскими территориями, которые необходимо решать прежде всего за счет развития коммуникационной среды.

Кроме того, определенные вопросы вызывают сами методы управления федеральными программами развития. Если традиционно целевые программы управлялись и координировались с помощью программно-целевых методов, то в последние годы их стали заменять проектным управлением, доказавшим свою эффективность при реализации

бизнес-проектов. Но решение стратегических задач в масштабах целой страны с помощью проектного менеджмента предполагает выработку особых методов и технологических решений, которые должны нарабатываться в процессе реализации подобных проектов. Пока же, по мнению экспертов, методология проектного управления федеральными и региональными программами еще окончательно не проработана²⁵.

Можно согласиться с тем, что программно-целевые методы управления были недостаточно совершенны, однако складывается такое впечатление, что при использовании методов проектного управления из фокуса внимания окончательно исчез состоявшийся экономически активный человек. Но если мы стремимся к сохранению сельских поселений, то, может быть, следует апеллировать в первую очередь не к молодежи (хотя, безусловно, молодежью необходимо заниматься вне зависимости от того, проживает она в городе или в сельской местности), которая еще не определилась со своим жизненным выбором, а к тем, кто уже этот выбор сделал? Например, к тем же отходникам, которые не только не собираются окончательно покинуть сельскую территорию, а, наоборот, стремятся остаться на своей земле, вкладывая заработанные в городе средства в ее благоустройство, в строительство нового дома для своей семьи и в приобретение сельскохозяйственной техники. Или, может быть, необходимо в первоочередном порядке повысить доступность телефонной связи и Интернета в сельских районах, где прослеживается тенденция приобретения горожанами «дальних» дач? Это будет весьма своевременно, поскольку сейчас на фоне эпидемиологической угрозы и развития дистанционных форм работы и обучения наметилось повышение интереса горожан к жизни в сельской местности. Однако все может упереться в недостаточное развитие инфраструктуры и коммуникаций, в частности — в доступность Интернета.

25. yandex.ru/turbo/s/fb.ru/article/276837/proektnoe-upravlenie---eto-chno-takoe-plyusyi-minusyi.

Как показывает анализ, внутри российского социума существуют слои, которые не утратили интереса к аграрной деятельности и к аграрной сфере, и более того, рассматривающие ее как обязательный элемент жизнеобеспечения. Это означает, что при относительно незначительных затратах, связанных с их поддержкой, можно получить ощутимый социально-экономический эффект в виде формирования оптимальной структуры расселения, развития мелкого и среднего аграрного бизнеса, приостановку процесса стягивания населения в несколько крупных городских агломераций, повышения разнообразия потенциально возможных стратегий развития для тех или иных сельскохозяйственных территорий и бизнесов. Несмотря на то, что многие решения и меры, предпринимаемые в последние годы в отношении биоресурсных отраслей или сельских поселений, в общем и целом являются верными, необходимо сделать следующий шаг, а именно — научиться работать со слоями и группами населения, которые уже реально продемонстрировали свою связь с аграрной сферой и свою материальную заинтересованность в ее развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараненкова Т.А. Трансформация «отходничества» в России: от века XIX к веку XXI // Вестник Института экономика РАН. 2012. № 1.
2. Горлов В. Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1.
3. Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е. Интеграционные возможности российского сельского хозяйства в контексте перехода к новой модели экономического роста // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 6.
4. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Современные проблемы промышленного хозяйства и промысловой кооперации // Труды ВЭО. 2016. Т. 197.
5. Лапто Г.М., Полян П.М. Особенности русской урбанизации // Мир России. 1999. № 4.

6. *Логинова Д., Строков А.* Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2.
7. *Между домом... и домом.* Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 2016.
8. *Мкстрчян Н.В.* Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 3.
9. *Никифоров А.В., Кузнецова Т.Е.* Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 5.
10. *Никифоров А.В., Кузнецова Т.Е.* Пространственный потенциал России и проблемы его социальной организации // Вестник МГУПИ. 2012. № 39.
11. *Нефедова Т.Г.* Роль пространственной мобильности горожан в трансформации сельского расселения // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии. Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / Отв. редактор Н.И. Быков. 2018.
12. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12.
13. *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники [монография]. М.: Новый Хронограф. 2013.
14. *Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1.
15. *Тихий В.И., Иванов С.С.* Обеспечение устойчивого социально-экономического развития сельских территорий региона // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 8.
16. *Фрумкин Б.Е.* Агропродовольственный комплекс – интегральный фактор и драйвер экономического роста / В монографии «Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста». М.: Издательский Дом «Инфра-М». 2017.

РОССИЙСКОЕ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены вопросы развития российского местного самоуправления и его взаимодействия с органами государственной власти в контексте конституционных изменений, которые были реализованы в 2020 г. Определены наиболее значимые этапы преобразований в российском местном самоуправлении. Обоснован вывод, что стратегическую перспективу российского самоуправления следует рассматривать прежде всего как усиление его роли в институционализации партнерства государства и гражданского общества, что наиболее точно раскрывает смысл правовой формулы о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

Вопросы развития российского местного самоуправления и его взаимодействия с органами государственной власти заняли важное место в ряду тех конституционных новаций, которые были предложены и утверждены в 2020 г. Главной целью этих новаций было повышение эффективности практики стратегического планирования, а также программно-целевых и проектных методов управления в целях решения проблем, складывающихся в регионах страны и в отдельных муниципальных образованиях.

Несмотря на явные просчеты и даже противоречия в государственной политике в отношении местного самоуправления за последние 25–30 лет, позиции местного самоуправления в экономической и социальной сфере России за указанный период существенно укрепились. Заметно расширилась институциональная картина местного самоуправления; обогатилось его содержание как института гражданского общества.

К числу наиболее значимых этапов преобразований в российском местном самоуправлении следует отнести прежде всего принятие Федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации мест-

ного самоуправления в Российской Федерации»¹. Как позитивным, так и негативным итогам реализации этого закона, а также инициированной им «муниципальной реформы» посвящено большое количество научных исследований². На основе данного закона и с учетом внесенных в него многочисленных последующих корректировок удалось сформировать достаточно мотивированный перечень полномочий по вопросам местного значения, причем дифференцированно для разных видов муниципальных образований. Стало возможным четко закрепить условия выполнения и бюджетного финансирования переданных органам местного самоуправления государственных полномочий. Законодательно была закреплена система соответствующих идее местного самоуправления форм непосредственного народовластия в виде местных референдумов, опросов, сходов граждан и пр., хотя, как показывает анализ реальной практики, использование этих форм народовластия до настоящего времени остается, по сути, минимальным³.

Однако закон существенно ограничил полномочия субъектов Федерации по формированию систем внутрирегионального управления. В результате, представленная в 131-м ФЗ система институтов местного самоуправления оказалась недостаточно экономически мотивированной и адаптированной к многообразию условий развития российских регионов. Не случайно уже в ходе реализации закона ее пришлось неоднократно изменять и дополнять. При этом инициированный 131-м ФЗ курс на умножение числа муниципалитетов разного

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.
2. См.: Уваров А.А. История развития местного самоуправления в России в постсоветский период // Местное право. 2018. № 6. С. 31–36; Васильев В.И. Местное самоуправление и Конституция Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 6 (270). С. 28–35; Жилаев А.В. Пятнадцать лет закону о местном самоуправлении: достигнуты ли цели реформы // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2019. № 3 (74). С. 33–37; и др. работы.
3. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Как усилить гражданские начала в российском местном самоуправлении? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 4. С. 118–133.

уровня за счет самой системы децентрализации местного самоуправления быстро сменился обратным трендом сокращения количества действующих муниципалитетов за счет различных вариантов их объединения, преимущественно за счет сужения поселенческого звена местного самоуправления. Был возвращен изначально упраздненный в ходе реформы (кроме городов федерального значения) институт внутригородских муниципальных образований. Позднее (в 2019 г.) также был введен в действие новый для российской практики институт муниципального округа как единого муниципального образования, которое, в отличие от городского округа, не имеет ограничений по минимальной доле городского населения.

К началу 2007 г. (завершение переходного периода в реализации муниципальной реформы) в Российской Федерации было создано 24207 муниципальных образований различного вида, а именно 1793 муниципальных районов, 520 городских округов; 236 внутригородских муниципалитетов в городах федерального значения; 1732 городских и 19919 сельских поселений. Дальнейшее изменение числа и состава муниципальных образований в Российской Федерации показано в табл. 1.

Таблица 1. Изменение числа и состава муниципальных образований в Российской Федерации в период 2010–2020 гг. (на начало года, ед.)

Виды муниципальных образований	2010	2015	2020
Городские округа (единые)	512	535	632
Городские округа с внутригородским делением	–	–	3
Внутригородские муниципальные образования (районы)	–	–	19
Внутригородские муниципальные образования в городах федерального значения	236	267	267
Муниципальные районы	1829	1823	1673
Городские поселения	1739	1644	1398
Сельские поселения	19591	18654	16821
Муниципальные округа	–	–	33
Муниципальных образований всего	23907	22923	20846

Источник: данные сборников Росстата «Местное самоуправление в Российской Федерации. www.gks.ru/compendium/document/13263.

Приведенные выше данные показывают, что с момента полномасштабной реализации муниципальной реформы Россия потеряла примерно 3,5 тыс. муниципалитетов, причем исключительно за счет поселенческого звена этой системы. Количественные потери в общем числе муниципальных образований в Российской Федерации в известной степени компенсировались расширением их качественного разнообразия. Помимо уже названного выше введения системы внутригородских муниципальных образований и муниципальных округов, институциональная картина российского местного самоуправления в последнее время пополнилась рядом специфических институций (ст. ст. 80–82 131-го ФЗ), представляющих собой не особые виды муниципальных образований, а их некоторую модификацию. В основном эта модификация была проведена путем законодательного установления особых условий деятельности муниципальных образований, находящихся в специфических условиях. Эти новации коснулись муниципальных образований в ЗАТО, в наукоградах, на приграничных территориях; в районах Крайнего Севера; на территории «Сколково», на территории ТОРов, порта Владивосток и пр. Подобное известное расширение круга институтов местного самоуправления и их модификаций, конечно, сделало эту систему более гибкой, однако о полной ее адаптации к многообразию условий развития российских регионов и отдельных территорий говорить пока не приходится. В самой ближайшей перспективе необходимо отразить в системе институтов местного самоуправления многие новые феномены территориальной организации производства и расселения (например, мегаполисы, агломерации); выявить и законодательно закрепить особенности муниципального управления в таких специфических видах поселений, как малые и моногорода, особо депрессивные поселения; внутригородские муниципальные образования и пр.

Однако главная проблема заключена в том, что в 131-м ФЗ, несмотря на многочисленные доработки, до настоящего времени остаются без ответа, т.е. без достаточной концепту-

ально-правовой проработки, многие существенные вопросы, касающиеся места и роли местного самоуправления в экономической и социально-политической системе страны. По нашему мнению, таких наиболее важных вопросов пять, и они требуют детального раскрытия при дальнейшей проработке стратегических документов по развитию российского местного самоуправления и его законодательной базы.

Во-первых, это касается некоторой неясности относительно сути и практической интерпретации разграничения полномочий Федерации и ее субъектов по регулированию различных сторон российского самоуправления (ст. ст. 71 и 72 Конституции РФ и ст.ст. 5 и 6 131-го ФЗ).

Во-вторых, ситуация известной неопределенности по-прежнему сохраняется в отношении конституционных положений о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ).

В-третьих, в концептуальном и даже в чисто процедурном плане нуждается в конкретизации конституционное положение о праве населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления (ст. 131 Конституции РФ).

В-четвертых, очевидно необходимы институциональные и правовые новации с целью разблокировать наблюдаемую ныне явную низкую востребованность различных форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления в процессе функционирования муниципалитетов всех видов, в частности, в рамках принятия жизненно важных для них решений (ст. ст. 22-31 131-го ФЗ).

Наконец, в-пятых, в последние годы обозначилась необходимость более четкого позиционирования роли органов местного самоуправления в системе («вертикали») стратегического планирования в Российской Федерации (п. 4.4. ст. 17 131-го ФЗ и глава 11 172-го ФЗ по стратегическому планированию⁴).

4. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». base.garant.ru/70684666.

Сказанное выше, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что, несмотря на целый ряд важных позитивных правовых и институциональных изменений, осуществленных в последние годы в отношении российского местного самоуправления, сохраняется необходимость как дополнительного совершенствования законодательного регулирования, так и важность формирования долговременной программы преобразований в этой сфере социально-экономических отношений. Действительно, опыт прошедших десятилетий показал, что невозможно последовательно решать проблемы российского местного самоуправления только путем правовых корректировок, вне конкретизации намечаемых в этой связи мер в разработках программно-стратегического характера.

Примером подобной программы практических действий в отношении местного самоуправления можно считать утвержденные в 1999 г. «Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации»⁵, который пока числится в базах правовой информации как действующий. Этот документ отразил в себе многие важные задачи по укреплению экономико-правовых основ местного самоуправления в стране, в т.ч. и с учетом специфики России как государства федеративного типа. Однако в целом «Основные положения...» 1999 года оказались слишком декларативны и достаточно быстро устарели. Не случайно, в процессе работы над 131-м ФЗ в начале 2000-х годов многократно высказывались предложения предварить разработку окончательной версии данного закона принятием нового стратегического документа по развитию российского местного самоуправления или, по крайней мере существенным обновлением «Основных положений...» 1999 года. Но эти предложения не были приняты,

5. Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении «Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24661.

что в итоге весьма негативно сказалось и на качестве новой законодательной базы по местному самоуправлению⁶.

В этой связи как крайне важное и актуальное видится одно из центральных предложений, сформулированных Президентом РФ В.В. Путиным на заседании Совета по развитию местного самоуправления 30 января 2020 г.⁷ Это — предложение «начать разработку проекта новых Основ государственной политики в сфере развития местного самоуправления на период до 2030 года» (далее — «Основы...»). Заседание Совета, формально посвященное роли местного самоуправления в реализации национальных проектов, на деле охватило собой очень широкий круг вопросов функционирования и дальнейшего преобразования «муниципального пространства» в Российской Федерации. Тем самым как бы были определены те основные стратегические направления, по которым должна идти работа по подготовке новых «Основ...» государственной политики в отношении местного самоуправления в стране.

Так, проблема разграничения полномочий Федерации и ее субъектов по вопросам регулирования экономико-правовых и институциональных основ местного самоуправления, по сути, иллюстрирует реальную меру федерализации одной из ключевых основ территориального управления в стране⁸. В настоящее время данный круг вопросов конституционно отнесен не к исключительным полномочиям (ведению) Российской Федерации, а к полномочиям по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, да и то в пределах «установления общих принципов организации системы органов... местного самоуправления» (п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Здесь надо заметить, что содержа-

6. См.: *Васильев В.И.* Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. 2004. № 1 (85). С. 5–14.

7. Заседание Совета по развитию местного самоуправления. kremlin.ru/events/president/news/62701.

8. *Смирнова В.В.* К вопросу о развитии правовых основ российского федерализма и проблемы управления // Административное и муниципальное право. 2014. № 11 (83). С. 1142–1153.

ние ст. 71 имеет закрытый характер, что формально говорит об отсутствии у федерального центра каких-либо исключительных полномочий по регулированию правовых, институциональных, экономических и иных основ российского местного самоуправления. Это в каком-то смысле ставит под вопрос правомерность целого ряда положений ст. 5 131-го ФЗ «Полномочия федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления».

В регулировании институциональной структуры местного самоуправления, а также порядка формирования и деятельности его органов управления необходимо более четко разграничить то, что регулируется федеральными законами и что — законами субъектов Федерации. Как мы полагаем, возможности субъектов Федерации в этом направлении могут быть существенно расширены, но в целом (чтобы не повторять ошибок, допущенных в 1990-е годы) должны быть отрегулированы таким образом, чтобы права населения на местное самоуправление никоим образом нигде не ущемлялись.

Надо отметить, что конституционные реформы 2020 года затронули и те статьи Конституции РФ, которые регулируют основы российского самоуправления и характер его взаимодействия с органами государственной власти федерального и регионального уровня⁹. Это касается двух статей Конституции 1993 г., входящих в Главу 8 «Местное самоуправление». Что конкретно подверглось изменению? Наибольшее внимания здесь заслуживает внесение п. 3 в ст. 132, где (дополнительно к названному выше принципу «невхождения») теперь указывается: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Примерно в том же ракурсе

9. См.: Конституция РФ (новая редакция). gosuslugi-online.ru/novaya-konstitucziya-rf-2020.

смотрятся и дополнения к ст. 133, где закрепляется право органов самоуправления на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций и полномочий, имеющих государственное значение.

В результате, в Основном законе формально ныне обозначаются два тезиса, фактически регулирующих одну и ту же систему отношений: органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но при этом органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие. Эти два тезиса не находятся в существенном противоречии и скорее всего подразумевают определенный баланс между самостоятельностью органов местного самоуправления и их обязанностью тем или иным образом взаимодействовать с органами государственной власти — как федерального, так и регионального уровня.

Собственно, в самом тезисе о подобном взаимодействии нет ничего нового. Подобное взаимодействие активно происходит и в настоящее время в самых различных формах: от масштабного государственного участия в наполнении местных бюджетов до прямого государственного контроля за «эффективностью» деятельности местных администраций. В настоящее время это контроль на основе соответствующего Указа Президента РФ¹⁰. Что касается финансово-бюджетной сферы, то здесь характер взаимодействия государства и муниципалитетов на данный момент таков, что вообще ставит под сомнение реальную независимость последних. Согласно последним по времени оценкам Минфина РФ (за 2019 г.), доля муниципалитетов (местных бюджетов), не получавших дотаций, в т.ч. замененные допол-

10. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 (в редакции от 09.05.2018 г.) «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576.

нительными нормативами налоговых отчислений, составляла всего 4,6% от их общего числа¹¹.

Долговременно сложившимся каналом взаимодействия органов государственного и муниципального управления остается также практика передачи на муниципальный уровень государственных полномочий. Такое делегирование преимущественно осуществляется на уровень муниципальных районов и городских округов. Расходы муниципалитетов по финансированию этих полномочий покрываются субвенциями, размер которых в 2019 г. составил 1 546 млрд руб.

Определяя в новых «Основах...» ключевые направления развития местного самоуправления и его взаимодействия с государственными структурами, не следует забывать, что всякое самоуправление одновременно сочетает в себе начала публичной власти и гражданского общества и как бы одним боком опирается на государство, а другим – на инициативу и ответственность населения. Соответственно, усиление акцента на меры государственного регулирования и контроля за деятельностью органов местного самоуправления должно балансироваться развитием в последнем всех присущих ему начал гражданского общества. Нарушение этого баланса в пользу сути местного самоуправления как института публичной власти рано или поздно превращает его в ординарный элемент системы государственного территориального управления или просто в приращение государственных структур управления на местах. В этой связи в новых «Основах...» наряду с разделом «Взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти» обязательно должен присутствовать и раздел «Развитие в местном самоуправлении начал гражданского общества».

11. Минфин РФ. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2019 год. www.minfin.ru/ru/performance/regionsresults/Monitoring_local/results/?id_57=130321.

В частности, в «Основах...» необходимо конкретизировать то, что конкретно в системе институтов и органов местного самоуправления «определяется населением самостоятельно» и, главное, каким именно образом. При этом в практической реализации этой конституционной формулы принципиально важно максимально расширить (с учетом специфики конкретных видов муниципальных образований) применение непосредственных форм народовластия (например, местных референдумов) и сократить круг ситуаций, когда предусмотренное по закону «мнение населения» выражается в итоге не им самим, а через решения представительных органов местной власти.

Целесообразно адресно рекомендовать те из установленных 131-м ФЗ непосредственных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления (сходы и опросы граждан, публичные слушания, общественные обсуждения; местные референдумы), которые могут быть наиболее продуктивно использованы в деятельности тех или иных видов муниципальных образований. Например, это возможно установить в зависимости от численности проживающих в них граждан. Кроме того, учитывая сложившуюся в настоящее время недостаточную распространенность гражданских инициатив и форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, было бы разумно закрепить в законе и развернуть в «Основах...» принцип обязательности использования тех или иных непосредственных форм народовластия при решении наиболее значимых вопросов экономического, институционального и иного характера, относящихся к данному муниципальному образованию. Сейчас, например, согласно п.п. 2 и 2.1 ч. 3 ст. 28 п. 131-го ФЗ на публичные слушания должны выноситься проект местного бюджета и отчет о его исполнении, а также проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

Наконец, как было отмечено выше, в последние годы обозначилась важность более четкого определения места

и роли органов местного самоуправления в единой вертикали стратегического планирования в Российской Федерации¹². Как известно, при разработке вариантов 172-го ФЗ на стадии законопроекта речь в документе шла о «государственном» стратегическом планировании. Отдельные положения, касающиеся практики муниципального стратегирования, были включены в законопроект лишь на заключительной стадии его подготовки.

Однако на деле обращение 172-го ФЗ к практике муниципального стратегирования оказалось достаточно неопределенным, т.е. опциональным, а не обязательственным. Закон определяет полномочия органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования, а также фиксирует три основных направления (блока документов) такого стратегирования: стратегия социально-экономического развития и план мероприятий по ее реализации; прогноз социально-экономического развития и бюджетный прогноз, а также муниципальные программы. Однако эти четкие позиции определенным образом дезавуируются п. 2, ст. 39 ФЗ № 172, где говорится, что стратегии социально-экономического развития по решению органов местного самоуправления лишь могут, а не должны утверждаться (одобряться) и реализовываться.

Следует также отметить, что первоначально это право делегировалось только муниципальным районам и городским округам, но позднее это ограничение было снято. Формально поселенческие муниципалитеты также вошли в круг потенциальных участников стратегического планирования, хотя в большинстве случаев их экономические, кадровые и информационные ресурсы едва ли соответствуют такой масштабной задаче в полном объеме.

12. Горб В.Г. Методологические аспекты разработки стратегии социально-экономического развития муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. №1 (22). С. 5–11; Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Муниципальные стратегии в России: новые условия и новые задачи // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 1. С. 26-37.

Лишь в 2017 г. положения 172-го ФЗ нашли отражение в законодательстве о местном самоуправлении. В 131-й ФЗ в ст. 17 «Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения» был внесен п. 4, фиксирующий, что органы местного самоуправления обладают полномочиями в сфере стратегического планирования, предусмотренными 172-го ФЗ «О стратегическом планировании...». Однако никакой конкретизации форм и процедур стратегического планирования в муниципальном звене управления при этом обозначено не было. Задача подобной конкретизации явно должна быть возложена на новые «Основы...» в виде раздела «Стратегическое планирование в системе муниципального управления».

Так, по нашему мнению, федеральным законодательством принцип обязательности стратегического планирования должен быть распространен на городские округа (с внутригородскими муниципальными образованиями и без них); на муниципальные районы и муниципальные округа; на малые и моногорода — получатели тех или иных форм государственной поддержки, на муниципальные образования — федеральные наукограды, на муниципальные образования, где локализуются те или иные федеральные институты развития (ОЭЗ, ТОСЭР, Свободные порты) и пр. Специфика практики муниципального стратегического планирования должна быть определена и для такого феномена территориального развития, как агломерационные образования. В орбиту стратегического планирования должны быть включены и все более активно развивающиеся процессы межмуниципального сотрудничества и интеграции. Однако при этом необходимо обратить внимание на важность подкрепить обязательность муниципального стратегического планирования оказанием помощи органам местного самоуправления со стороны субъектов Федерации — помощи финансовой, методической, информационной, кадровой и иной.

Заключение

Как уже неоднократно отмечалось в нашей научной литературе, одним из слабых мест в той модели стратегического планирования, которая закреплена в 172-м ФЗ 2014 г., является отсутствие должного внимания к проблематике «институционального стратегирования»¹³. Под таковым понимается долгосрочное предвидение и целевое формирование тех институтов, которые должны обеспечить реализацию всех целей стратегического планирования. Тем не менее, с учетом осуществляемого в настоящее время перехода к практике социально-экономического стратегирования, новые «Основы...» государственной политики в сфере местного самоуправления должны сформировать стратегию государства в этой сфере. При этом востребованным является документ, тесно взаимосвязанный со всеми иными слагаемыми системы стратегического планирования, и прежде всего со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹⁴.

Можно утверждать, что новации, реализованные в ходе конституционной реформы 2020 г., не закроют все проблемы, связанные с совершенствованием системы государственного и муниципального управления в стране. Но они, несомненно, сформируют вектор для дальнейшей работы в этом направлении, в частности, путем тщательной подготовки документов, отражающих стратегическое видение перспектив российского местного самоуправления и пути решения еще сохраняющихся здесь проблем. Стратегическую перспективу российского самоуправления следует рассматривать прежде всего в контексте усиления его роли как институционализации партнерства государства и гражданского общества, т.е. роли, наиболее точно раскрывающей смысл правовой формулы о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Формирование рассмотрен-

13. См.: Бухвальд Е.М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 2 (42). С. 121–136.

14. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года». government.ru/docs/35733.

ного выше баланса публично-правового и гражданского начал в институциональной природе российского местного самоуправления составляет одну из принципиальных установок, которые должны определять ключевые положения новых «Основ...» для данного направления государственной политики.

В итоге «Основы...» должны обеспечить активную роль институтов местного самоуправления в повышении результативности общей макроэкономической, инновационной и инвестиционной политики страны, в реализации национальных проектов, а также в поддержке таких новаций политики пространственного регулирования, как различные «точки роста», территории с особыми условиями хозяйствования, малые и моногорода России и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухвальд Е.М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 2 (42).
2. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Как усилить гражданские начала в российском местном самоуправлении? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 4.
3. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Муниципальные стратегии в России: новые условия и новые задачи // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 1.
4. Васильев В.И. Местное самоуправление и Конституция Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 6 (270).
5. Васильев В.И. Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. 2004. № 1 (85).
6. Горб В.Г. Методологические аспекты разработки стратегии социально-экономического развития муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. №1 (22).
7. Жиляев А.В. Пятнадцать лет закону о местном самоуправлении: достигнуты ли цели реформы // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2019. № 3 (74).
8. Смирнова В.В. К вопросу о развитии правовых основ российского федерализма и проблемы управления // Административное и муниципальное право. 2014. № 11 (83).
9. Уваров А.А. История развития местного самоуправления в России в постсоветский период // Местное право. 2018. № 6.

Раздел III

ГОРОД И СЕЛО:
ДИХОТОМИЯ
ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ

М.И. Воейков

д.э.н., профессор, зав. сектором ФГБУН
Институт экономики РАН

ГОРОД И СЕЛО: ГДЕ ЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ. ПАРАДИГМА Л.В. НИКИФОРОВА

В статье рассматриваются проблемы жизни человека в городе и в селе, что можно назвать парадигмой Л.В. Никифорова. Показывается, что большой город есть признак индустриальной эпохи, развития промышленности, создания современной культуры. Но сегодня большой город уже не может удовлетворять здоровые жизненные потребности человека. Современный человек стремится жить ближе к природе, где есть чистый воздух и нет чрезмерной скученности людей. Сегодня говорят о постиндустриальной эпохе, где изменяется значение больших городов. В этой связи требуется пересмотреть категории экономической теории, которая построена на отраслевом подходе. Человек живет не в отрасли, а на территории, в пространстве. Поэтому в экономической теории должен возобладать пространственный подход, где в центре находится не производство, а человек.

Города стали доминировать в европейской экономике с началом развития промышленности и капитализма. Более того, можно сказать, что капитализм подарил человечеству большой город. Концентрация людей на небольшой территории позволяла создавать центры культуры, науки, образования. Но, главное, это было удобно и эффективно для развития крупной промышленности. Это был большой шаг в прогрессе человечества к современности. Особое значение урбанизация имела и для России. Хотя Россия в этом отношении отставала от Европы, как минимум, на два века. Только после индустриализации 1930-х гг. в России стали расти города, и лишь к середине 1950-х гг. городское население превысило сельское. Люди радовались тому, что они живут не в глухой деревне, а в большом городе, где есть все возможности получить хорошую работу, образование, медицинское обслуживание, культурный досуг. Скажем, организовать в деревне парк культуры и отдыха с аттракционами и зеленым театром

невозможно и бессмысленно. Да и в бытовом смысле в городе было жить комфортней и проще. Но то была индустриальная эпоха, которая, по многим признакам, куда-то уходит. Ныне модно говорить о постиндустриальном обществе, следовательно, меняется и сама экономика.

Как известно, термин «экономика» восходит к античным временам (от греческого *oikonomiké*), под которым понимали искусство управления домашним хозяйством. Т.е. экономика в нашем устоявшемся понимании — это народное хозяйство, или хозяйственный строй общества. И в нашей отечественной литературе утвердилось понимание экономики как хозяйства. Однако мир меняется. Под термином «экономика» в современных учебниках понимается рыночная экономика, т.е. максимизация прибыльности и минимизация издержек производства при ограниченности ресурсов. И важным элементом современного понимания экономики является рыночная конкуренция. В центре экономики находится производство материальных благ и услуг. Итак, главное для экономики — производство.

В настоящее время происходит развитие более сложного производства и усложнения технологий, переход к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества. Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, а современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали еще советские экономисты, стало сегодня очевидным и совершенно бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые сегодня приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть

частной, «для себя», она всегда носит общественный характер. Таким образом, меняется и понимание самой экономики¹.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование), что бы ни говорили по этому вопросу либеральные экономисты. Иногда из их уст можно услышать странные словосочетания, типа «рынок образовательных услуг». Но народное образование это не коммерческая сделка и университет не питейное заведение и рыночной конкуренции среди университетов быть не может. Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Подробнее это рассматривается в работе². Таким образом, государство в конце концов подминает рынок, замещает его. Но экономические процедуры остаются, даже расширяются. Государство мало интересуется прибылью индивидуальных производителей, цели государства значительно шире и сложнее. Но экономить усилия, средства и в целом время государство также должно. В этом и состоит новое качество экономики и новое ее понимание.

Обычно в научном анализе общества и общественного устройства выделяют несколько сфер. Прежде всего это, конечно, производственная сфера. В классической марксист-

-
1. Воейков М.И. Государство, технологическая революция и новая экономика // Экономическое возрождение России. № 2. 2019. С 104–114.
 2. Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс. М.: ИЭ РАН, 2018.

ской парадигме экономическая сфера принималась за базис общественного устройства, который порождал соответствующую надстройку. В этих условиях было естественным культуру рассматривать вообще за рамками экономики, а образование вводить в экономическую систему общества как сферу подготовки квалифицированных кадров для производства материальных продуктов. В начале индустриальной эпохи человек рассматривался как придаток машинного производства и должен был иметь соответствующую специальность и квалификацию. И это было понятно и оправдано для условий развития материального производства и необходимости насыщения общества материальными благами. Но с приходом новых технологий, индивидуализации производства, так называемого, «удаленного» стиля работы многое меняется. Человек перестает быть винтиком производственного процесса, он начинает больше заботиться о себе и своей здоровой и благополучной жизни. И это тоже экономика, но уже новая.

Таким образом, понимание экономики стало шире, оно теперь не сводится только к материальному производству и большим промышленным предприятиям. В центр новой экономики становится не производство, индустрия, а человек со всеми его потребностями и особенностями здоровой и благополучной жизни. В этих условиях большой город как символ индустриальной эпохи (и можно добавить, как символ успешного капитализма) уходит в прошлое. Уже в XX в. во многих европейских странах рост больших городов замедлился или приостановился. Новые технологии позволяют работать удаленно, транспортное сообщение и современные коммуникации дают возможность жить за пределами большого города. Тем более, что скученность большого числа людей в городе уже не есть лучшая форма жизни человека.

Сегодня проблема города и села обострилась очень сильно. Действительно: где же жить человеку? Приведем самый актуальный пример. Возьмем некоторые данные 2020 г. о пандемии коронавируса по Москве и Московской области. Так, по данным на конец мая 2020 г. в Москве заболело коронави

русом 166473 человек, что составляет примерно 13 человек на тысячу жителей Москвы. В Московской области заболело 31 807 человек, что составляет примерно 4 человека на тысячу жителей области, т.е. более чем в 3 раза меньше, чем в городе. Это объясняется тем, что плотность населения в Москве 4883 человек на 1 км², а в области — 171 человек на 1 км². Вот и судите — где жить лучше и безопасней!

1

Теперь немного из личных воспоминаний. В 1969 г., когда я перешел на работу в Институт экономики АН СССР и оказался в секторе «Общих проблем политической экономии социализма», которым руководил Я.А. Кронрод, я встретил там умнейшего и очень авторитетного человека — Льва Васильевича Никифорова. Никифорову тогда было 35 лет, но он уже был секретарем партийной организации всего Института, а в 1971 г., когда ЦК КПСС устроил погром в Институте экономики АН СССР, получил партийный выговор.

Я вспомнил Л.В. Никифорова потому, что он, будучи в секторе, занимающемся проблемами политической экономии, работал над темой интеграции города и села. И вот я все думал: как же такой человек занимается какой-то ерундовой проблемой — город и село. Для меня это была пустяковая тема, ибо мне тогда было ясно, что село — это отживший элемент общественного прогресса, индустриализация и урбанизация убивают село. И вообще прогресс — это крупный город, промышленность, наука, университеты и пр. Разве мыслимо какой-нибудь университет разместить в далеком русском селе. Это же медвежий угол! Так я тогда думал, а Никифоров, видимо, думал иначе.

Конечно, Никифоров не выступал за сохранение допотопного русского села в нетронутом виде. Он писал об интеграции села в современность, создании в селе нормальной инфраструктуры, наконец, об интеграции села и города. Но мне тогда казалось все это пустым и ненужным делом. Мне

представлялось, что село должно уйти в прошлое и уступить место городу, сельскохозяйственное производство должно быть индустриализовано наподобие промышленности. Ведь есть гидропоника и прочие штучки, которые сделают сельскохозяйственное производство простым и легким, а крупные агрохозяйства (агрофирмы) наподобие крупного машиностроительного завода займутся массовым производством огурцов и прочих продуктов питания. Вообще-то такой настрой тогда был у многих, и это было почти официальной советской установкой. Ведь писали же тогда о «превращении аграрного труда в разновидность индустриального». Поэтому на фоне индустриальной эпохи проблема, которой занимался Никифоров, казалась мне мелкой, мало интересной и неперспективной. И это как-то не соответствовало масштабам фигуры Никифорова, его уму и авторитету, что создавало какой-то диссонанс в моем восприятии сектора Я.А. Кронрода, который тогда считался одним из самых авторитетных политэкономических центров страны. Не зря же ЦК КПСС в декабре 1971 г. его и разгромило. Как вспоминал сам Никифоров, «в аппарате ЦК КПСС посоветовали партийной организации Института экономики АН СССР развернуть и возглавить критику ошибочных положений Я.А. Кронрода. Однако «спец»-критика развернута не была, шла обычная научная полемика. «Критика» в полном объеме прозвучала при обсуждении работы Института экономики в ЦК КПСС... Персонально главным объектом разносной критики стал Я.А. Кронрод. «В русском языке оказалось мало падежей, чтобы «от души» просклонять эту фамилию»³. Вот что значит быть политэкономом в России. Видно, опасная была наука — политическая экономия. Она и сегодня опасная, новые российские власти ее отменили. И ведь Никифоров был не какой-то узкий сельскохозяйственник, аграрный активист, а политэконом. На одной из дискуссий уже в наше время

3. Никифоров Л.В. Введение // Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода: к 100-летию со дня рождения / Сост. Т.Е. Кузнецова. СПб: Нестор-История. 2012. С. 12–13.

он говорил: «Попытка растворения политической экономии в экономической теории совершенно не продуктивна. Это значит, действительно, отказываться не просто от мировоззренческой, но и от социальной составляющей экономической науки, во-первых. Во-вторых, политическая экономия должна быть именно политической экономией. Эта наука, синтезирующая экономические и политические начала, ибо то и другое неразрывно, нельзя отделить одно от другого»⁴. Поэтому в его трактовке проблемы города и села был заложен глубокий политэкономический смысл, который не сводился к конкретным технико-экономическим мероприятиям в аграрной сфере. И только сегодня я стал понимать глубинный смысл и суть позиции Никифорова.

2

Конечно, мой скептический настрой по поводу проблемы город-село был не на пустом месте. Так нас учили и воспитывали. Вот что, например, писали в одном из лучших учебников политической экономии того времени. «Одна из характерных особенностей социализма, как неполного коммунизма, заключается в сохранении перешедшей от капитализма существенной разницы между процессом труда в промышленности и процессом труда в сельском хозяйстве»⁵. Т.е. разница между промышленным и сельским трудом определялась не природой и солнцем, а капитализмом и коммунизмом. Это, видимо, надо понимать так, что при коммунизме сельского труда не будет. И это все зависит от развития технического прогресса. Читаем дальше этот же учебник: «В основе процесса превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального лежит развитие материально-технической базы общества»⁶. И наконец: «Преобразование

-
4. Никифоров Л.В. Выступление // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М.: Институт экономики РАН. 2000. С.92.
 5. Цаголов Н.А. (ред.) Курс политической экономии. Т. II. Социализм. М.: Экономика. 1970. С. 165.
 6. Там же. С. 166.

материально-технической базы сельского хозяйства, развитие науки приведут к тому, что сельское хозяйство будет давать необходимое обществу количество продукции независимо от капризов природы»⁷. И так, получается — сельское хозяйство надо превратить в разновидность промышленного, и я был с этим полностью согласен. Но сегодня я думаю, что это глупость, да еще и вредная глупость. Например, в прошлом году СМИ сообщали, что тем летом в России наблюдалась массовая гибель пчел. А какая материально-техническая база будет вместо пчел приносить человечеству мед?

У Никифорова была принципиально иная позиция. Он, конечно, не отрицал пользы развития материально-технической базы сельскохозяйственного производства, но он писал об интеграции, взаимном обогащении труда сельского и промышленного. И при этом он не считал возможным сельский труд сделать промышленным. Никифоров исходил из того, что сельскохозяйственное производство имеет объективные, естественные особенности и отличия от промышленного производства, что крупное производство в сельском хозяйстве не может быть господствующим, а это противоречило тогдашней марксистской догме о концентрации производства везде и всюду.

По марксизму, с развитием капитализма осуществляется концентрация производства и укрупнение производственных единиц. Это объективный процесс, который подводит материальную базу для перерождения капиталистических отношений. В.И. Ленин и другие советские марксисты считали, что и в аграрной сфере должен идти процесс концентрации производства наподобие промышленности. Постепенно и в аграрной сфере крупные предприятия вытеснят или подчинят себе мелкие и большинство занятых в сельскохозяйственном производстве станут такими же пролетариями, как рабочие промышленности. Так, В.И. Ленин писал: «Мы не будем распространяться о том, какую гигантскую победу

7. Там же. С. 167.

крупного производства будет означать (отчасти означает уже) введение электротехники в земледелие, — это обстоятельство слишком очевидно, чтобы на нем настаивать»⁸.

Иную точку зрения высказали многие видные российские экономисты, примыкавшие к течению легального марксизма (С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский и др.). В частности, М.И. Туган-Барановский писал, что благодаря «специфическим особенностям сельского хозяйства, крупное капиталистическое производство в сельском хозяйстве не представляет таких решительных выгод сравнительно с мелким, как в промышленности»⁹. Но более обстоятельно и глубоко этот вопрос разъяснял А.В. Чаянов. Он писал, что в «земледелии количественное выражение преимущества крупного хозяйства над мелким незначительно». И дальше: «Сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия»¹⁰. «Что представляет из себя сельское хозяйство. В своей основе — это использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну, он может только улавливать их зеленым хлорофиллом своих посевов на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неотъемлемо связано с пространством, и чем крупнее сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя произвести»¹¹. Очень мудрые слова. Вот именно пространство, это ключевое понятие. Между прочем, и человеку нужны солнечные лучи для здоровья, а в большом городе из-за загрязнения воз-

8. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1960. С. 139.

9. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Петроград, 1915. С. 217.

10. Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? // АПК: экономика, управление, 1998, № 2–5. С. 70–71.

11. Там же. С. 70.

духа всякими грязными выбросами полезный эффект солнца существенно снижается.

Как уже говорилось, советские марксисты, вслед за Лениным, считали необходимым сельский труд превратить в промышленный, а сельскохозяйственное производство в разновидность промышленного. Никифоров держался иной точки зрения, более близкой к еще дореволюционным легальным марксистам. Вообще, некоторые советские политэкономы были скорее похожи на русских легальных марксистов, у них было очень мало общего с официальным советским марксизмом, где надо было аккуратно цитировать партийные документы и выше сидящих начальников. Но таких политэкономов тогда было не так уж много.

3

Итак, о чем же писал и что предлагал Никифоров? Он считал, что город и село это две разные сферы общественного производства и человеческой жизни. Даже внедрение машин и прочей техники (электротехники, по Ленину) в сельскохозяйственное производство не превращает это производство в промышленное, и концентрация производства на селе очень ограничена и условна. Село остается селом. Вот его слова: «Дело в том, что фермерский тип хозяйства обеспечивает сохранение прямой связи работника с землей и на этой основе возможности достаточно рационального использования в производстве пространственных свойств земли и других природных факторов при одновременном учете специфики каждого конкретного земельного участка»¹². Отметим здесь слова «пространственных свойств». И дальше: «В целом общность индустриального характера производительных сил не устраняет их разделения на два основных типа по критерию

12. Никифоров А.В. Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия). М.: Наука, 1988. С. 26.

роли в них живой природы. Соответственно сохраняются и основы города и села»¹³.

При этом Никифоров считал обязательным интеграцию города и села и «становление социально-экономической системы «город—село» на базе использования и усиления и взаимной компенсации позитивных черт того и другого»¹⁴. И в советское время в этих положениях ничего крамольного не просматривалось. Но все же упор Никифоров делал не там, где его делали советские авторитеты. Никифоров выступал за сохранение села, конечно, в преобразованном и благоустроенном виде. К сожалению, нынешние российские села, да и малые города, находятся в полном упадке. Как пишет М.Я. Лемешев, «идет уничтожение российского трудового крестьянства. Разрушено 28 тыс. сел и деревень, а там, где еще теплится жизнь, уничтожаются школы, больницы, библиотеки, дома культуры, клубы и другие жизненно важные объекты. Заброшено 42 млн га плодородных, ранее обрабатываемых земель. Дефицит отечественной сельскохозяйственной и пищевой продукции возмещается массовым импортом низкокачественного, а нередко и вредного продовольствия»¹⁵. А вот наблюдение другого исследователя этих проблем: «Только за 1991–1995 гг. объемы строительства на селе жилья, детских дошкольных, клубных учреждений, больниц, общеобразовательных школ сократились по сравнению с предшествующим пятилетием в 3–4 раза. В 1994 г. объем реализации бытовых услуг в сельской местности в сопоставимых ценах составил только 6% к уровню 1990 г. Сеть предприятий бытового обслуживания на селе была почти полностью разрушена»¹⁶.

13. Там же.

14. Там же. С. 81.

15. Лемешев М.Я. Образ будущего российского села // Экономическая наука современной России, 2015, № 4(71). С. 84.

16. Романченко В.Я. Социально-бытовое обеспечение сельских тружеников в условиях советских и рыночных реформ (1960-е – 2010-е гг. Опыт и уроки) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. статей / Науч. ред. А.И. Шевельков. Коломна: «МГОСГИ», 2011. С. 607.

Но село все же — это не город. Сегодня парадигма «город—село» наполняется новым содержанием. Речь идет не только и не столько о производстве, сколько о том, где жить человеку.

4

Живя сегодня в большом городе (например, Москве), видишь, что сегодня он уже мало приспособлен для спокойной и благополучной жизни. Куча машин, толпы людей и толкотня, отравленный воздух, шум и гул, громадные расстояния, транспортная усталость, нервозность, грязь и мусор — все это сваливается на человека, который под конец рабочего дня, приползая домой, печально думает, что на завтра его ждет такая же круговерть. Приведем слова В.И. Ленина на этот счет: «В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, кто могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой»¹⁷. И вот слова самого Ф. Энгельса: «Уже в самой уличной толкотне есть что-то отвратительное, что-то противное природе человека... Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются на небольшом пространстве»¹⁸. Приведем и современное наблюдение одного американского журналиста: «Охваченные кризисом американские города, откуда в страхе бежит все больше и больше людей, бросают социальной системе этой страны суровое обвинение в бесчеловечности и обструкционизме»¹⁹. И, наконец, процитируем современное мнение социолога о городе: «Большинство кон-

17. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1960. С. 151.

18. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 263–264.

19. Дэвидов М. Города без кризисов. М.: Прогресс, 1978. С. 35

тактов между горожанами преходящи, носят поверхностный характер и скорее являются средством достижения других целей, а не настоящими взаимоотношениями, приносящими удовлетворение сами по себе»²⁰. Более того, сегодня психологи среди новейших концепций «болезней цивилизации» указывают на так называемую «урбанизационную травму». Она заключается в изменении «психического скелета» современного человека «влиянием на организм самих условий жизни в мегаполисе, которые характеризуют ускоренный ритм жизни, мощные информационные потоки, атмосферное, электронное и шумовое загрязнение среды обитания, сочетающееся с хронической гиподинамией»²¹. Надо сказать, что и Никифоров все это прекрасно понимал. Еще в 1976 г. он писал: «Город отличают также худшие экологические условия и перенаселенность, явившиеся следствием системы разделения производственных функций между городом и деревней и недостаточного развития системы связей между ними»²².

Сегодня в России та же печальная картина. По имеющимся данным, например, в Москве в год выбрасывается вредных веществ 995 тыс. тонн, из которых на автомобили приходится более 90% выбросов²³. На одном из заседаний в Вольном экономическом обществе России академик РАН Л.И. Абалкин сказал: «Чтобы вырос здоровый ребенок, он не должен дышать тем воздухом, который есть в Москве»²⁴ [1, с. 192]. Таким образом, совсем иное дело жизнь в благоустроенной сельской местности, где все тихо и спокойно, и недалеко есть вся инфраструктура. И вот вспоминаются гениальные строки А.С. Пушкина из «Евгения Онегина»:

20. Гидденс Э. Социология. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 500.

21. Андреев И., Назарова Л. Электронная западня // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 133.

22. Никифоров Л.В. Проблема преодоления социально-экономических различия между городом и деревней на современном этапе. Гл. 1 // Проблема преодоления социально-экономических различия между городом и деревней. М.: Наука, 1976. С. 19.

23. Будущее России. Национальные проекты. futureussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/zagraznenie-vozduha-v-moskve-i-podmoskove-ot-avtotransporta-snizilos-pochti-na-100-tysac-tonn.

24. Абалкин Л. Размышления о будущем России. М.: Институт экономики РАН, 2009. С. 192.

Я наслаждаюсь дуновением
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!

Тогда и начинаешь понимать глубинный смысл парадигмы Л.В. Никифорова «город—село». Конечно, переезжать в глухое село из современного города наивно и нереально. Другое дело так называемые малые города, где органически сочетается преимущества городской инфраструктуры и спокойствие сельской жизни на природе. Приведем здесь мнение М.Я. Лемешева: «Образ жизни народа, проживающего в малых городах и сельских поселениях, определяется непосредственной связью с Природой, Землей и Солнцем. Именно эта вековая связь определяет весь комплекс производственных, экономических, социальных и культурно-бытовых факторов, на которых держится Государство Российское»²⁵. И совсем не случайно, что в конце своей научной деятельности Никифоров стал активно заниматься проблематикой малых городов России. Именно в них, в малых городах и заключается спасение людей современной России. Так, Никифоров считал: «Малые города выполняют функции, необходимые для обеспечения жизнедеятельности, жизнеустройства и осуществления общественных взаимосвязей людей, которые не могут быть выполнены другими типами поселений. Поэтому без малых городов или при неблагоприятии их положения система общественных взаимосвязей неизбежно окажется нарушенной, со всеми вытекающими негативными экономическими, социальными, этнонациональными и иными последствиями. Такой важнейшей, органично присущей малым городам функцией является обеспечение освоения, организации и поддержание целостности национального пространственного, в том числе поселенческого потенциала»²⁶.

25. Лемешев М.Я. Образ будущего российского села // Экономическая наука современной России, 2015. № 4(71). С. 85.

26. Никифоров Л.В. Выступление. // Труды ВЭО России. Т. 104. М.: ВЭО, 2008. № 5. С. 20.

Однако экономические реформы 1990-х гг. губительным образом сказались не только на развале отечественного производства, но привели вообще к негативным процессам в размещении людей по территории страны. Среди специалистов уже общепринятой стала такая оценка: «Лишенные современного развития, малые города перестают должным образом выполнять функции обслуживания и организации окружающей их территории. В целом же сохранение подобной ситуации ведет к снижению степени экономической освоенности многих регионов, к запустению территории страны»²⁷.

5

И последнее. Сейчас мне придется сделать вывод, который мало кто делал, но размышления на тему «город—село» подводят именно к нему. Известно, что Никифоров со своими сотрудниками в последнее время занимался проблемой пространственного потенциала страны. Их разработки исходят из того, что проблема развития пространственного потенциала «является решающей для обеспечения комплексной реализации всех ресурсных, природных, экологических, национальных, социальных, экономических и других возможностей развития России, гарантирующих ее целостность и историческое будущее. В пространственном потенциале по существу синтезируются все составляющие совокупного потенциала страны»²⁸.

И этот поворот, или разворот, от проблемы «город—село» к проблеме пространства очень важен. Как-то Олег Пчелинцев сказал, что человек живет не в отрасли, а на территории, в пространстве и новые формы расселения должны обеспечивать «практический переход от большого города

27. Шульгин П. Культурное наследие как ресурс (новые тенденции в развитии малых городов России) // Мир перемен, 2009. № 2. С. 166.

28. Кузнецова Т.Е., Никулин А.М. Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности. (К 80-летию Льва Васильевича Никифорова). М.: ИЭ РАН, 2014. С. 28.

к равномерному размещению производства и населения»²⁹. И если мы думаем о человеке и человечестве, а именно это является целью экономической науки, то должны от отраслевого подхода переходить к пространственному.

До сих пор вся экономическая теория построена на отраслевом подходе. И это понятно. Ведь зарождение экономической науки связано с зарождением капитализма, рыночной экономики, индустриализацией и урбанизацией. И здесь естественно господство отраслевого подхода, и почти все категории экономической науки связаны именно с этим подходом. Даже региональная экономика чаще всего связана с конкретными отраслями, которые развиваются или которые надо развивать в конкретных регионах. Но человек живет не в отрасли, а на земле, в пространстве. И благополучная жизнь людей зависит прежде всего от нормализации этого пространства.

Обратимся опять к текстам Никифорова. Говоря о проблемах современной России, Никифоров выделяет центральное звено, опираясь на которое можно будет выстраивать развернутую систему ориентиров и приоритетов развития страны. И таким звеном «являются освоение, организация и использование пространственно-территориального потенциала страны»³⁰. И это закономерный вывод из основных проблем, в которые уперлась индустриальная эпоха: город и село, аграрная сфера, малые города, районы и т.д. Таким образом, Никифоров, занимаясь политической экономией и обходя проблему «диалектики основного и исходного отношения социализма», по сути дела разрабатывал новое направление: политическую экономию пространства. Но этот вывод подводит к заключению, что современная экономическая

29. Пчелинцев О. К вопросу о социально-экономическом механизме преодоления различий между городом и деревней // Всесоюзная научная конференция «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней». Тезисы выступлений. Вып. IV. М.: ИЭ АН СССР, 1976. С. 487.

30. Никифоров Л.В. Социально-экономические системы и инновационный тип развития // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 286.

теория требует кардинальной перестройки или достройки. Высокие темпы экономического роста, высокая зарплата, устойчивый рубль и прочие категории экономических учебников еще не делают человека счастливым. Это все отраслевые категории. Они не отвечают на вопрос: где и как человеку жить? А живет-то человек на территории, в пространстве.

Пространственная экономика делает еще первые шаги в завоевании своего места в экономической науке. Так, академик РАН П.А. Минакир признает: «Общая проблема заключается в том, что пространственная экономика до настоящего времени не в состоянии сформулировать основную гипотезу — что такое экономическое пространство как предмет исследования и как объект экономической политики»³¹. Думается, что пространственная экономика не в состоянии определиться со своим предметом потому, что она по-прежнему в свою основу берет отраслевой подход: где и что производить. А надо бы в центр поставить проблему: где и как жить человеку. Капитализм создал индустрию и современный технологический мир, где человек уже задыхается. Посткапитализм (можно назвать это общество социализмом) должен создать условия не только для производства, но, главное, для здоровой, благополучной и благоустроенной жизни людей. Таким образом, от отраслевого подхода в экономической науке надо переходить к пространственному, который в центр поставит человека и его жизнь.

31. Минакир П.А. Пространственный анализ в экономике // Журнал НЭА. № 1(17). 2013. С. 177.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.* Размышления о будущем России. М.: Институт экономики РАН. 2009.
2. *Андреев И., Назарова Л.* Электронная западня // Свободная мысль. 2014. № 1.
3. *Воейков М.И.* Государство, технологическая революция и новая экономика // Экономическое возрождение России. 2019. № 2.
4. *Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс. М.: ИЭ РАН, 2018.
5. *Гидденс Э.* Социология. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС. 2005.
6. *Дэвидов М.* Города без кризисов. М.: Прогресс. 1978.
7. *Кузнецова Т.Е., Никулин А.М.* Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности. (К 80-летию Льва Васильевича Никифорова). М.: ИЭ РАН. 2014.
8. Курс политической экономии. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Экономика. 1970. С. 165.
9. *Лемешев М.Я.* Образ будущего российского села // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71)
10. *Ленин В.И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Госполитиздат. 1960.
11. *Минакир П.А.* Пространственный анализ в экономике // Журнал НЭА. 2013. № 1(17).
12. *Никифоров Л.В.* Введение. // Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода: к 100-летию со дня рождения / Сост. Т.Е. Кузнецова СПб.: Нестор-История. 2012.
13. *Никифоров Л.В.* Выступление / Труды ВЭО России. Т. 104. М.: ВЭО. 2008. № 5.
14. *Никифоров Л.В.* Выступление // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М.: Институт экономики РАН. 2000. С. 92.
15. *Никифоров Л.В.* Проблема преодоления социально-экономических различий между городом и деревней на современном этапе. Гл. 1 / Проблема преодоления социально-экономических различия между городом и деревней. М.: Наука. 1976.
16. *Никифоров Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия). М.: Наука, 1988.
17. *Никифоров Л.В.* Социально-экономические системы и инновационный тип развития. / Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. М.: ИЭ РАН, 2010.

18. Пчелинцев О. К вопросу о социально-экономическом механизме преодоления различий между городом и деревней / Всесоюзная научная конференция «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней». Тезисы выступлений. Вып. IV. М.: ИЭ АН СССР. 1976.
19. Романченко В.Я. Социально-бытовое обеспечение сельских тружеников в условиях советских и рыночных реформ (1960–2010-е гг. Опыт и уроки) / Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века. Сб. статей. / Науч. ред. А.И. Шевельков. – Коломна: «МГОСГИ». 2011.
20. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Петроград, 1915.
21. Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? // АПК: экономика, управление. 1998. № 2–5.
22. Шульгин П. Культурное наследие как ресурс (новые тенденции в развитии малых городов России) // Мир перемен. 2009. № 2.
23. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат. 1955.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В работе в рамках политико-экономического и институционального подходов анализируются противоречивые итоги реформирования аграрного сектора российской экономики. Аграрный сектор рассматривается в рамках интегрированной системы «город–село». Раскрываются процессы раскрестьянивания села. Акцентируется внимание на специфических функциях села в качестве источника воспроизводства населения. Обосновывается целесообразность выбора социальной модели развития села и его участия в формировании современной мобилизационной экономики.

В рамках политико-экономического анализа развития аграрного сектора российской экономики мы исходим из определения системы «город–село», содержащегося в одной из работ Л.В. Никифорова, а именно как о «единой социально-экономической системе, объединяющей городскую и сельскую сферы в производственном, инфраструктурном, социально-экономическом отношениях»¹.

В настоящее время важнейшее, определяющее значение в развитии аграрного сектора страны и в целом российского села имеет аграрная реформа, как часть так называемых радикальных реформ 1990-х годов. Как известно, данная реформа декларировала создание новой социальной группы – фермерства, которая, как предполагалось, должна была сменить нерентабельные колхозы и совхозы (хотя под этой маркой распускалось и закрывалось немало эффективно функционирующих хозяйств). Уже сельскохозяйственная перепись

1. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России / Отв. ред. Л.В. Никифоров. М.: Институт экономики РАН. 2011. С. 189.

2006 г. зафиксировала отличный от первоначально декларируемого итог реформ, а именно полное и безоговорочное доминирование крупных и очень крупных хозяйств. На фоне почти 40% сокращения обрабатываемых сельскохозяйственных угодий 81,5% оставшихся посевных площадей контролировалось крупными и крупнейшими сельскохозяйственными организациями, которые владели 48,3% крупного рогатого скота, 47,1% свиней и 62,8% птицы². Произошла и продолжается масштабная концентрация производства в аграрном секторе, при которой «агрохолдинги олигархов стремительно устанавливают политико-экономический контроль над миллионами гектар земли и тысячами деревень России», что получило не лишнее остроумное определение – «олигархоз»³. Согласно оценке ряда специалистов экономической результат аграрной реформы, измеряемый с точки зрения объемов продукции аграрной отрасли, заключается в том, что он не достиг дореформенного уровня. В частности, по животноводству составил объем, на треть меньше уровня 1990 года⁴.

Что касается социального измерения реформы, то в условиях неограниченного развития рыночных отношений наблюдается резкое сокращение численности сельскохозяйственных кадров, воспринимаемых рынком в качестве «избыточных». Отсутствие работы на селе возрождает «отходничество» сельчан в города, а также ведет к маргинализации оставшегося безработного населения, вынужденного перебиваться случайными заработками⁵. По некоторым оценкам, их число достигает 15–20 млн человек⁶. Еще одной причиной

-
2. Цит. по: Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6. 2016. С. 63.
 3. Никулин А. Олигархоз, как преемник постколхоза // *Экономическая социология*. 2010. Т. 11. № 1. С. 17.
 4. Буздалов И. Рецензия на книгу Узун В.Я., Шахайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты // *Вопросы экономики*. 2016. № 4. С. 158.
 5. Великий П.П. Нео отходничество или лишние люди современной деревни? // *Социологические исследования*. 2010. № 9.
 6. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. *Отходники*. М.: Новый хронограф, 2013.

сокращения численности сельскохозяйственных работников стало изменение статуса их занятости с формального на неформальный. Работа на селе в силу ее цикличности, диктуемой природными условиями, предполагает сезонность ряда выполняемых работ, и именно это свойство позволяет работодателям не заключать с сельчанами трудовых договоров, а договариваться с ними устно. Все это способствует формированию на селе нового социального класса — прекариата, основными свойствами которого являются нестабильное и зависимое положение работника на рынке труда⁷.

Избыточность трудовых ресурсов на селе привела к тому, что все больше сельских жителей перестают заниматься сельским трудом. Возник также слой сельских жителей, вообще не обладающих землей, даже в форме личного подсобного хозяйства. Согласно данным всероссийского социологического исследования «Сельская жизнь» (СЖ-2015), проведенного в августе 2015 года, около трети (27, 7%) сельских жителей при опросе указали на отсутствие личного подсобного хозяйства⁸. Данное обстоятельство, а также процессы, связанные со сменой образа жизни сельского жителя позволяют говорить о наличии такого явления, как раскрестьянивание⁹.

Что касается самого термина «раскрестьянивание», то он появился в 90-е гг. XIX века и был связан с эволюцией сельской экономики под воздействием новых, товарно-капиталистических отношений, «охвативших крестьянское хозяйство, и изменивших образ жизни основных масс населения»¹⁰. Примечательно, что дискуссия о раскрестьянивании возро-

-
7. Смысл сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 39.
 8. Цит. по: Смысл сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 8.
 9. Великий П. П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. 2012. №1; Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социологические исследования. 2013. № 4.
 10. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 697.

дидась в 70-е гг. XX века и была связана с растущей механизацией, разделением труда, а также с массовой миграцией сельской молодежи в города. В настоящий момент термин опять вводится в научный оборот, но связан он в первую очередь с процессами социально-экономической дифференциации сельчан, наступлением латифундий, земельной приватизацией, обезземеливанием крестьян и перевода их в ряд наемных работников (батраков – на языке XIX в.). Но в отличие от позапрошлого века раскрестьянивание в XXI в. имеет отличительную особенность. Если крестьяне имперской России хотели иметь землю и работать на ней, то современные сельчане утрачивают эту мотивацию. Утрата мотивации работы на земле отчасти начала проявляться еще в советский период, но в современных условиях она только усилилась. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в настоящее время практически вдвое уменьшилось количество людей, которые хотели бы увеличить свой земельный участок¹¹. С развитием капитализма в сельском хозяйстве крестьянин все больше уподобляется наемному работнику, отчужденному от результатов своего труда. Они ему безразличны, а его работа ничем принципиально не отличается от труда на фабрике, только она тяжелей и утомительней. Удовлетворенность своим трудом, как показывают опросы, у жителей города и села практически не отличается¹².

Следует отметить негативную роль государственной политики в отношении крестьянства, отрицательно сказывающейся на финансовом положении аграрного сектора. Речь идет о ценовых диспропорциях, которые в ходе реформ только усилили ценовые деформации, доставшиеся в наследство от предшествовавшего периода. «Освобождение цен на товары и услуги не только не устранило, но еще больше усилило неэквивалентность обмена между городом и дерев-

11. Смысл сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016 С. 42.

12. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М. 2016.

ней, что обнаружилось сразу же. За 1992–1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко – в 63 раза, в то время как на бензин – в 324 раза, еще в большей степени выросли цены на сельхозтехнику. Практически все отрасли сельскохозяйственного производства в одночасье стали убыточными¹³. Авторитетный историк крестьянства В.П. Данилов сделал справедливый вывод, касающийся аграрной реформы: «Обращаясь к осуществляемой ныне аграрной реформе, нужно, прежде всего, сказать, что ее сущность определяется и даже исчерпывается заменой одних форм социальной организации сельского хозяйства другими, задачи же роста сельскохозяйственного производства и обеспечения населения продовольствием вообще не ставятся»¹⁴. Здесь стоит только уточнить, что эта замена была не в интересах большинства, так как приватизация земли была выгодна только многим руководителям колхозов и совхозов, которые сохранили в целом свои руководящие позиции, земельным спекулянтам, выкупавшим землю и переводившим их из разряда земель сельхозназначения в земли, предназначенные для строительства коттеджей, а также немногочисленным фермерам, которые после кризиса 1998 г. начали активно скупать, а иногда и захватывать рейдерским путем земли у крестьян и мелких коллег-фермеров¹⁵.

Следует отметить, что раскрестьянивание имеет свои корни и в советском периоде. По словам В. Данилова, «за 60 лет абсолютного господства колхозно-совхозного производства сменилось 2–3 поколения работников. «Универсальный» крестьянин, осуществляющий своими руками весь производственный процесс и несущий ответственность за конечный результат хозяйственной деятельности в целом, успел пре-

13. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 643.

14. Там же. С. 642.

15. Смысл сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тошченко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016. С. 52.

вернуться в «частичного рабочего» крупного производства, который выполняет те или иные виды работ»¹⁶.

Что касается крестьян-фермеров, то в ходе аграрной реформы фермеры на селе, конечно, появились, однако до сих пор они с точки зрения доли в общем объеме сельскохозяйственной продукции занимают достаточно скромные позиции. Так в 2014 г. доля коллективного сектора в общем объеме продукции составляла – 48,6%, личных подсобных хозяйств – 41,4%, и только 10% давали фермерские хозяйства¹⁷. При этом следует заметить, что фермеры также не являются однородной группой. Как отмечает А. Никулин: «Образовалась прослойка очень крупных фермеров,... фермеров-капиталистов, которые уже вышли на уровни небольших колхозов – тысяча, две тысячи гектаров. Есть слой просто работающих, зажиточных фермеров – у них 300–500 гектаров земли. И есть тысяч сто «мертвых» фермерских душ, – которые что-то выращивают, числятся фермерами, но живут не от фермерства: имеют магазинчики, занимаются извозом, какой-то коммерческой деятельностью. Большинство из них хотели бы землей заниматься, но в нынешних условиях это не выгодно. А в целом, наши основные производители до сих пор – это крупные хозяйства и мелкие частники на огородах»¹⁸. Что касается деятельности крупных хозяйств-агрохолдингов, то в них работники в наибольшей степени отчуждены от продуктов своего труда, от среды, в которой проживают. Такие гигантские латифундии, по некоторым замечаниям, «редкое явление для развитых стран, и они получили распространение прежде всего в странах Латинской Америки»¹⁹.

16. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 668.

17. Россия в цифрах. 2015: краткий. стат. сб. М: Росстат, 2015. С. 275.

18. Никулин А. Россия на пути к асьендам и латифундиям // Русский репортер. 11 апреля 2012, №14 (243). www.rusrep.ru/article/2012/04/11/nukulin (дата обращения: 10.10.2020).

19. Буздалов И. Рецензия на книгу Узун В.Я., Шахайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 158.

Суммируя, можно сделать вывод, что в результате организационных преобразований и приватизации земли в российском сельском хозяйстве сложились следующие организационные структуры: во-первых, агрохолдинги-латифундии, во-вторых, акционерные организации, в-третьих, фермеры и, наконец, в-четвертых, личные приусадебные хозяйства. Некоторые эксперты оценивают сложившуюся на селе организационную структуру, в которой доминируют крупные хозяйства, как псевдосоветскую, при этом, однако, кардинально изменился характер производственных отношений на селе, вызванный системными преобразованиями²⁰.

Особое внимание следует обратить на личность, поведение крестьянина, определяемое характером труда на селе. Владение и работа на земле рождает особый, отличный от городского образ жизни, кардинально иную жизненную темпоральность и ритмику. С одной стороны, работа на земле всегда создавала смысл существования русского крестьянина, с другой — помимо работы на земле, огромное значение имеют формы организации труда. Русское сельское хозяйство и по своей истории, и вследствие географических условий всегда было общинным, коллективным с преобладанием тесных личностных связей. Становление капитализма, внедрение рыночных отношений в процессе системных трансформаций раскалывает гомогенный мир русской деревни²¹. И это не может не иметь своих последствий, в изменении характера социальных отношений в сельских поселениях, в усилении процессов раскрестьянивания.

Говоря о перспективах социально-экономического развития села перед лицом неутешительных результатов проводимых реформ, возникает необходимость теоретического переосмысления проблем аграрного сектора и села в целом. Очевидно, следует согласиться с тем, что в условиях геополити-

20. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 55.

21. Виноградский В. Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. № 12.

тических вызовов и экономической конкуренции в рамках глобальной экономики, а также проблем с обеспечением продовольственной безопасности России следует считать оправданным «ориентироваться на максимизацию роста сельскохозяйственной продукции»²².

Для решения вышеуказанной задачи необходимы теоретически обоснованные меры институционального характера. Крупнейший специалист (не только в России) по аграрной проблематике Т. Шанин, анализируя ситуацию в самом начале радикальных реформ, исходил из четырех основных концепций, определявших возможную направленность системных преобразований и методы их воплощения в жизнь. Суть первой модели, которая, по мнению Т. Шанина, доминировала во время сталинской коллективизации, сводилась к следующему постулату: чем крупнее хозяйство и выше уровень механизации, тем лучше. Отсюда вина за бедность российской деревни, низкую производительность труда в сельском хозяйстве и экономическую слабость страны в целом возлагалась на мелкого крестьянина-единоличника, на его зависимость от природных условий. Вторая модель, согласно классификации, предложенной Т. Шаниным, по-прежнему отдавала предпочтение крупным хозяйствам, отталкиваясь от опыта промышленного развития в XIX веке. Однако она исходила из того, что эффективность как промышленного, так и сельскохозяйственного производства (в условиях централизованного планирования и создания крупных предприятий) сопряжена с резким увеличением капиталовложений. Именно поэтому в послесталинский период имел место значительный прирост производства в отраслях, обслуживающих сельское хозяйство, то есть стало больше выпускаться тракторов, комбайнов, удобрений и т.д. В рамках третьей модели, популярной в среде западных специалистов по экономике сельского хозяйства, вопрос о размере хозяйств остается открытым (хотя боль-

22. Бондаренко А.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 81.

шинство западных специалистов предпочло бы, чтобы они были крупными). Нарастание капиталовложений, согласно данной модели, тоже сомнений не вызывает. Однако, чтобы бороться с запустением земли и неуклонно внедрять наиболее эффективные методы агротехники, свою роль должна сыграть также личная заинтересованность земледельца в упорном труде и рациональном ведении хозяйства. Подобная заинтересованность диктуется стремлением к прибыли, конкуренцией и угрозой банкротства (весь комплекс стимулов homo economicus)²³.

По мнению Т. Шанина, наиболее перспективной следовало бы рассматривать четвертую модель, предложенную рядом отечественных социологов и экономистов-аграрников²⁴. Данная модель исходит из того, что в длительной перспективе развитие сельского хозяйства зависит от социального устройства жизни на селе. Вопрос стоит так: либо качество жизни там будет соответствовать требованиям населения, либо лучшие, наиболее способные его представители покинут эти места, оставив позади себя человеческие отбросы и обезлюдевшие деревни. Согласно предполагаемой модели, увеличить производство продукции можно, побудив земледельцев к ответственным действиям как хозяев своих производственных ячеек и среды обитания. Для этого необходимо также возродить местные общины и изменить баланс сил, определяющих общественные отношения на селе. Самоуправляющиеся сельские общины и более мелкие самостоятельные хозяйствующие подразделения — такой виделась новая социально-политическая реальность, которая способна положить конец системе управления, породившей застой. Однако простой переход к частному предпринимательству

23. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./Сост. Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. С. 422–423.

24. См., например: Заславская Т., Смирнов В., Шапошников А. Методология и общие контуры концепции перестройки управления аграрным сектором советского общества. Новосибирск: ИЭОП, 1987.

этого не даст. Напротив, он может привести к дальнейшей экологической деградации производительных сил и окружающей среды. Единственным эффективным решением на длительную перспективу представляется передача сельским общинам функций управления и ответственности за судьбу деревни. Эти общины должны быть достаточно сильными, чтобы противостоять как влиянию извне, так и эгоистическим устремлениям своих влиятельных членов²⁵.

Чтобы люди вернулись в деревню надолго, надо сделать жизнь в сельской местности не только доходной, но и целесообразной, удобной и приемлемой с экологической и этической точек зрения. Создатели данной «социальной» концепции отдавали, по словам Т. Шанина, себе отчет в том, что на избранном пути придется столкнуться с колоссальными трудностями. Однако сильнейшим стимулом к действию является понимание того, что означает недостижение конечных результатов (равно как и учет социальных последствий отказа от предложенного курса)²⁶.

В рамках разработки социально-институциональных аспектов в анализе проблем развития села обращает на себя внимание исследовательский подход В.И. Разумовой и Л.И. Рыженко. Суть данного подхода заключается в том, что основной функцией села выступает не производство сельскохозяйственной продукции (с этой функцией, по мнению авторов исследования, на современном этапе прекрасно справляются индустриальные, т. е. городские, уклады на базе новых ресурсов и технологий), а воспроизводство населения, нации. По их мнению, органическая связь воспроизводства человеческого ресурса с воспроизводством хозяйства — основное родовое свойство сельского поселения. Если в основе производства, даже при внедрении новых технологий, остается домохозяйство, производственной ячейкой остается семья,

25. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. С. 426.

26. Там же. С. 427.

то и село остается селом (фермерство). Поселения или части поселений современной России (вне зависимости от официального статуса) остаются селами до тех пор, пока в них существует сельскохозяйственная деятельность, не отчужденная от домохозяйств, принявшая сегодня форму подсобного хозяйства.

В подходе, предложенном В.И. Разумовой и Л.И. Рыженко, принципиально важным является их акцент на человеческий фактор в модели интеграции города и села, на ресурсные функции жителей города и села, а также на решение демографической проблемы, которую авторы возлагают прежде всего на сельчан. По их словам, одним из главных ресурсов, производимых в современных городах, является человеческий капитал, определяемый уровнем жизни, образованием, социальным обеспечением и т. д. Человеческий капитал не следует путать с человеческими трудовыми ресурсами. Как раз человеческий ресурс перерабатывается в городе, расходуется, производя в том числе человеческий капитал. Увеличивается ценность каждого человека при уменьшении численности и ускорении процессов депопуляции. В отличие от традиционного уклада, домохозяйство в городе не способно в такой же степени играть роль фактора воспроизводства населения²⁷.

Авторы видят также наличие определенных преимуществ, которыми обладает наша страна. У России по сравнению с другими странами есть то преимущество, что она имеет свободные территории для воспроизводства собственного населения. Россия имеет еще дополнительные возможности организации воспроизводства населения в сельской местности. При этом меры государства по стимулированию рождаемости и снижению депопуляции не принесут ожидаемых результатов, если не будут учитывать изложенные выше взаимосвязи между воспроизводством населения и хозяйственными укладами на селе и в городе. Преодоление

27. Разумова В.И., Рыженко Л.И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестн. Омск. ун-та. 2009. № 4. С. 22–26.

демографического спада лежит не столько в материальном стимулировании (создании материнского капитала), сколько в стимулировании типов хозяйства, органически связанных с воспроизводством трудовых ресурсов. Стратегия развития Российской Федерации, приоритетные национальные проекты, любые другие стратегические документы должны учитывать специфику сел и городов различной категории на разных территориях Российской Федерации. Это основной принцип, которому следовала Российская империя во все исторические периоды своего развития. Главной функцией села является воспроизводство генофонда нации на базе сельскохозяйственной деятельности, и для реализации этой функции селу нужны меры господдержки. Такие меры должны быть нацелены на приоритетное обеспечение именно этой функции. Главной функцией города, по мнению В.И. Разумовой и Л.И. Рыженко, следует считать формирование человеческого капитала на базе развития социальной инфраструктуры, причем в разных типах городов эти задачи должны решаться по-разному. Что касается развития сверхкрупных городов, то оно должно пойти по пути регулируемого развития, ограничивающего их рост. Последнее относится прежде всего к нынешней столице страны – Москве²⁸.

С точки зрения политико-экономического анализа положения и динамики развития крестьянства хотелось обратить внимание на ряд его характеристик, отмеченных Л.В. Никифоровым и Т.Е. Кузнецовой. Так, по их мнению, крестьянство – не просто один из классов, присущих менявшимся формациям. Крестьянство представляет собой надформационную общность. Она характеризуется спецификой и устойчивостью социально экономических отношений (в том числе отношений собственности), ограниченностью процессов социальной дифференциации и воспроизводимостью относительной социальной целостности, особенностью социокуль-

28. Разумова В.И., Рыженко Л.И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестн. Омск. ун-та. 2009. № 4. С. 27–28.

турных и социопсихологических черт, внутренним неприятием формационных начал (феодалных, капиталистических и др.), связанных с большей изменчивостью производительных сил, создаваемых самим человеком. При этом, по словам авторов, крестьянство претерпевало изменения под влиянием меняющихся формаций, проникновения в земледелие индустрии, а в село — неземледельческих видов деятельности и других факторов. Но его устойчивость сохранялась в силу необходимости воспроизводства аграрного типа производительных сил и соответствующих им форм жизнеустройства. И чем значимее в той или иной стране был аграрный фактор, тем существеннее была специфика ее социально экономического развития, включая содержание и структуру отношений собственности, особенностей многоукладности, социально-культурных и социально-психологических черт народа²⁹.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующий тезис, касающийся аграрной сферы, и далее попытаться развернуть его в рамках более широких представлений о направлении институциональных изменений в социально-экономической системе РФ, взаимосвязанных с развитием аграрного сектора. Суть тезиса заключается в том, что по мере развития рыночных отношений становится все более очевидной ограниченность возможностей решения социально-экономических проблем села на основе сохранения и перспектив развития сельской сферы как относительно самостоятельной социальной экономической подсистемы общества³⁰.

В этой связи в рамках задачи выхода из застойного состояния, в котором находится не только российское село, но и современная российская экономика в целом, все чаще звучат предложения перейти к реализации в стране модели мобилизационной экономики. В нашем представлении — это такая экономика, при которой ресурсы страны концентрируются на выбранных ключевых направлениях развития

29. Никифоров А.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики 2007. Т. 5. № 2. С. 182.

30. Там же: С. 188.

народного хозяйства, к которым, несомненно, относится его аграрный сектор. Мобилизационная экономика может различаться в зависимости от конкретной страны и реализовываться в различных социальных системах и исторических обстоятельствах. Исходя из поставленных перспективных целей, национальных и институционально-культурных особенностей страны, ее положения в мировой экономике и геополитике, механизмы мобилизации ресурсов могут быть самые разные.

Особенность современной модели мобилизационной экономики состоит в том, что она должна в полной мере использовать ресурсы социального государства и инновационной экономики для развития человеческого и социального потенциалов общества, включая потенциал крестьянства. Представляется, что важнейшими факторами формирования новой мобилизационной модели развития являются: преодоление социальных деформаций, чрезмерного социального расслоения граждан; развитие процессов демократизации и выработки демократических процедур формирования экономической политики; достижение социального консенсуса вокруг направлений и механизмов реализации такой политики; достижение социально-экономической интеграции общества, направленной на решение задач модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6. 2016.
2. Бондаренко А.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // *Социологические исследования*. 2016. № 3.
3. Буздалов И. Рецензия на книгу Узун В.Я., Шахайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты // *Вопросы экономики*. 2016. № 4.
4. Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // *Социологические исследования*. 2015. № 12.
5. Великий П.П. Нео отходничество или лишние люди современной деревни? // *Социологические исследования*. 2010. № 9.

6. Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. 2012. № 1.
7. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин / Под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия». 1992.
8. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011.
9. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М. 2016.
10. Заславская Т., Смирнов В., Шапошников А. Методология и общие контуры концепции перестройки управления аграрным сектором советского общества. Новосибирск: ИЭОПП. 1987.
11. Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2.
12. Никулин А. Олигархоз, как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1.
13. Никулин А. Россия на пути к асьендам и латифундиям // Русский репортер. 11 апреля 2012. №14 (243). www.rusrep.ru/article/2012/04/11/nikulin (дата обращения: 10.10.2020).
14. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф. 2013.
15. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России / Отв. ред. Л.В. Никифоров. М.: Институт экономики РАН. 2011.
16. Разумова В.И., Рыженко Л.И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестн. Омск. ун-та. 2009. № 4.
17. Смысл сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016.
18. Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социологические исследования. 2013. № 4.

А.И. Амосов

д.э.н., главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

О РАЗВИТИИ ГОРОДА И СЕЛА: УРОКИ ИСТОРИИ

Рассмотрены основные положения работ Л.В. Никифорова по вопросам интеграции города и села. Дана обобщенная оценка развития села и сельского хозяйства в дореволюционный период российской истории. Проанализированы влияние на развитие города и села революционных преобразований и достижения индустриального развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей в 1960–1980-е годы. Раскрыты проблемы города и села на современном этапе и обоснована необходимость разработки и реализации долгосрочных стратегических решений по развитию города и села

О разработках Л.В. Никифорова по вопросам интеграции города и села

В 1972 г. при реорганизации структуры Института экономики АН СССР в нем был создан сектор исследования проблем преодоления социально-экономических различий между городом и деревней во главе с кандидатом экономических наук Л.В. Никифоровым. По плану научных работ академического института того времени каждый сектор по результатам исследований за 5 лет обязан был представить для обсуждения на Ученом совете научный доклад и опубликовать плановую коллективную монографию в издательстве «Наука». Плановая монография сектора Никифорова, опубликованная в 1976 г., была посвящена проблемам преодоления социально-экономических различий между городом и селом¹. Ответственным редактором этой монографии согласился быть директор Института экономики АН СССР, член-корр. АН СССР Е.И. Капустин, что свидетельствовало о его

1. Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука, 1976.

высокой оценке научного труда сектора Л.В. Никифорова и самого Льва Васильевича.

В то время я был старшим научным сотрудником сектора структуры народного хозяйства, отдела социалистического воспроизводства и участвовал в исследованиях по коллективной монографии «Факторы и тенденции развития структуры народного хозяйства СССР» (год публикации 1977). Четвертая глава этой монографии, написанная мной, называлась «Межотраслевой агропромышленный комплекс в структуре народного хозяйства». Тема формирования народно-хозяйственного комплекса отраслей, включающего сельское хозяйство и связанные с ним виды деятельности, была близка проблемам города и села, рассматриваемым в монографии сектора Л.В. Никифорова. Поэтому я прочел монографию о городе и селе с большим интересом сразу после ее выхода в свет.

В настоящее время, с высоты накопленного опыта общее впечатление от содержания данной работы не изменилось, но возникли вопросы по поводу выбора в качестве стратегической цели преодоление различий между городом и селом. Дело в том, что понятие «преодоление различий» носит двусмысленный характер. В генезисе села и города они выполняли разные функции. При этом первостепенными были функции сельских поселений, где жило большинство населения. Города изначально выполняли функции сбора дани, обороны и торговли. На стадии индустриализации произошла стихийная урбанизация, большинство населения переместилось в города и в городские поселки. Процессы индустриализации и урбанизации носили двойственный характер. С одной стороны, они способствовали социальному и экономическому развитию. С другой стороны, они имели и отрицательные последствия. В частности, на пике урбанизации СССР возникли проблемы демографического, духовного и цивилизационного развития.

На территории РСФСР ведущая роль села в решении задач воспроизводства духовно и физически здорового генофонда многонационального государства была утрачена в результате отказа в СССР от семейных фермерских хо-

зяйств, проведения политики ликвидации малых деревень, строительства на центральных усадьбах совхозов и колхозов многоквартирных «хрущевских» пятиэтажек и т.д. Подобное преодоление различий между городом и деревней нельзя признать прогрессивным. Нельзя назвать прогрессом и то, что происходило в сфере экологии. Индустриальные технологии в сельском и лесном хозяйстве, а также в промышленности, как правило были далеки от соблюдения экологических требований. Аграрная и промышленная политика не выполняли функций сохранения земельных, водных, лесных ресурсов и так называемых природных ландшафтов. С точки зрения сохранения природы село должно отличаться от города в лучшую сторону. То есть задача заключается отнюдь не в преодолении различий, а в использовании того лучшего, что могут дать системы города и села.

В тексте монографии сектора Л.В. Никифорова 1976 г. издания, а также в последующих публикациях Л.В. Никифорова насущные задачи, стоящие перед селом, добросовестно перечислялись. Однако в реальной политике решению этих задач не уделялось должного внимания. Индивидуальная монография Л.В. Никифорова, опубликованная в 1988 г., называлась уже иначе: «Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия)»². Понятие интеграции тоже требует уточнения. При формировании народнохозяйственного агропромышленного комплекса были достигнуты позитивные результаты в интеграции аграрной науки, сельского хозяйства и связанных с ним отраслей легкой и пищевой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, производства минеральных удобрений и т.д. Но агропромышленная интеграция и социально-экономическая интеграция села и города — это разные понятия. Как только Лев Васильевич переходит к рассмотрению конкретных проблем, он не вспоминает уже об интеграции. Город и село, по

2. Никифоров Л.В. Социально-экономическая интеграция города и села. (содержание, цели, пути, условия). Отв. редактор чл.-корр. АН СССР Е.И. Капустин. М.: Наука, 1988.

Никифорову, это «не только два типа производительных сил, но и две обособленные в различных отношениях сферы их функционирования»³.

Добавим от себя по поводу интеграции города и села следующее. Экономика и социальная сфера представляют собой единое целое, в котором мы вправе, наряду с другими классификациями, выделить, как предлагал Никифоров, два типа производительных сил — город и село. Из этого отнюдь не следует, что перед нами стояла или стоит задача интеграции города и села. Интеграция предполагает устранение различий. Но устранение различий между составными частями единого целого носит ограниченный характер. При формировании общественных систем создание отдельных институтов должно происходить согласованно, но это нельзя назвать интеграцией. Что касается интеграции города и села, то вместо согласованного развития этих общественных систем под флагом интеграции осуществлялась и продолжает осуществляться ликвидация сельских поселений.

Иная ситуация возникает, когда мы оцениваем роль агропромышленной интеграции. В этом случае объектом интеграции становятся реальные процессы, способствующие развитию сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. К сожалению, процессы агропромышленной интеграции были остановлены уже во второй половине 1980-х годов. В 1985 г. был создан Государственный агропромышленный комитет СССР (Госагропром СССР). В его состав вошло Министерство сельского хозяйства СССР и ряд других министерств и ведомств. Развернуть свою деятельность Госагропрому помешала начавшаяся в 1985 г. «перестройка». Смысл этой перестройки был в отмене успешно функционировавшей в течение десятилетий системы централизованного государственного годового и пятилетнего планирования. На июньском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС были приняты решения по лишению Госплана СССР полномочий для выполнения своих функций согласо-

3. Там же. С. 13.

вания спроса и предложения на макроуровне и обеспечения предприятий ресурсами по твердым государственным ценам.

По закону «О государственном предприятии (объединении)»⁴, отменялись плановые задания, обеспеченные ресурсами. При этом декларировалось, что предприятия получают возможность реализовать свою продукцию на свободном рынке. На самом деле, получив свободу реализации продукции по более высоким ценам, предприятия лишились возможности получать комплектующие детали и узлы, сырье и материалы, энергоносители, транспортные услуги и так далее по твердым ценам и тарифам, установленным на макроуровне либо прописанным в долгосрочных контрактах. Поставщики были уже не обязаны соблюдать долгосрочные контракты, заключаемые в соответствии плановыми заданиями, согласованными на различных уровнях централизованного планирования. В 1988 г. правительство приняло постановление о единовременном существенном повышении цен на энергоносители и на средства производства. В результате указанного повышения цен, а также ослабления регулирования экономики со стороны Госплана и других органов управления экономический рост в 1989 г. прекратился.

Пока существовал СССР, разрушение внутреннего рынка еще не достигало предельной величины. Государственная собственность на большую часть оптовой и розничной торговли позволяла законодательным путем сохранять социально ориентированные цены в государственной розничной торговле, несмотря на повышение цен на средства производства для села. Однако сохранение неизменных государственных розничных цен приводило к созданию искусственного дефицита и провоцировало ажиотажный спрос. Это наносило ущерб имиджу советской системы торговли. Негативные последствия для внутреннего рынка средств производства и предметов потребления имел также Закон об отмене государственной монополии на внешнюю торговлю.

4. Ведомости Верховного Совета СССР, 1987 год, № 26, ст. 385.

Все это привело к тому, что во время публикации Л.В. Никифоровым монографии, посвященной интеграции города и села, в 1988 г. Госагропром и Госплан уже потеряли возможности выполнять функции централизованного планирования агропромышленной интеграции. Возникает вопрос, какое содержание и какой смысл в этих условиях имела постановка вопроса об интеграции города и села. В монографии Льва Васильевича понятие интеграции города и села формулируется в самых общих абстрактных терминах. В частности, он пишет: «Интеграционные тенденции и процессы выражают основную закономерность всего общественного прогресса – возрастание и усложнение общественных связей, т.е. развитие различных сторон реального обобществления, усиления цельности общества при одновременном усложнении его внутренней структуры. Интеграция является базой сохранения и нарастания позитивных особенностей сельского и городского потенциала и умножения совокупного потенциала общества»⁵.

В данном случае об интеграции говорится как о некоем символе прогресса, не имеющем конкретного содержания. При переходе от абстрактных рассуждений к конкретным процессам обнаруживается, что никакой объективной закономерности общественного прогресса в результате интеграции города и села не существует. В реальной действительности все зависит от того, какая политика проводится и каковы цели долгосрочной стратегии.

Город и село на различных этапах российской истории (дореволюционный период)

Для исследования реальных процессов развития городов и сел необходимо изучение их истории. Между тем указанная история настолько обширна и многообразна, что ее изучение и описание в полном объеме представляет собой невы-

5. Никифоров Л.В. Социально-экономическая интеграция города и села. (содержание, цели, пути, условия) / Отв. ред. Е.И. Капустин. М: Наука, 1988. С. 7.

полнимую задачу. Выход из положения состоит в том, чтобы выбрать в качестве объекта исследования не историю городов и сел, а их эволюцию. В этом случае задача существенно упрощается, поскольку для понимания эволюции общественных систем требуется описать лишь характерные черты процессов, происходивших на стадиях генезиса, роста и развития.

При исследовании генезиса города и села обнаруживается следующее обстоятельство. Села на Руси сформировались на несколько веков позже, чем города. Конкретно, села стали массовым типом поселений для семей земледельцев-хлебопашцев в результате создания Российской империи и сословия помещиков-дворян в XVIII веке. Подробнее об эволюции отечественной аграрной сферы говорится в монографии автора⁶. Здесь же мы ограничимся лишь описанием ключевых деталей.

Русская земледельческая цивилизация формировалась по общим с другими земледельческими цивилизациями законам путем освобождения от леса свободных участков для патриархальной (традиционной) семьи землепашца-хлебопашца. Труд в русском земледелии, как и в европейском, всегда был семейным. Деревенская община, как и сельская коммуна в Италии, это не коллективное хозяйство, в первичная ячейка административного управления.

В Древней Руси традиционные семьи землепашцев — братины включали не только близких, но и дальних родственников. Поселение традиционной семьи — хутор имел несколько домов с хозяйственными постройками. Каждый хутор использовал земли, освоенные семьей по методу «свободной запашки» независимо от других хуторов.

До создания Российской империи на Руси не было деревень. Соответственно, административный контроль власти над земледельцами осуществлялся не через деревенские, а через территориальные общины. Семейные хутора, входившие в территориальную общину, владели землей и вели свое

6. Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние два столетия: Закономерности социального и экономического развития. М.: Издательство ЛКИ. 2009. С. 66–110.

хозяйство независимо от других семей. В имперской России землепользование усложнилось. В результате реформ Петра I сформировалось новое сословие землевладельцев в лице дворян и помещиков. Вокруг поместий стали формироваться села и деревни. В старопахотных районах помещики стремились увеличить свои владения за счет «черных» крестьянских земель. Это привело к переходу от свободной запашки к регламентированию использования крестьянских земель.

В чьих интересах осуществлялись реформы Петра I? Российская империя создавалась, как и СССР, при широком привлечении «передовых учений, учителей и советников» из западноевропейских стран. В этой связи укажем на прозападный характер реформ Петра I. Он оказался полностью зависимым от Запада русским царем, яростно отрицавшим не только достижения русской цивилизации, но и само ее существование. В целом отрицание прав русской цивилизации на существование имело негативные последствия для социально-экономического развития России, включая развитие семейных крестьянских хозяйств и повышение социального статуса большинства населения в лице крестьян.

После смерти Петра I в царствование его племянницы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) дворяне были освобождены от обязательной службы, но тягловая нагрузка на крестьян лишь увеличилась. У крестьян усилилась мотивация уходить от уплаты податей и исполнения повинностей. С целью ужесточения правил сбора податей с крестьян были административным путем учреждены деревенские общины, просуществовавшие до Октябрьской революции 1917 г. По сути, деревенские общины выполняли функции круговой поруки за уплату крестьянскими семьями податей и выполнение многочисленных повинностей⁷.

7. В советских учебниках истории смешивались понятия общинной и коллективной собственности на землю. На практике общинная собственность была не коллективной, а семейной. Общинная пашня была разделена межами между крестьянскими семьями. Каждая семья обладала правами пользования на выделенные ей полосы на общинных полях. При хуторском использовании земли требовалось выделить семье в собственность единый участок пашни (отруб).

Формально земли крестьянских семей стали общинными. Но фактически каждая семья самостоятельно хозяйствовала на своем приусадебном участке (около 3 га в XIX в.) и на ограниченных межами полосах земли на хороших, средних, и плохих участках пашни. Общинный дух у крестьян если и был, то только во враждебном отношении к барскому сословию, которое в результате реформ Петра I потеряло связь с русским народом.

Уже в самом начале перехода от мануфактур к фабрикам и заводам во второй половине XVIII в. появились понятия экономических и заводских крестьян. После секуляризации церковных земель по указу Екатерины II 26 февраля 1764 г. два миллиона монастырских крестьян были переданы в ведение Коллегии экономии и получили название экономических крестьян. Императорский двор «одарял» крестьянами крупных «заводчиков», создававших металлургические и иные предприятия. Заводские крепостные жили крестьянскими семьями, имевшими свое приусадебное хозяйство. Наиболее способные из них освобождались от крепостной зависимости и занимались изобретательством⁸.

Помещики охотно отпускали наиболее способных крестьян «на оброк» для занятия различными промыслами и предпринимательства. Практически все династии промышленного капитала в России происходили из мастеровитых крестьян. На момент освобождения крестьян от крепостного права в 1861 г. лишь 50% крестьян находились в крепостной зависимости, из них половина не работала на помещика, а платили ему денежный «оброк» со своих доходов. Среди них имелись и предприниматели, которые были богаче своего

8. Первая в России железная дорога, первый российский паровоз, токарные, винторезные, строгальные, сверлильные, гвоздильные и другие станки и машины были созданы заводским крепостным изобретателем Ефимом Черепановым (1774–1842) и его сыном Мироном (1803–1849). Паровоз Черепановых работал на дровах. Его можно было переделать на использование угля, но царский двор предпочел импорт паровозов из Англии. Собственное производство паровозов в России было организовано лишь при Александре III (1881–1894 гг.), отстранившем высокородных коррупционеров от власти.

помещика, но не хотели переходить в категорию купечества, чтобы не платить налоги в казну.

В советской историографии сохранялся придуманный иностранными историками еще в XVIII в. миф о якобы двухвековой отсталости царской России от «передовых» европейских стран из-за двухсотлетнего татаро-монгольского ига. На самом деле отставание России от лидеров индустриального развития составляло лишь несколько десятилетий, что, по историческим меркам, составляет ничтожную величину. Академик АН СССР С.Г. Струмилин, возглавлявший в послевоенный период сектор истории народного хозяйства в Институте экономики АН СССР, показал, что первая промышленная революция, содержанием которой была замена мануфактур заводами и фабриками, оснащенными паровыми машинами, была осуществлена в России в 1830–1860 гг.⁹ Произошло это благодаря протекционистской политике, проводимой министром финансов Е.Ф. Канкриным и поддерживаемой Николаем I.

Проведение второй промышленной революции в России затянулось из-за того, что после смерти Е.Ф. Канкрин и затем Николая I к власти в стране пришли либералы. Александр II (годы царствования 1855–1881) находился под влиянием прозападных «молодых финансистов», которые вместо промышленной революции проводили «смелые» финансовые реформы, разрушившие суверенную отечественную банковскую систему и обеспечившие полную свободу для зарубежных банков и бирж. Во время реформ 1861 г. молодые финансисты встали на путь опоры на внешние займы и на импорт промышленной продукции из Германии и других стран. В итоге несколько десятилетий ушли на бесплодные «реформы», а вторая промышленная революция в виде создания первых крупных машиностроительных, металлургических и иных предприятий началась лишь в 1881 г. при правлении Александра III (1881–

9. Актуальные проблемы экономической науки в трудах С.Г. Струмилинина. К 100-летию со дня рождения. М. Наука, 1977 г. С. 226–227.

1894 г.), отстранившего от власти высокородных коррупционеров и поддержавшего протекционистски настроенные силы¹⁰. Сразу после смерти Александра III к власти вернулись высокородные коррупционеры и постаревшие «финансисты». Россия опять погрузилась во внешние займы, в катастрофически «смелую» финансовую реформу Витте, приведшую к разорению миллионов крестьян и к переходу стратегически важных предприятий отечественной промышленности в собственность иностранного капитала. Все это привело к кризису народного хозяйства, начавшемуся в 1901 г., к волнениям крестьян, к революции 1905 г. и т.д.

В истории Российской империи был только один руководитель правительства, который проводил политику в интересах крестьян, а тем самым в интересах всех социальных слоев сильного независимого государства. Это был Петр Аркадьевич Столыпин. По своему социальному происхождению Столыпин относился к потомственным русским аристократам, крупным землевладельцам. Родной дядя Столыпина еще до отмены крепостного права передавал земли в распоряжение своим крепостным крестьянам по примеру западноевропейских стран. Позже он писал статьи и участвовал в патриотическом общественном движении культурных русских землевладельцев за развитие хуторских хозяйств. Есть множество и других материалов, свидетельствующих о том, что земельная реформа П.А. Столыпина была тщательно обоснована и проводилась квалифицированными специалистами с использованием лучшего отечественного и зарубежного опыта.

Замысел земельной реформы П.А. Столыпина состоял в переходе к фермерскому хозяйству по примеру США. Преимущество фермеров США по сравнению с российскими

10. Активное участие в создании отечественной индустрии принимал Д.И. Менделеев (1834–1907 гг.). Он не только изобрел отечественную технологию переработки нефти, но и разработал таможенную политику России, опубликовал свыше 100 экономических работ по индустриализации народного хозяйства. В советской истории замалчивался тот факт, что экономические публикации Менделеева послужили научным обоснованием социалистической индустриализации.

крестьянами состояло в том, что американские фермеры изначально обладали гражданскими правами, что способствовало развитию сельского хозяйства и укреплению государства в США. Столыпин внес в Думу законопроект о местном самоуправлении, предусматривающий предоставление гражданских прав крестьянам. Против признания российских крестьян равноправными гражданами дружно объединились все прозападные по своему существу думские партии, начиная от конституционных демократов (кадетов) и представителей «разношерстной» российской буржуазии и кончая радикальными социальными революционерами (эсерами и большевиками). В результате указанный законопроект был отвергнут.

О том, что либеральная Дума не заботилась об интересах крестьян, свидетельствует следующий характерный факт. В 1907 г. в некоторых регионах России был неурожай, приведший к массовому голоду крестьян. Правительство П.А. Столыпина подготовило Указ о выделении из бюджета 70 млн рублей для закупки зерна для голодающих крестьян. Деньги в бюджете для помощи крестьянам имелись. Однако для выделения средств из бюджета правительству требовалось вынести этот вопрос на обсуждение и утверждение в Государственной Думе. Глава правительства П.А. Столыпин прибыл на заседание Думы и выступил с докладом о выделении средств в помощь голодающим. Неожиданно для Столыпина депутаты Государственной Думы вместо безоговорочного принятия процессуального решения об утверждении Указа правительства о выделении средств для голодающих, начали выступать с требованиями «полных свобод», «устранения препятствий для прогресса со стороны самодержавного государства», «перехода к парламентскому управлению» и т.д. Ораторы от думских партий так увлеклись «разоблачением недостатков самодержавия», что Дума, забыв о выделении бюджетных средств для крестьян, приняла резолюцию об отказе в любой поддержке царского правительства. Столыпину пришлось добывать 70 млн руб. для голодающих в обход Государственной Думы.

Перестройку местного самоуправления и предоставление гражданских прав крестьянам отвергла не только либерально-революционная Дума, но и Императорский двор. В то же время П.А. Столыпину удалось уговорить императора начать земельную реформу, подписав подготовленный квалифицированными специалистами землеустроительного ведомства Указ, позволяющий наделять крестьян землей для создания в дальнейшем фермерских хозяйств. В отличие от языка современных российских правовых документов, в которых невозможно понять, чем «оферта» отличается от «аферы», Указ о земельной реформе 1906 г. был написан на чистом русском языке, понятном каждому крестьянину. Термин «ферма» в нем не употреблялся. Фермерская земля называлась по-русски – отруб.

Земельная реформа осуществлялась по 2 направлениям. Первое – выделение хуторов (отрубов) на общинных землях по решению сходов крестьян в старопахотных районах. Второе – государственная поддержка переселения крестьян на юг Сибири с целью хуторского расселения на «казенных» землях. В течение первых 3 лет земельной реформы около 17% крестьянских семей оформили права на собственные земельные участки, «отрубленные» от общинных земель. Противники столыпинской реформы оценивают выход из общины лишь 17% семей как провал реформы. На самом деле с точки зрения создания фермерских хозяйств 17% семей за первые три года следует оценивать как большой успех столыпинской реформы. Столыпин и другие руководители реформы неоднократно заявляли, что на фермерство должна была переходить лишь та часть семей, у которых для этого было достаточно взрослых работников, лошадей и т.д.

Если бы 17% крестьянских семей дали возможность ведения фермерского хозяйства в мирных условиях, то никаких условий для совершения революции в России бы не было. Об этом писал проживавший в то время в Швейцарии руководитель кружка большевиков В.И. Ленин. Оставшаяся часть крестьянских семей могли бы, оставаясь в общине, сочетать

возделывание своих земельных участков с другими занятиями в городе и на селе. К сожалению, политика в интересах большинства населения России в лице трудовых крестьянских семей не нашла поддержки у Императорского двора, «придворной камарильи», кадетов, эсеров и прочих прозападных политических сил.

После убийства Столыпина правительство возглавил министр финансов В.Н. Коковцов, до конца 2013 года сохраняли свои посты и другие ключевые министры столыпинского правительства. Благодаря этому земельная реформа и общая экономическая политика правительства П.А. Столыпина сохранялась. В итоге благодаря столыпинской экономической политике и земельной реформе Россия не только вышла из экономического кризиса 1901–1906 гг., но и достигла высоких темпов роста производства в промышленности и в сельском хозяйстве. Не случайно в советской статистике достижения развития народного хозяйства СССР сравнивались с уровнем 1913 г. Что касается развития сельского хозяйства, то по производству зерна СССР удалось выйти на уровень 1913 г. лишь в конце 1950-х годов, а по поголовью коров еще позже.

Обобщающим показателем развития города и села является рост численности городского и сельского населения. По переписи населения России 1897 г. численность городского населения в 1897 г достигла 9,9 млн человек, большинство населения проживало в сельской местности – 57,6 млн человек¹¹. Следующая перепись населения состоялась в 1914 г. В 1897–1914 гг. численность сельского населения возросла на 16,6 млн человек. Прирост численности городского населения за указанные 17 лет составил 5,8 млн человек. В сумме получается общий прирост населения на 22, 4 млн человек за 17 лет. Таких темпов роста населения на территории Российской Федерации в последующем уже не удавалось достичь.

11. Здесь и далее данные переписи населения приводятся в современных границах Российской Федерации.

Влияние на развитие города и села революционных преобразований и достижения индустриального развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей в 1960–1980-е годы

В период 1914–1920 гг. состоялись события, сопровождаемые массовой гибелью миллионов человек. Несмотря на это, результаты переписи, проведенной в 1926 г., мало отличались от результатов переписи 1914 г.: городское население – 16,5 млн человек, сельское – 76,3 млн человек. Автор не берется судить о том, действительно ли за 4 года после окончания гражданской войны удалось восстановить потери населения в 1914–1920 гг. Есть основания предполагать, что показатели переписи 1926 г. были завышены с целью скрыть действительные потери от войны, революции, голода и болезней. Но в любом случае факт преобладания сельского населения над городским в 1926 г. можно считать бесспорным.

Следующей переписи населения, состоявшейся в 1939 г., предшествовали кардинальные перемены ситуации на селе и в городах, связанные с бегством и выселением крестьян из села в результате крайне неудачной насильственной коллективизации сельского хозяйства в 1929–1932 гг. Молодежь и взрослые бежали из села еще до 1929 г. в обстановке обострения отношений с крестьянами в процессе сворачивания НЭПа. В ходе сплошной коллективизации в 1929 г. трудовые крестьянские семьи лишили семейной собственности на землю и на принадлежащих семейным хозяйствам лошадей, коров, овец и т.д. В 1930 г. крестьяне, ставшие колхозниками, в первый раз провели сев зерновых, собрали урожай и засыпали в колхозные амбары. Осенью настала пора «сдачи зерна государству». В зерновых регионах из колхозных амбаров изымали практически все зерно, не считаясь с потребностями колхозов и колхозников. Это привело к массовому выходу из колхозов и к саботированию сева зерновых в 1931 г. В 1932 г. в зерновых регионах произошел массовый забой скота и массовый голод. Критика коллективизации в СССР

не допускалась. Сталин объявил, что произошли перегибы и «головокружение от успехов» в коллективизации. При этом замалчивался тот факт, что после событий 1931–1932 гг. колхозы освободили от работ по севу и уборке зерновых, передав эти функции машинно-тракторным станциям (МТС). Такой порядок сохранялся вплоть до ликвидации МТС в 1958 г., когда от довоенных колхозов не осталось и следа. Впрочем, уже до войны колхозы укрупнялись и преобразовывались в совхозы. Поэтому от первых колхозов не осталось и следа уже во время переписи населения в 1939 г.

По данным указанной переписи городское население возросло в 1926–1939 гг. с 16,5 млн человек до 36,3 млн человек. При этом сельское население сократилось с 76,3 млн человек в 1926 г. до 72,1 млн человек в 1939 г. В итоге в довоенные пятилетки, несмотря на удвоение численности городского населения, сельское население оставалось преобладающим. Важно отметить, что до войны различия между городскими и сельскими семьями по численности детей не были критическими. Благодаря определенному сохранению традиций многодетности семей мобилизационные ресурсы СССР оказались достаточными для того, чтобы одержать победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В период послевоенного восстановления народного хозяйства и в 1950-е годы было построено множество новых городов, рабочих поселков и т.д. В результате к концу 1950-х годов численность городского населения впервые стала больше, чем сельского. По переписи 1959 г., городское население составляло 61,1 млн человек, сельское – 56,1 млн человек. В 1950-х годах о развитии села и сельского хозяйства речь не шла, поскольку средства для решения проблем села выделялись по «остаточному» принципу. А те, что выделялись, использовались по решениям партийных руководителей разного уровня в лучшем случае для поддержки совхозов и колхозов, имеющих сильных руководителей, а в худшем случае на освоение целинных земель в регионах, где по природным условиям выгоднее было пасти овец, и на другие «хрущевские» авантюры.

В 1960-е годы впервые в истории СССР появилась возможность выделять крупные средства на завершение индустриализации сельского хозяйства. В СССР были построены крупные заводы отечественного тракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения, предприятия по производству химических удобрений. Было преодолено отставание в развитии легкой и пищевой промышленности. СССР вышел на передовые позиции по развитию сельскохозяйственной науки, среднего специального и высшего сельскохозяйственного образования. За десятилетие 1961–1970 гг. в СССР сформировался индустриальный народнохозяйственный агропромышленный комплекс (АПК). Более подробно об этом говорится в монографии автора¹².

В результате индустриального развития доля городского населения увеличилась. По переписи 1970 г. численность проживающих в городах и рабочих поселках возросла по сравнению с 1959 г. почти на 20 млн и составила 80,6 млн человек. При этом численность сельского населения уменьшилась до 49,3 млн человек, или на 6,8 млн человек. Сокращение сельского населения гораздо меньше, чем прирост городского населения. Это объясняется следующими обстоятельствами. Вследствие улучшения социальных условий жизни на селе в 1961–1970 гг. молодые кадры после окончания учебы в городах стали возвращаться в сельскую местность.

В 1965–1970 гг. годовой объем производства продовольственных продуктов в сельском хозяйстве увеличился на 20%. С учетом наличия личного подсобного хозяйства рост индустриального производства в сельском хозяйстве был недостаточен для решения продовольственной проблемы. При анализе результатов развития продовольственного рынка в СССР следует учитывать большой социальный и экономический эффект от проведения социально ориентированной ценовой политики. Бесспорным плюсом этой политики было

12. Амосов А.И. Исследования спиралей эволюции российской экономики и социального устройства. М.: Политическая энциклопедия. 2016. С. 116–123.

отсутствие инфляции благодаря сохранению в течение десятилетий стабильных доступных цен на продовольственные товары массового спроса. Но с экономической точки зрения установление социально ориентированных государственных розничных цен на продукцию животноводства обуславливало сохранение низких закупочных цен на продукцию животноводства. Производство мяса и молока во многих сельхозпредприятиях приносило убытки. Для возмещения убытков от животноводства приходилось выплачивать сельхозпредприятиям дотации из государственного бюджета.

К этому добавлялась проблема искусственного дефицита мяса и колбасы по заниженным социально ориентированным ценам. Цены на продовольственные товары в государственной розничной торговле устанавливались на уровне доступности для лиц с минимальной гарантированной заработной платой. Наряду с государственной розничной торговлей существовали кооперативные магазины и так называемые «колхозные» рынки. На самом деле «колхозные» рынки находились в ведении местных властей и колхозы на них имели такие же права, как и любой продавец, заплативший за место на рынке. Главная особенность колхозных рынков состояла в том, что цены на них устанавливались чисто рыночным путем на уровне равновесия цен спроса и цен предложения. Колхозы и совхозы обязаны были реализовать большую часть мяса, молока и некоторых других продуктов в рамках государственного задания по государственным закупочным ценам, установленным с учетом запрета на повышение розничных цен в государственной розничной торговле.

Следует отметить, что в розничной торговле, наряду с прейскурантными ценами по ограниченному перечню продовольственных товаров, существовал широкий круг продуктов (овощи, фрукты, яйца и т.д.), цены на которые устанавливались городскими торговыми организациями под контролем городских органов исполнительной власти. При наличии различных каналов реализации мяса создавался дефицит замороженного мяса в магазинах за 2 руб./кг при том, что на кол-

хозных рынках в любом городе можно было свободно купить парное мясо за 4–5 руб./кг. При низких ценах на билеты для проезда в железнодорожном транспорте было выгодно ездить в Москву за двухрублевым мясом не только на электричке из Рязани, но и на поезде из Саратова.

Главной причиной недостатка средств для развития села, сельского хозяйства и связанных с ним отраслей являлось отсутствие публичности в распределении бюджетных средств. Селу, сельскому хозяйству и гражданскому машиностроению отводилась второстепенная роль, в то время как расходы военно-промышленного комплекса были непомерными и бесконтрольными. В условиях холодной войны объективно требовалось создавать средства обороны государства. Проблема заключалась в полном отсутствии экономических обоснований при принятии стратегических решений и в бесконтрольном растрачивании средств на проекты военно-промышленного комплекса. Есть основания полагать, что при экономическом обосновании расходов на гонку вооружений и на космонавтику можно было бы высвободить вполне достаточные материальные ресурсы и денежные средства для подъема села и для решения многих других проблем.

По экономической реформе 1965 г. предприятия сельского хозяйства находились в неравном положении к предприятиям и организациям промышленности и других отраслей. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию устанавливались неизменными на 5 лет. В то же время в промышленности разрешалось повышать цены на новую продукцию. Промышленные отраслевые министерства, регистрировавшие новые образцы продукции, произвольно определяли новизну изделия. Ставили на трактор новый прибор и оформляли это как новую модель трактора. В результате цены на тракторы для сельского хозяйства возросли за пятилетие в 3 раза. В строительстве в разы увеличилась стоимость строительства животноводческих ферм. Запрет на повышение цен на продукцию сельского хозяйства в условиях роста цен на сельскохозяйственную технику при-

вел к тому, что совхозам и колхозам не хватало средств для приобретения новой техники и перехода на более производительные технологии. В итоге в 1970-х годах на смену росту сельскохозяйственного производства пришел застой.

По масштабам поддержки сельского хозяйства из бюджета СССР значительно отставал от США и стран Евросоюза. В отличие от СССР в США еще при выходе из кризиса 1929–1933 гг. получило развитие централизованное программно-целевое планирование. Оно отличалось от советского планирования разработкой и соблюдением законов, направленных на развитие и поддержку семейного фермерского сельского хозяйства. В 1933 г. в США был принят закон о создании государственной службы по мониторингу паритетов цен на средства производства для фермеров и на фермерскую продукцию. Эта служба успешно функционировала до конца 1970-х годов. В 1933 г. в США был принят стратегически важный закон об «эффективной собственности». Этим законом дезавуировалось понятие частной собственности на средства производства, включая земли сельскохозяйственного назначения. Формально фермерская земля оставалась в собственности фермера. Но права фермера в использовании земли строго ограничивались. Фермер обязан был вести эффективное хозяйство по производству сельскохозяйственной продукции. Если фермер утрачивал возможность эффективного производства, он имел право продать ферму вместе с землей. При этом фермер не имел права передать землю по наследству бесплатно кому-либо. Сын фермера имел право купить ферму отца в первую очередь лишь при условии сдачи экзаменов на умение вести фермерское хозяйство.

Программно-целевое планирование в США достигло расцвета в 1960-х годах. Функции Госплана в США выполняет законодательный орган власти в лице Конгресса. В 1960-х годах на комиссиях Конгресса публично обсуждались все целевые программы и проекты дороже 1 миллиона долларов, начиная от программ по сохранению паритетов цен и стро-

ительства сельских школ и кончая программами полета на Луну и освоения месторождений нефти на Аляске.

В СССР вместо процедур публичного обсуждения стратегических вопросов с участием компетентных представителей научно-экспертного сообщества по-прежнему использовались методы распределения средств по принципу «близости к телу Первого лица в государстве». В период завершения индустриализации сельского хозяйства оно по-прежнему оставалось в положении второсортной отрасли народного хозяйства. То же самое можно сказать и о созданных в начале 1960-х годов крупных заводах сельскохозяйственного машиностроения. Сельхозмашиностроение имело второстепенный статус по сравнению с машиностроительными министерствами военно-промышленного комплекса. На практике это проявлялось в разных формах. Например, при производстве зерноуборочных комбайнов официально запрещалось использовать качественные марки стали. Использование некачественного металла и низкое качество технологических линий на комбайновых заводах приводило к тому, что новые комбайны, поступавшие в сельхозпредприятия, приходилось буквально в полевых условиях заново собирать сельским механизаторам. При этом из 3 новых комбайнов один разбирался на запасные части, используемые при сборке остальных двух.

На тракторных заводах удавалось применять технологии более высокого уровня благодаря тому, что тракторные заводы выпускали продукцию и для оборонных министерств. Например, качество отечественных тракторов для сельского хозяйства было повышено благодаря получению средств на выполнение заказов от военно-промышленного комплекса на разработку технологии изготовления гидравлики для оборонной техники. Переключение скорости на тракторе (как и на танке) без гидравлики требовало больших физических усилий. Поэтому оснащение тракторов гидравликой являлось шагом вперед в повышении качества техники.

В общем случае в СССР гражданское машиностроение не имело возможности получения средств на создание новых

моделей машин¹³. Иная ситуация наблюдалась на предприятиях военно-промышленного комплекса. В частности, в Ленинграде находился огромный Кировский завод по производству танков. При этом заводе были созданы большие конструкторские организации, имевшие доступ к получению масштабных заказов не только по танкам. В частности, в начале 1960-х годов конструкторы Кировского завода получили миллиард рублей на разработку мощного колесного трактора для транспортировки ракет. После освоения миллиарда рублей образец мощного и дорогого трактора был забракован военной приемкой. Представители ракетных войск отказались принять «Кировец» на вооружение, поскольку он оказался слишком тяжелым и не отвечал требованиям военных перевозок. Кировский завод попытался организовать реализацию тракторов «Кировец» сельскохозяйственным предприятиям, однако предприятия сельского хозяйства отказались приобретать дорогие трактора, поскольку они помимо дороговизны были слишком тяжелыми для обработки почвы. В целом приходится констатировать факт: в отличие от США, Японии, Германии и других стран полноценное гражданское машиностроение в СССР так и не было создано, поскольку все попытки его создания пресекались военно-промышленным комплексом¹⁴.

В стратегическом плане не менее важными отраслями, чем машиностроение, являются жилищное и дорожное строительство. В США, ФРГ и других странах в 1960-х годах были разработаны и осуществлены масштабные государственные

13. Об этом свидетельствует опыт отечественного автомобилестроения. За все годы советской власти так и не было выделено средств на создание отечественной новой модели легкового автомобиля.

14. В годы «перестройки» министерство, занимавшееся авиационным машиностроением, добилось включения в свой состав машиностроения для комбикормовой промышленности. В результате 11 млрд руб. на конверсию в целях создания кормового машиностроения бесследно исчезли, машиностроения для производства кормов не создали. Кировский завод в Ленинграде израсходовал огромную сумму на создание трактора на бензиновом двигателе. Установили на этот трактор цену в 10 раз больше, чем на трактор Минского тракторного завода, работавший на дешевой солярке. Поскольку никто не захотел покупать трактор с бензиновым двигателем, его выпуск отменили.

программы жилищного и дорожного строительства. В СССР из-за отсутствия стратегического мышления у малограмотного партийного высшего руководства за все годы советской власти таких программ не удалось разработать и реализовать. В отношении строительства на селе в условиях второстепенной роли, отводимой сельскому хозяйству и селу на всех уровнях власти, принимались ошибочные волонтаристские решения.

Приведем два характерных примера принятия волонтаристских решений в стратегическом планировании сельского хозяйства и села. Индустриализация животноводства в СССР осуществлялась по проектам строительства крупных механизированных животноводческих комплексов, на которых содержались несколько сотен молочных коров. Одна из проектных организаций разработала в 1960-х годах проект строительства полностью механизированных ферм для молочных коров стоимостью 3 300 000 руб. По проекту 3 млн руб. требовалось для строительства и оборудования помещений для содержания скота. Еще 300 тыс. руб. предусматривалось потратить на строительство асфальтированных подъездных дорог, площадок для складирования навоза и т.д. Для утверждения сметы проекта требовалось получить экспертное заключение в финансовых органах административного района, которому выделялись плановые бюджетные средства. Районные финансисты в стремлении получить премию за экономию бюджетных средств сократили расходы по проекту на 300 тыс. руб., сэкономят на строительстве подъездных дорог и асфальтировании территории животноводческого комплекса. В результате, через короткое время грунтовые подъездные дороги пришли в негодность, что затрудняло вывоз молока на специализированных автомобилях с цистернами. Возникли также проблемы со складированием и вывозом навоза на поля. При выгоне стада на пастбища летом коровы буквально вязли в навозе. Поскольку 300 тыс. руб. бюджетных средств, предназначенных для асфальтирования, районные власти израсходовали на другие цели, ремонт подъездных

дорог пришлось вести за счет совхоза, что привело к снижению рентабельности производства.

Второй по порядку, но не по важности, пример волюнтаризма — ликвидация малых деревень и строительство пятиэтажных «хрущевок» на центральных усадьбах сельскохозяйственных предприятий. В стратегическом плане нужна была национальная программа строительства домов со всеми удобствами для традиционных больших сельских семей. В СССР имелись огромные лесные ресурсы для создания по примеру США мощной индустрии по изготовлению коттеджей промышленным способом с тем, чтобы их можно было собрать за 2–3 дня. Для того, чтобы сельские поселения стали «перспективными», требовалось разработать и реализовать программу строительства сельских дорог. В небольших прибалтийских союзных республиках подобные программы разрабатывались и реализовывались на республиканском уровне. В результате, в Прибалтике на селе были созданы социально-экономические условия не хуже, чем в городе, а в некоторых пригородных рыболовецких колхозах и намного лучше, чем в городах. В кавказских и иных союзных республиках тоже средства для сельского строительства находились. Что же касается Нечерноземной зоны РСФСР и других регионов СССР, то там проблемы села не решались должным образом.

Проблемы города и села на современном этапе и необходимость разработки и реализации долгосрочных стратегических решений по развитию города и села

За три десятилетия постсоветского периода ситуация в городах и селах существенно ухудшилась. В городах это произошло в результате проведения деструктивной политики превращения городов в мегаполисы, в которых господствуют безработица, рост преступности и другие негативные явления. В 2008 г. по заданию правительства г. Москвы Институт экономики РАН выполнял функции головного института по

разработке проекта Стратегии развития города Москвы на период до 2025 года¹⁵. В результате совместных исследований городских и академических институтов был сделан вывод о том, что Москва превратилась в мегаполис, численность населения, размеры площади и нагрузка на экологию которого превышают разумные пределы. Исходя из этого общего вывода, была разработана следующая Стратегия развития города Москвы до 2025 г. В 2008–2025 гг. население Москвы предлагалось уменьшить примерно на 4 миллиона человек. Для этого требовалось построить на территории Московской области университетские городки и перевести туда большинство московских вузов и научно-исследовательских институтов. Предусматривался также вывод из Москвы на территорию Московской области и соседних областей крупных промышленных предприятий с соответствующим строительством жилья и объектов социальной инфраструктуры.

Подготовленный научными и проектными организациями проект Стратегии прошел обсуждение и был одобрен министерствами и ведомствами правительства Москвы во главе с мэром Ю.М. Лужковым. Основную часть инвестиций предполагалось осуществить за счет ресурсов Москвы и Московской области, однако реализация столь масштабной Стратегии предполагала также принятие решений на уровнях Российской Федерации и соседних областей. Однако впоследствии вместо одобренной прежним правительством Москвы Стратегии, выработанной с участием академических и городских институтов, было реализовано решение о резком расширении территории Москвы за счет присоединения части юго-запада Московской области. В результате был принят Закон, согласно которому с 1 июля 2012 г. площадь Москвы увеличилась в 2,4 раза, а население выросло на 250 тысяч¹⁶. В указанном Законе, в отличие от «Стратегии 2025», не предусматривалось одновременное со строительством жилья

15. В разработке Стратегии участвовало 19 институтов, принадлежащих Российской академии наук и Правительству города Москвы.

16. В 2012 году Москва войдет в десятку самых крупных мегаполисов мира. tass.ru/moskva/544173.

создание рабочих мест за пределами Москвы для работников научных учреждений, вузов и промышленных предприятий. При расширении территории Москвы на Московскую область строились высотные жилые дома с квартирами на продажу без создания там необходимых рабочих мест и социальной инфраструктуры. Таким образом, была создана тупиковая ситуация с развитием столичного мегаполиса.

Сокращение занятости в обрабатывающей промышленности, в сельском и лесном хозяйстве, в науке, образовании и в других видах деятельности привело к неблагоприятным демографическим последствиям как в сельских поселениях, так и в городах и мегаполисах. По переписи 1989 г. население РСФСР составляло 147,1 млн человек, в том числе городское население – 108,0 млн человек, сельское – 39,1 млн человек. По переписи 2010 г. население Российской Федерации уменьшилось до 143,9 млн человек, в том числе городское население составляло 105,3 млн человек, сельское – 37,6 млн человек.

За приведенными выше общими показателями скрываются негативные процессы отрицательного естественного прироста населения, высокого миграционного прироста населения в городах, обезлюдения сельских поселений и т.д. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации насчитывалось 1100 городов, а также 1286 поселков городского типа. К последним в действующей статистике относятся рабочие, курортные, дачные поселки и поселки закрытых административно-территориальных образований. Все остальные населенные пункты считаются сельскими. Общее количество сельских населенных пунктов в стране, по итогам переписи 2010 г., составило 153125, из которых в 19439 сельских населенных пунктах постоянное население отсутствовало (12,69% от общего числа сельских поселений)¹⁷. В последующее десятилетие негативные процессы усилились.

17. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 1. Численность и размещение населения. komi.gks.ru/vprn2010.

Пандемия 2020 г. привела к тому, что социально-экономический кризис принял глобальный характер. В историческом плане при выходе из подобных глобальных кризисов возможны не только негативные последствия, но и обновление системы управления и базовых видов деятельности. Есть основания полагать, что восстановление экономики и социальной сферы следует осуществлять на основе возвращения аграрной сфере и сельскому хозяйству главной роли в воспроизводстве населения, в соблюдении приоритета цивилизационного развития с сохранением генофонда наций, бережным отношением к природной среде, соблюдением требований экологического земледелия и животноводства. В сельской местности необходимо создать лучшие условия жизни, чем в городах и мегаполисах. Для этого по позитивному опыту США требуется перейти на программно-целевое планирование строительства сельских дорог, сельских школ, коттеджей для сельских семей и т.д.

Для развития городов необходимо отказаться от создания мегаполисов и строительства высотных домов. В соответствии с позитивным опытом XX века целесообразно перейти на одноэтажную и двухэтажную застройку городских поселений с целью обеспечения условий для создания полноценных семей. Развитие городских поселений возможно лишь на базе создания рабочих мест для городских жителей.

В сельской местности требуется осуществить масштабные преобразования, связанные с восстановлением экологически чистого земледелия и животноводства на базе создания миллионов семейных фермерских хозяйств. В ходе либеральной «гайдаровско-ельцинской» реформы сельского хозяйства 1992 г. десятки тысяч индустриальных сельскохозяйственных предприятий были ликвидированы и преобразованы в акционерные общества открытого и закрытого типа, а также в товарищества с ограниченной ответственностью. Земли совхозов и колхозов разделили на 12 миллионов земельных паев по числу работников сельской местности. Декларировалось, что наиболее способные механизаторы и специалисты сельского хозяйства смогут заниматься фермерством.

Однако механизаторы и специалисты колхозов и совхозов не имели ни образования, ни денежных и материальных средств для организации фермерского хозяйства¹⁸. Декларации о создании фермерских хозяйств не были подкреплены разработкой соответствующей национальной программы. Между тем для создания миллионов фермерских хозяйств требовалось обеспечить каждого фермера трактором и другой техникой и оборудованием. Другими словами, требовалось на порядок увеличить объемы производства сельскохозяйственного машиностроения. Вместо этого заводы сельскохозяйственного машиностроения были остановлены. Произошло это в результате гиперинфляции в 1000%, разразившейся в 1993 г. из-за либерализации цен.

Развитие агропромышленной интеграции в России предполагает создание заново отечественного машиностроения для сельского хозяйства, для кормовой и пищевой промышленности, для транспортировки и хранения сельскохозяйственной продукции. В настоящее время гражданское машиностроение России требуется восстанавливать одновременно с его обновлением с учетом необходимости выпуска техники для фермерских хозяйств. Россия сейчас вновь стоит перед стратегическим выбором: должны ли мы по примеру США и других развитых стран создавать высокоразвитое гражданское машиностроение, включая машиностроение для агропромышленного комплекса, и уже на базе технологий гражданского машиностроения создавать производственные мощности для оборонного машиностроения либо мы принесем гражданское машиностроение в жертву коррупции в военно-промышленном комплексе, а также в сырьевых и иных корпорациях.

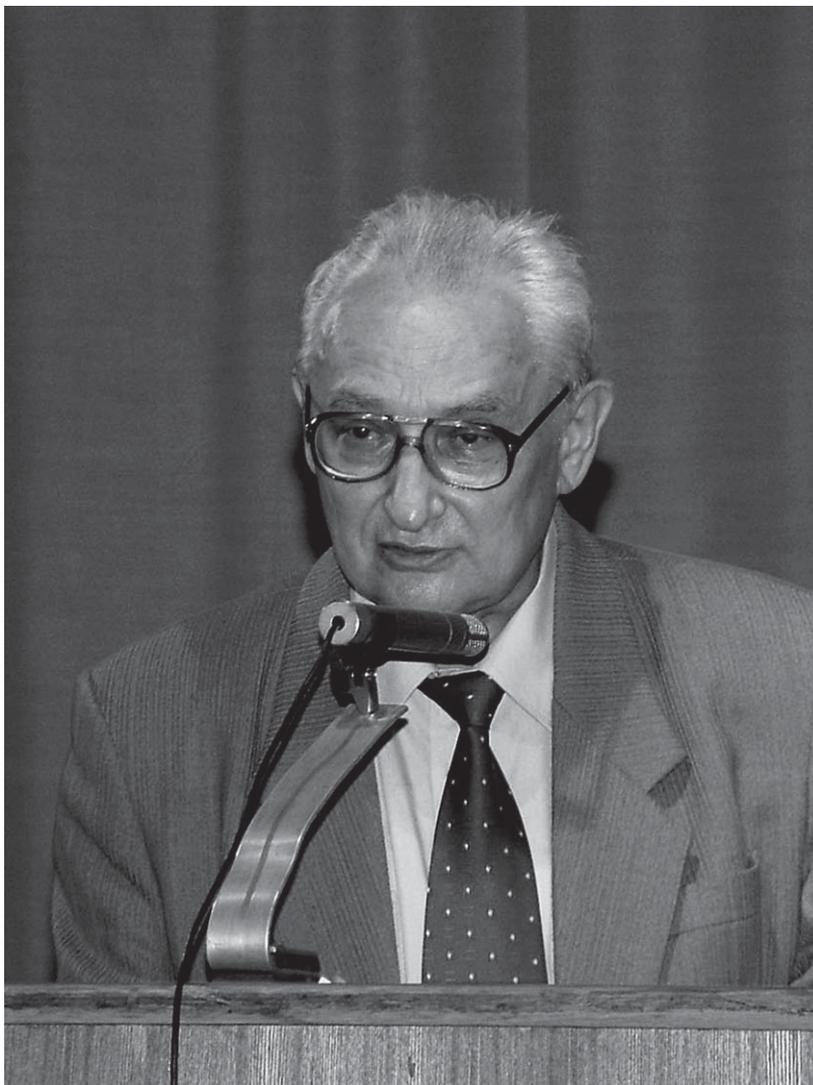
18. Средний уровень образования американского фермера в 1960-х годах составлял 15 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы экономической науки в трудах С.Г. Струмилина. К 100-летию со дня рождения М.: Наука. 1977.
2. Амосов А.И. Исследования спиралей эволюции российской экономики и социального устройства. М.: Политическая энциклопедия. 2016.
3. Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние два столетия: Закономерности социального и экономического развития. М.: Издательство ЛКИ. 2009.
4. Никифоров Л.В. Социально-экономическая интеграция города и села. (содержание, цели, пути, условия) / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука. 1988.
5. Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука. 1976.

ПАМЯТИ
Л.В. НИКИФОРОВА

Лев Васильевич Никифоров

Т.Е. Кузнецова

доктор экономических наук

А.М. Никулин

к.э.н., директор Центра аграрных исследований РАНХиГС

Л.В. НИКИФОРОВ: ЭКОНОМИСТ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ¹

Лев Васильевич Никифоров прошел в Институте экономики РАН (АН СССР) путь от младшего до главного научного сотрудника, руководителя Центра, доктора экономических наук.

После окончания в 1958 г. экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и работы по распределению в Госплане Коми АССР, он в 1960 г. был принят в Институт экономики АН СССР в сектор «Общих проблем политической экономии социализма», возглавляемый Я.А. Кронродом, став сотрудником одного из самых творческих научных коллективов Института и помощником («младшим») В.Г. Венжера, неформального лидера прогрессивного крыла советских аграрников. Венжер в своей работе опирался на практические исследования реальной обстановки в сельском хозяйстве страны и теоретические политико-экономические исследования, проводимые под руководством Я.А. Кронрода.

Вот как характеризовал Л.В. Никифоров своих выдающихся учителей – В.Г. Венжера и Я.А. Кронрода.

1. В основе статьи материалы доклада «Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности» (М., Институт экономики РАН, 2014), подготовленного авторами к 80-летию Л.В. Никифорова.

О Венжере: «Обычно о В.Г. Венжере говорят как о крупном политэкономе-аграрнике, но это не точно. Диапазон его научной работы был значительно шире. В.Г. Венжер обладал даром научного работника, способностью анализа и обобщения событий, происходивших в стране, и, будучи самобытным ученым, критически (отрицательно) относясь к реализовавшимся способам и результатам социально-экономического переустройства общества, разработал собственную концепцию его более целесообразных путей. Его взгляды по аграрным проблемам, в разработку которых он внес огромный вклад, были органической частью этой концепции. С конца 60-х годов и вплоть до второй половины 80-х годов В.Г. Венжер неустанно обвинялся в товарно-рыночных грехах, обосновании перехода от централизованного планирования к рыночному регулированию, принижении роли государства и государственной собственности и т.п.»².

О Кронроде: «Я.А. Кронрод в исследованиях выделял системность и последовательное их углубление. В результате, исследуя советскую систему, когда она еще понималась им как социалистическая, была достаточно сильна, раскрывая ее сильные и слабые стороны (а были и те, и другие), он в конечном счете (к началу 1970-х гг.) научно доказал несоциалистическую сущность, объективную историческую несостоятельность этой системы, ее незакономерность и неизбежность краха. Это был итоговый научный вывод. Работы Я.А. Кронрода отличались нетрадиционностью авторских постановок и позиций. Не удивительно, что каждое его выступление вызывало большой интерес и многочисленные разноречивые отклики. Примечательно то, что эти отклики в своем большинстве носили острокритический и даже разносный характер, независимо от того, исходили ли они от представителей некоторых научных «школ» и групп или партийно-государственных идеологических органов. Это означало, что

2. Стенограмма расширенного заседания Ученого совета Института экономики РАН. 25 февраля 1999 г.

научные взгляды Я.А. Кронрода не устраивали ни большинство собратьев по цеху, ни блюстителей чистоты официальной идеологии»³.

Творческая научная атмосфера кронродовского сектора, практическая работа, связанная со сбором и обобщением материалов по колхозам и совхозам, личные впечатления от командировок в различные регионы страны обусловили принцип научной работы Никифорова, заключающийся в доведении анализа и обобщения хозяйственной и социальной практики до получения теоретических выводов, а затем использования полученных теоретических положений для оценки ситуации в стране и поиска путей ее дальнейшего развития.

Его самостоятельная исследовательская работа началась с изучения существовавших в стране противоречивых отношений собственности: анализа характера общественного производства, экономических интересов, формирования типов экономических связей, относительной обособленности звеньев хозяйства, хозяйственного расчета. Он выделил как наиболее интересную для себя тему – негосударственное хозяйство, представленное в то время прежде всего колхозным сектором, основой которого должны были стать, по его мнению, реальные кооперативные начала. Никифоров раскрыл политико-экономическое содержание кооператива как «особого социально-экономического явления, возникшего и развивающегося на основе группового единства и общности присвоения средств производства и продукта труда... Кооперативной форме собственности присуще внутреннее противоречие: для обеспечения равного группового присвоения каждый коллектив ставит себя в обособленное положение по отношению ко всем остальным коллективам и обществу в целом. В результате кооперативные отношения как бы распадаются по двум линиям, во-первых, отношения,

3. Никифоров Л.В. Яков Абрамович Кронрод / Я.А. Кронрод в прошлом и настоящем. М.: ИЭ РАН. 2014. С. 10.

возникающие внутри кооператива, т.е. в пределах группового обобществления средств, и, во-вторых, отношения, возникающие между обособившимися собственниками. Порождаемые существом групповой собственности... эти линии кооперативных отношений взаимосвязаны и взаимообусловлены... Реализация этих взаимосвязей определяет тенденции развития, заложенные в самой кооперативной форме»⁴, наиболее пригодной для колхозов.

Эти и другие положения, относящиеся к сельской сфере и обоснованные Никифоровым, легли в основу его кандидатской диссертации. Свойственная диссертанту научная основательность и отсутствие стремления к карьерному росту привели к тому, что, проработав в Институте экономики АН СССР восемь лет, имея много публикаций, докладов, обоснованных предложений и других работ, он только в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Кооперативно-колхозное производство в системе социалистических отношений». Исследование было настолько серьезным и актуальным, что члены диссертационного совета говорили о возможности присуждения соискателю докторской степени.

На присуждение научных степеней Никифоров имел собственный взгляд. Он считал, что степени должны присуждаться по совокупности проведенных исследований, числу опубликованных работ и их качеству. На такой основе со списком работ по теме, насчитывающих 69 наименований, осуществленных за 20 лет (1983–2003), из них три крупные индивидуальные монографии, он только в 2004 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Тенденции общественного развития и трансформация российского общества».

4. Никифоров А.В. Рукопись. Кооперативно-колхозное производство в системе социалистических отношений. Институт экономики АН СССР. Москва, 1968. С. 70–71.

Годы противостояния

Индивидуальных монографий у Никифорова могло быть больше, по меньшей мере, на одну. Однако в конце 1960-х гг. книга «Кооперативно-колхозное производство в системе социалистических отношений» почти в 15 п.л., подготовленная им на основе работы над кандидатской диссертацией, оказалась неопубликованной. Работа была возвращена издательством «Наука» в Институт в связи с отрицательными отзывами на нее рецензентов — работников ЦК КПСС и бдительных коллег-аграрников. Автор обвинялся в идеологических ошибках, о чем свидетельствуют рецензии трех рецензентов, назначенных редакцией. Причем подписаны были только две из них, один рецензент остался инкогнито.

Представляется, что для истории интересно напомнить, каким был характер замечаний в период «развитого социализма». В сопроводительном письме из издательства «Наука» от 27 июня 1969 г., подписанном главным редактором Главной редакции общественно-политической литературы В.И.Зуевым и направленном Директору Института экономики АН СССР, члену-корреспонденту АН СССР Л.М. Гатовскому, говорится: «Глубокоуважаемый Лев Маркович! Возвращаем Вам рукопись Л.В. Никифорова «Кооперативное производство в системе социалистических отношений» с тремя отрицательными отзывами. Считаем, что в данном виде работа издана быть не может».

Первый отзыв был подписан П. Игнатовским, тогда работником аппарата ЦК КПСС, членом редколлегии газеты «Известия», по мнению которого, «избрав в качестве стержня своего анализа обособленность колхоза, автор пошел по линии ее преувеличения. Такой подход пронизывает все исследование, а он противоречит марксистско-диалектическому методу общественного развития». Главная идея второго, не подписанного, отзыва заключалась в том, что «через всю рукопись проводится мысль о том, что на экономику колхозов государство может оказывать воздействие

лишь через товарно-денежные отношения, что это единственная форма экономических связей колхозов с обществом. В этом, по мнению автора, принципиальное отличие регулирования колхозного производства от государственных предприятий, вытекающее из природы кооперативной собственности. Л.В. Никифоров вовсе даже не рассматривал возможности сочетания в планировании конкретных прямых показателей и стоимостных рычагов. По мнению автора, общество вообще не может доводить колхозам прямые показатели по отдельным продуктам и пр., как это делается для государственных предприятий. Такое планирование, как считал Л.В. Никифоров, противоречит природе колхозного строя, на колхозы государство может оказывать воздействие лишь через регулирование цен и других стоимостных рычагов». Третий отзыв, подписанный доктором экономических наук И.Ф. Суловым, в то время работником Академии общественных наук при ЦК КПСС, состоял из 24 пунктов замечаний. Первым и принципиальным был следующий: «В рукописи крайне нечетко изложен и обоснован механизм, обуславливающий социалистическую природу кооператива в условиях диктатуры пролетариата и капиталистическую природу кооперации в условиях буржуазного способа производства. Это одна из центральных проблем данной темы. Без уяснения данного вопроса и четкого изложения книгу вряд ли правомерно пускать на выход в свет в современных условиях».

Характер отношения рецензентов к тексту просматривается и на основе красноречивых замечаний, оставленных на полях двумя известными и одним безвестным критиком: «принижение колхозов!»; «поклеп на колхозы!», «подрыв реформы!» (имеются в виду решения мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г.), «отрицается подъем колхозов!», рассматривается «отношение к капиталистической кооперации без оговорок!» и т.п. Примерное содержание подобных критических отзывов легко восстанавливается по состоянию тогдашней партийной печати, где также упоминалась фамилия

Л.В. Никифорова⁵. Неудивительно, что его книга не увидела свет, а сам автор был сурово наказан.

Чтобы далее стала ясна суть дела, необходимо сделать некоторое отступление. Никифорову всегда была свойственна активная гражданская позиция, которая в равной мере проявилась как в научной работе, так и в общественной жизни. Принципиальность, доброжелательное отношение к людям, помощь им, когда этого требовали обстоятельства, в том числе и защита от сильных мира сего, вызывали ответное уважение к нему в Институте. Это привело к тому, что в непростые времена конца 1960-х—начала 1970-х годов (нападки на творческую мысль, поиск скрытых ревизионистов, чехословацкие события и т.п.) Никифоров был избран в партийное бюро Института экономики вначале членом, а затем и секретарем.

Времена, действительно, были сложные, особенно для сектора Кронрода, поскольку самого руководителя и его сотрудников обвиняли в рыночных пристрастиях. Обвинителями выступали партийные органы с подачи некоторых научных работников и преподавателей, среди которых особенно усердствовали сотрудники кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, возглавляемой доктором экономических наук Н.А. Цаголовым.

Труды деятелей закулисья не пропали даром, и решением ЦК КПСС от 21.12.1971 г. «О работе партийной организации Института экономики Академии наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» был учинен разгром рыночного направления в экономической науке. Этот разгром, в конечном счете, закрыл возможные альтернативные рыночные направления социально-экономического развития страны. Действительно, основные выводы справки заключались в том, что согласно концепции кронродовского сектора:

5. См.: Итоги и перспективы. Сельское хозяйство после мартовского Пленума ЦК КПСС. М.: Издательство политической литературы, 1967.

«а) социализм в СССР и вообще представляет собой строй социально-экономического неравенства; б) у нас сохраняется еще эксплуатация; в) у нас нет основы для морально-политического единства народа; г) у нас нет основы для дружбы народов; д) у нас нет, и долго еще не будет материальной базы для зрелого развитого социализма». Все это по тем временам была страшная крамола, но в то же время стало и новым пониманием социализма, попыткой сначала теоретически сформулировать, а затем найти решения поставленных вопросов.

Вот как об этом времени писал Никифоров, вспоминая декабрь 1971 г. и время выхода решения ЦК КПСС «О работе партийной организации Института экономики Академии наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве»: «В аппарате ЦК КПСС посоветовали партийной организации Института экономики АН СССР развернуть и возглавить критику ошибочных положений Я.А. Кронрода. Однако спец-критика развернута не была, шла обычная научная полемика. «Критика» в полном объеме прозвучала при обсуждении работы Института экономики на секретариате ЦК КПСС. Там были вскрыты «крупные теоретико-идеологические ошибки», установлен набор недостатков самого разного толка. В критике активное участие приняли некоторые члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, крупные партийные работники и ряд директоров институтов Академии наук. Персонально главным объектом разносной критики стал Кронрод. В русском языке оказалось мало падежей, чтобы «от души» просклонять эту фамилию. В порядке выполнения Постановления ЦК КПСС сектор политэкономики, возглавляемый Кронродом, был ликвидирован. Сам ученый стал исполняющим обязанности старшего научного сотрудника, возможности ведения им научной работы были урезаны. Сотрудников сектора перевели в другие подразделения, некоторые ушли из Института, который основательно пополнился идеологически проверенными кадрами антирыночного

толка. (Кстати сказать, эта команда ненадолго задержалась в Институте, многие не прижились в нем, а другая часть ассимилировалась в среде товарников, утратив идеологическую чистоту)»⁶.

Кронрод, в итоге всех перипетий, получив тяжелейший инфаркт, очень беспокоился о моральном и физическом состоянии Никифорова. Он писал из больницы: «Очень обеспокоен тем, как обстоят дела у Л.Н., которому вынесли партийный выговор и не утвердили старшим, переводя в аграрный отдел — к одному из твердокаменных столпов, а точнее «столбов» аграрной научной мысли скалозубовского типа... Насчет войны Л. — это неизбежно, но может быть не так плохо, лишь бы это не помешало его утверждению»⁷.

Никифоров, защищая научное направление Кронрода и разработки сектора, противостоял сложившемуся на секретариате ЦК КПСС общественному осуждению и реальным угрозам, прозвучавшим от присутствующих коллег-ученых и членов ЦК КПСС. Получив строгое партийное взыскание, он несколько лет не утверждался в должности, оставаясь исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. Что касается научной работы, то и в ней он не сдал активных позиций, правда, уже в отделе аграрных проблем, состоящем из основных ретроградов Института. Публиковать работы стало не только сложно, а зачастую просто невозможно.

Следует отметить поведение и отношение к происходящему пришедшего в 1971 г. в Институт в связи с его реорганизацией нового директора Евгения Ивановича Капустина. Направленный в Институт для принципиального исправления утерявшей «идеологическую чистоту» части сотрудников Института, он поначалу сурово отнесся к «провинившемуся» Никифорову. Это не было удивительно, на Секретариате ЦК Евгений Иванович и Лев Васильевич держали ответ, стоя по разные стороны баррикад. Первый, став директором,

6. Кронрод в прошлом и настоящем. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 19.

7. Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода. СПб: Нестор-История. 2012. С. 119–120.

обещал решительным образом искоренять идеологические и прочие ошибки, второй пытался объяснить, что для науки естественно различие позиций и взглядов, разное понимание многих вопросов и, соответственно, научные дискуссии.

Прошло не более двух лет, и следует отдать должное Евгению Ивановичу, он, узнав и оценив Льва Васильевича как ученого, руководителя, благородного и порядочного человека, назначил его заведующим сектором, и более того, стал выступать ответственным редактором всех крупных работ и самого Никифорова, и коллективных работ сотрудников его сектора. Многие работы Никифорова выходили только благодаря бравшему на себя ответственность Е.И. Капустину.

О дискуссиях советского времени и их значении для современности

Одной из первых работ, ответственным редактором которой стал Е.И. Капустин, была коллективная монография «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней»⁸, опубликованная в 1976 г. в издательстве «Наука». В этой работе к главам Никифорова, составляющим основную часть книги, у издательства оказалось много претензий (еще были памятли решения Секретариата ЦК КПСС об институте и возвращение автору из издательства ранее упоминавшейся монографии). Хотя эти главы урезались и «поправлялись», но все-таки работа вышла. Ценность книги состояла в том, что в ней была представлена разработанная Никифоровым концепция аграрного развития страны. Согласно этой концепции, главная стратегическая перспективная линия развития села и города как крупнейших общественных структур заключается в постепенном все большем ослаблении их производственной и социально-экономической обособленности, возникновении и поэтапном углублении много-

8. Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука, 1976.

аспектной интеграции города и села. Никифоров в этой работе писал о широко ныне признанном и наблюдаемом в мире направлении общественного развития – интеграционных тенденциях и процессах, которые, по его мнению, выражают основную закономерность всего общественного прогресса: возрастание и усложнение общественных связей, развитие различных сторон реального обобществления, усиление цельности российского общества при одновременном усложнении его внутренней структуры. В концепции утверждалось, что интеграция является базой сохранения и возрастания позитивных особенностей сельского и городского потенциалов и на этой основе – умножения совокупного потенциала общества.

Проблемы города и деревни были основной темой исследований Никифорова почти до конца 1980-х годов, т.е. до самой перестройки. Их итогом стали его монография «Социально-экономическая интеграция города и села. (Содержание. Цели. Пути. Условия.)»⁹ и ряд коллективных работ сотрудников руководимого им сектора.

Концептуально эти работы исходили из необходимости процесса постепенного преодоления социально-экономических различий между городом и деревней, создания общественно равных социально-экономических условий труда и жизни работников города и села, обеспечения возможностей использовать преимущества городской и сельской сфер для экономики страны и всего ее населения. Параллельно интеграционным сельско-городским разработкам Института экономики АН СССР, возглавляемым Никифоровым, в Новосибирске под руководством Т.И. Заславской исследовались проблемы деревни как относительно самостоятельной подсистемы общества¹⁰.

9. Никифоров Л.В. Социально-экономическая интеграция города и села. (Содержание. Цели. Пути. Условия) / Отв. ред. Е.И. Капустин. М: Наука, 1988.

10. Заславская Т.И. Сельский сектор СССР как объект долгосрочного прогнозирования. Новосибирск, 1978. На правах рукописи; Развитие сельских поселений. М: Статистика, 1977; Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука, 1980 и др.

Оба подхода дискутировались в научной литературе, что дало основания недобросовестным критикам не только порочить и тот, и другой подходы, но и сталкивать их, критикуя Заславскую с позиций Никифорова, и наоборот. При этом Никифоров обвинялся в урбанистических наклонностях, а Заславская — в подходах, направленных на уничтожение российской деревни¹¹.

Между тем, на протяжении нескольких лет разрабатывался совместный проект Академии наук СССР и Государственного Комитета СССР по науке и технике «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2000 г.», в котором том 23 назывался «Социальные проблемы развития аграрного сектора СССР», ответственность за разработку и качество материалов которого несли Т.И. Заславская и Л.В. Никифоров.

Этот том представлял собой развернутую комплексную программу социально-экономического развития села, обеспечивающую, по замыслам исполнителей, в конечном счете, «достижение равенства социально-экономических характеристик уровня, условий и образа жизни городского и сельского населения». Объемный документ, охватывающий практически все стороны развития российского села в долгосрочной перспективе, в котором оба подхода не только уживались, но и дополняли друг друга, был подписан двумя председателями Комиссии — член-корр. АН СССР Т.И. Заславской и к.э.н. Л.В. Никифоровым¹². В результате, несостоятельной оказалась затея мало сведущих и недоброжелательных кри-

11. См.: *Салуцкий А.* «Сценарий будущего» и его судьба // *Московская правда*, 1989. Еще одним активным обвинителем был В.И. Староверов. Т.И. Заславская говорила: «Институт социологии представлялся мне каким-то зараженным. Для меня было достаточно того, что там работал В.И. Староверов». cdclv.unlv.edu/archives/interviews/zaslavskaya/html.

12. Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2000 г. Материалы, обоснования и расчеты к сводному документу. Т. 23. Социальные проблемы развития аграрного сектора СССР. Москва, январь 1979 г. ДСП. Объем 31,25 п.л.

тиков раздуть научную дискуссию в громкий скандальный инцидент.

Впрочем, проблема взаимоотношений деревни и города вечна как мир и, конечно, не исчерпывается дискуссионными событиями 1970-х годов в научно-политической среде советских экономистов, социологов и географов. Актуальной эта проблема остается и в наши дни, тем более, что современная сельская Россия испытывает серьезные социально-экономические трудности, и как результат в настоящее время в российской научной и политической среде все чаще говорят уже не только о феномене неперспективных деревень, но также и о расширении целых ареалов депрессивных, неперспективных территорий.

Причины так и не преодоленных и даже возрастающих российских сельско-городских противоречий часто кроются в продолжающемся элементарном непонимании многими представителями российской власти и науки специфики сельского жизнеустройства. Именно здесь как никогда актуальными остаются идеи, высказанные Никифоровым о значении крестьянства для исторического и современного развития российского общества: «Крестьянство — особая широкая социальная общность, в определенной мере социально дифференцированная, и в то же время достаточно целостная... Крестьянство — не один из классов, присущих меняющимся формациям. Крестьянство — общность надформационная — субъект общей сельской системы... Непонимание основными социально-политическими силами в России... природы крестьянства и его воспроизводимости как социальной общности, особенностей борьбы в стране аграрного и индустриального факторов обусловило ошибочность выводов о судьбах крестьянства, о перспективах общественного развития страны, со всеми вытекающими последствиями»¹³.

13. Никифоров А.В. Тенденции общественного развития и трансформации российского общества. М.: 2004. С. 77–78.

Примерно в то же время, когда Никифоровым были написаны эти строки, его давний друг, коллега и оппонент Т.И. Заславская также высказала глубокую тревогу в связи с тем, что и в современной постсоветской России продолжается упорное игнорирование проблем специфики сельского развития: «Политическая проблема взаимоотношений города и деревни в современной России не решена, не решается и сколько-нибудь серьезно не ставится. Значительной части сельской России предоставлен нелегкий выбор: либо выживать без какой-либо надежды на помощь, по принципу «спасение утопающих — дело самих утопающих»; либо следовать не менее известному совету: «не трать, куме, силы, та иды на дно». Многострадальное, но все еще многомиллионное крестьянство, на труде, крови и костях которого осуществлялись индустриализация и урбанизация советского общества, в наше время вновь брошено на произвол судьбы. Умирают или уходят с насиженных мест жители слабо заселенных сельских районов, замирает жизнь в относительно небольших поселениях, сжимается вся Российская ойкумена, границы которой искони поддерживались и расширялись крестьянами. Параллельно идет и другой процесс: наиболее плодородные, экологически чистые и пригородные земли переходят в руки крупного городского капитала... Проблема остается по-прежнему острой, поскольку городская часть нашего общества продолжает эксплуатировать его сельскую часть»¹⁴.

Впрочем, Никифоров и Заславская ни в советское, ни в постсоветское время никогда не были последовательными пессимистами, часто живя и работая в духе поговорки, приписываемой И. Канту: «Никогда не поздно дать делу правильный ход, только надо помнить, что со временем это становится сделать все труднее и труднее». Именно они в своих работах подчеркивали, что в условиях многоукладной и многорегиональной России всегда можно обнаружить и позитивные

14. Заславская Т.И. Избранные произведения. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007. С. 311.

перспективы аграрного роста и сельско-городского взаимодействия, о чем и свидетельствуют некоторые положительные примеры современного сельского развития страны, например в Белгородской области, где, кстати, еще в советское время пришлось поработать Никифорову и его коллегам. Именно на землях Белгородчины сейчас реализуется впечатляющая программа органического взаимодействия города и села на основе последовательного развития потенциала многоукладной сельско-городской экономики, стремящейся сохранить и приумножить роль крестьянского образа жизни в современных условиях¹⁵.

Между тем, в нашем изложении творческой биографии Никифорова мы невольно заглянули в современный период, до конца не охарактеризовав времена, ему предшествующие. Например, того, что происходило тогда, когда уже начинались перемены в стране.

В 1989 г. группа советских экономистов, социологов и журналистов, в которой, в том числе, были Л. Карпинский, Г. Лисичкин и Л. Никифоров, участвовала в международном форуме, проходившем в Белграде. К тому времени каждый из них уже имел негативный с точки зрения власти послужной список, открывшийся еще в середине 1960-х годов и содержащий критику государственной экономической политики вообще и аграрной политики в частности. Л. Карпинский после вторжения советских войск в Чехословакию написал статью «Слово – тоже дело», которая была изъята КГБ; Г. Лисичкин был известен своей книгой «План и рынок», Л. Никифоров – партийным выговором за идеологические ошибки.

В Югославии каждый из них в выступлениях раскрывал свои взгляды, во многом не совпадавшие с официальными позициями. В частности, Никифоров доказывал, что глобальный кризис характерен не только для Советского Союза, но и для всего мирового социализма. Возвратившись на родину,

15. См.: Никулин А. Миссия крестьянства и обязанности государства // Крестьянские ведомости. 12.12.2009.

они получили жесткую отповедь в газете «Правда». Но наступали другие времена и такого рода «критика» не получала широкой общественной поддержки.

Перестроечный период

Перестройка вызвала к жизни интерес к кооперации как производственной форме, с помощью которой на основе привлечения к хозяйственной инициативе населения страны можно было бы решить накопившиеся проблемы выдыхающегося и заходящего в тупик советского хозяйства. Никифоров, исследовавший кооперативные отношения еще на первых этапах своей научной деятельности, с большим интересом воспринял возможность вернуться к разработке кооперативных идей на новом сложном витке состояния экономики. Представлялось, что для успеха важна убедительная проработка накопленного во многом негативного опыта колхозов и советской потребкооперации, но и возможность использовать позитивный исторический российский пример развития кооперации и ее достижений в период НЭПа, а также удачный опыт развития кооперации ряда стран, входивших в мировую систему социализма.

В условиях перестройки и развития в стране рыночных отношений Институт экономики активно участвовал в написании закона о кооперации, а сектор Никифорова превратился в один из центров поддержки новой кооперации, вокруг которого концентрировались первые кооперативные энтузиасты. Научная жизнь кипела, постоянно собирались круглые столы, организовывались дискуссии, конференции, обсуждались возникающие экономические и социальные проблемы развития кооперативных форм, писались письма в руководящие инстанции о поддержке отдельных видов кооперации, осуждались власти в тех местах, где сдерживалось развитие кооперативов, и т.п.

Становление кооперации в стране и разработку кооперативных идей в рамках Института активно поддерживал

его новый директор — академик РАН Леонид Иванович Абалкин. Он участвовал в заседаниях, передавал в сектор просьбы и пожелания, с которыми обращались к нему как кооператоры, так и их противники, дав полный карт-бланш сотрудникам никифоровского сектора способствовать решению многих вопросов, связанных с развивающимся кооперативным движением¹⁶.

Между тем, Никифоров как исследователь, уже на заре зарождающейся в стране перестройки и кооперативного движения и исходя из опыта работы первых кооперативов и деятельности кооператоров, предостерегал от возможных угроз. Он писал: «Всерьез по отношению к кооперации сформировались два подхода. Один исходит из задач реальной перестройки всей сложившейся в стране системы социально-экономических отношений, включая отношения собственности; из... разнообразных социальных форм хозяйства, включая кооперацию, и необходимости их органического взаимодействия на базе социально-экономического равноправия и состязательности; из широкого освоения кооперативных начал и принципов государственным хозяйством, что может стать одним из главных направлений его трансформации в хозяйство подлинно общенародное... Другой подход по существу отражает понимание кооперации как ограничено применимой (а следовательно, второстепенной) хозяйственной формы, решающей преимущественно некоторые текущие экономические и социальные задачи, находящиеся в родстве с рыночной стихией, социальной дифференциацией, ростом доходов, обгоняющим трудовой вклад, и некоторыми другими социальными явлениями»¹⁷. Как известно, победил «другой подход».

Сотрудники Института экономики в доперестроечные, перестроечные и постперестроечные времена не только опе-

16. Большую роль в этой работе сыграл журнал «Вопросы экономики», в котором постоянно печатались отчеты о проводимых конференциях, выступления кооператоров, доклады научных работников.

17. Социалистическая кооперация: история и современность. М.: Наука, 1989. С. 3.

ративно откликались на происходящие в стране события, но и пытались предвидеть и предсказать возможные варианты их развития. В ноябре 1991 г. накануне окончательного распада страны была проведена конференция «Обновление общества: проблемы и варианты»¹⁸, где очень подробно и детально обсуждались вопросы перспектив социально-экономического развития, когда уже наметился крах советской системы.

В конференции участвовали представители союзных республик и бывших социалистических стран. Никифоров выступил с основным докладом «Движение к смешанному обществу как путь выживания и обновления», в котором поставил вопрос о перспективах будущего общества, обозначив в 1991 г. три варианта его возможного развития. Первый – «это воспроизведение старой сути хорошо нам знакомой системы в новых формах». Второй – «сейчас достаточно хорошо просматривается... попытка движения к капитализму в его классическом понимании... Однако думается, что этот вариант не будет эффективным ни в экономическом, ни в социальном смысле, потому что базируется на отношениях простого капитализма, а это пройденный исторический этап... Третий вариант – это движение к смешанному обществу, не только к смешанной экономике, но и к смешанному обществу как обществу смешанного типа, как к принципиально новой общественной системе... Это не формационная система, здесь нет старых формационных признаков, ибо это общество основано на взаимодействии разных социальных, социально-экономических укладов и структур, на их конкуренции, на экономической и в какой-то мере политической борьбе. Однако в то же время на взаимодействии и взаимодополнении»¹⁹.

На практике был выбран второй вариант и, как показала жизнь, оказавшийся действительно неэффективным и в экономическом, и социальном смысле.

18. См.: На переломе (по стенограмме конференции «Обновление общества: проблемы и варианты»). Институт экономики РАН. Научное направление Обновление советского общества и становление смешанной экономики. М., 1992.

19. Там же. С. 8, 9.

Первые постсоветские годы

В эти годы возникла «снизу» потребность становления в стране местного самоуправления как важнейшего элемента построения нового общества. Сектор Никифорова, имея богатый опыт исследования кооперативных отношений, опираясь на разработки сельско-городских связей и идей преодоления социального неравенства, активно включился в разработку этой проблемы. Она им рассматривалась с позиций развития гражданского общества, формирования самостоятельных первичных территориальных и производственных структур, с опорой на практическое сотрудничество с Советами местного самоуправления в ряде районов страны (станция Привольная Краснодарского края, г. Семенов Нижегородской обл., Буйский район Костромской области, город Покров Владимирской области, район Москвы «Якиманка» и др.)²⁰.

Однако вскоре можно было наблюдать тенденцию ведения государственной политики в сторону свертывания самостоятельности органов самоуправления и все большей их бюрократизации. В результате самоуправление, в конечном счете, почти повсеместно выродилось в несамостоятельные местные сообщества формального типа.

В 1997 г. в своих разработках Никифоров констатировал, что «реализуемая стратегия экономических реформ не отличается ясностью и последовательностью». В то же время «происшедшие перемены и их результаты при всей противоречивости тех и других дают основания для определения фактически реализуемой стратегии как преимущественно стратегии ускоренной капитализации страны посредством реализации либеральной экономической доктрины в условиях огосу-

20. Как результат работы были опубликованы выпуски под общим названием «К гражданскому обществу через самоуправления». Вып. I, II, III, IV. М.: ИЭ РАН / Под ред. Л.В. Никифорова, содержащие выступления и предложения ученых и представителей мест и его собственные работы.

дарственной и монополизированной экономики»²¹. Основные направления этой доктрины состояли: в жесткой финансовой политике, в целом приведшей к углублению капитализации в олигархическом варианте; к приватизации, которая способствовала становлению монополий и олигархий, сращиванию крупного капитала с государственной властью; к формированию рыночной инфраструктуры, вызвавшей разрыв интересов банковских и финансовых сегментов и интересов реальных секторов экономики; в открытии внутреннего рынка страны и подавлении ряда собственных отраслей и сфер производства и создавшего товарную, в том числе продовольственную, зависимость России от зарубежных стран, и т.п. Выход из ситуации ученый видел в переходе к формированию общества смешанного типа, содержание и исторические перспективы которого раскрыл (в сопоставлении с государственной общественной системой и постсоветской олигархической) в своих главах коллективной монографии «Смешанное общество: Российский вариант»²².

Проанализировав глобальные перемены в общественном развитии XX века и происходящую смену характера общественного развития в России в 1990-х годах, Никифоров делает вывод о том, что «основой прекращения разрастания и преодоления глобального общественного кризиса и его разрушительных и дезинтеграционных экономических, социальных, политических, национальных, территориальных и иных результатов и последствий в России может стать только смена праволиберального (точнее, псевдолиберального) стратегического курса преобразований... Есть основания считать, что

21. Реализуемая стратегия развития России, ее социально-экономическая направленность и результаты // Социально-экономические альтернативы развития России: Общество смешанного типа вместо капиталистической олигархии. М.: ИЭ РАН, 1997. С. 5–25 и др.

22. Смешанное общество: Российский вариант. М.: Наука, 1999. Следует заметить, что методологической основой научной разработки крупных социально-экономических проблем Никифоров считал анализ явления с различных сторон, который возможен только на основе творческого труда коллектива сотрудников. Это было его принципиальной позицией, поэтому основная часть работ, выполненных им и под его руководством — коллективные монографии и сборники трудов.

насаждение в России всеобъемлющей капиталистической системы в конце XX века не менее бесперспективно, чем и сто лет назад... Огромное разнообразие ресурсного, природно-климатического, территориального, человеческого капитала, геоположение страны между Западом и Востоком... многовековая необходимость поддержания в российских условиях объединенности страны и народа формировала социально-психологический склад последнего, его ментальность. *Идея объединения, общности, целостности при разнообразии условий стала национальной идеей русского и всего русского народа...*²³. Именно эта специфичность России должна была стать основой разработки стратегии движения к становлению смешанного интеграционного общества.

Смешанное общество — российский вариант

Путь России к смешанному интеграционному обществу в стране был отринут. Между тем, российские условия вполне соответствовали и продолжают соответствовать характеристикам смешанного общества²⁴. Они состоят в том, что «общественные устройства смешанного типа, основываясь на взаимодействии и конкуренции различных, но частично пересекающихся укладов и социальных сил и структур, являются исторически наиболее перспективными, так как содержат все необходимые внутренние предпосылки для динамики и трансформации в соответствии с меняющимися условиями. Поэтому не только развитые страны, в которых капиталистическая система трансформируется в процессе естественного развития (часто при сознательном выборе вариантов трансформации), но и многие развивающиеся страны целенаправленно встают на путь формирования таких систем, реализуя соответствующие стратегии и программы. Таким образом,

23. Смешанное общество: Российский вариант. М.: Наука. 1999. С.107, 119–127.

24. Смешанное общество: Российский вариант. М.: Наука. 1999. С.128–141; Переход к новой эре общественного развития: исторические перспективы и направления социально-экономической трансформации. Деп. В ИНИОН. 22.03.2004. № 58660.

социально-экономический прогресс в мире означает движение не к капитализму, а вперед от капитализма к посткапиталистическим общественным устройствам смешанного типа»²⁵.

Тематика смешанного общества остается приоритетной в исследованиях, руководимых Никифоровым. В 2009 г. коллективом авторов был подготовлен сборник статей «Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы»²⁶. В сборнике раскрывается политико-экономическое содержание многоукладности, обосновывается позиция, согласно которой многоукладность представляет систему общественных отношений, формируемую в результате взаимодействия, динамики, «смешанности» социально-экономических укладов, их равнозначности для экономики и социальной сферы страны. Это может явиться двигателем развития современной России, позволяющим использовать многообразные особенности ее естественного и общественного потенциала, реализовать интересы различных слоев многонационального российского общества, осуществить стратегический поворот социально-экономического развития страны.

В 2012 г. под редакцией Никифорова вышел из печати сборник «Стратегический поворот социально-экономического развития России», в статьях которого обосновывалась необходимость и основные направления возможного стратегического поворота социально-экономического развития России, опирающиеся на учет глобальных факторов мирового развития и специфические черты страны.

Проблемам стратегии развития страны Никифоров уделял особое внимание, по его мнению, «выработка и реализация рациональной долгосрочной стратегии развития России — основа ее экономического, социального, производственно-технического, социокультурного и иного успеха.

25. Никифоров Л.В. Тенденции общественного развития и трансформация российского общества. Научный доклад на соискание ученой степени доктора экономических наук (по совокупности работ). М., 2004. С. 34.

26. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2009.

Ошибки в выборе стратегии, чем бы они не объяснялись, могут обернуться не только разного рода просчетами, но и национальным тупиком»²⁷.

Одним из основополагающих условий трансформации России и ее движения к смешанному обществу, выдвинувшемуся в 2000-е годы на первый план исследований Никифорова, был учет пространственного потенциала страны. Именно проблема роли пространственного потенциала в стратегии развития страны стала основой современных исследований ученого и его сотрудников. Разработки исходили из того, что проблема развития пространственного потенциала «является решающей для обеспечения комплексной реализации всех ресурсных, природных, экологических, национальных, социальных, экономических и других возможностей развития России, гарантирующих ее целостность и историческое будущее. В пространственном потенциале по существу синтезируются все составляющие совокупного потенциала страны»²⁸.

В разработке этой темы особое значение придавалось анализу состояния, условий современного формирования и возможных перспектив развития реального сектора экономики. Этот сектор «при соответствующих формах регулирования, может и должен... осуществить переход российской экономики... к новому типу экономического роста и развития»²⁹.

Тенденции общественного развития и трансформация российского общества

Для интеллектуального творчества Никифорова были характерны глубокая системность и многовариантность научного анализа. Фактически им сформулирован свой собственный глубоко аргументированный мировоззренческий взгляд

27. Стратегический поворот социально-экономического развития России. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 12.

28. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М.: ИЭ РАН. 2011. С. 12–13.

29. Реальный сектор экономики: условия формирования и развития. М.: ИЭ РАН. 2013. С. 12, 15.

на варианты социального развития мирового сообщества и особенности трансформации в нем российского общества. Никифоровым выделены в человеческой истории ряд общественных систем, распадающихся на две группы: «Во-первых, общие системы, вне которых человечество не может развиваться вообще или в течение многих длительных исторических периодов. Во-вторых, системы, предопределяемые особенностями конкретных исторических периодов и характеризующие социальную сущность и специфику отношений между людьми в данный период»³⁰.

В системы первого вида Никифоров включил: частное и общее хозяйство, город и село, рынок и натуральное хозяйство, этнические и национальные сообщества, политико-правовые (государственные) устройства, семью – семейное хозяйство.

К системам второго вида Никифоров отнес исторически преходящие общественные устройства (формации и цивилизации), в которые до середины XX в. он включает, во-первых, исторически самые древние различные формы общинно-племенных устройств, во-вторых, пришедшие им на смену общественные системы, характеризующиеся преобладанием социальных противоречий, классовых антагонизмов, в-третьих, особый тип исторически преходящих общественных систем – цивилизации. Ученый подчеркивал: «В отличие от формаций цивилизации характеризуют не социальную сущность общественных отношений, а тип культурной среды, в которой развиваются общеисторические, формационные, пост-формационные системы»³¹.

Никифоров не противопоставлял и не подменял так называемый формационный подход цивилизационному, и наоборот. По Никифорову, цивилизации и формации – это разнопорядковые общественные системы, не заменяющие друг друга. Они классифицируются по различным совокуп-

30. Никифоров Л.В. Тенденции общественного развития и трансформации российского общества. М.: 2004. С. 19.

31. Там же. С. 22.

ностям критериев, хотя между ними и существует тесная взаимосвязь. Они отражают разные срезы общественного устройства, не заменяя друг друга.

Этот сложный конгломерат взаимодействия формаций и цивилизаций движется неоднозначно и неоднородно, колеблясь между периодами прогресса и регресса. На протяжении большей части XX в. этот конгломерат подчинялся логике борьбы между двумя господствующими общественными системами своего времени — капиталистической и огосударственной (советского типа).

Уже во второй половине, а затем в конце XX в. становится очевидным, что как капиталистическая, так и огосударственная общественные системы не в состоянии адекватно и органично реализовать все необходимые направления общественного развития технического, экономического и социального прогресса. Если огосударственная система, часто не обладавшая внутренними источниками саморазвития, подверглась, в конечном счете, коллапсу, то мировая капиталистическая система находилась и находится в состоянии перехода к общественным системам нового типа. На смену противостоянию капиталистической и огосударственной систем приходит время принципиально новых — постформационных общественных систем, связанных с трансформацией отношений собственности и усилением значения многоукладности социальной и экономической жизни общества.

Многоукладность — одна из важнейших и центральных категорий в социально-экономическом мировоззрении Никифорова. В это понятие включаются уклады малого, среднего и крупного предпринимательства, муниципальный и семейный уклады. Как он отмечал: «Данные уклады частично пересекаются друг с другом, границы между ними во многом условны, но каждый из них выполняет свойственные ему воспроизводственные, хозяйственные и социальные функции»³².

32. Там же. С. 40.

Именно через динамику многоукладности происходит развитие интеграции всех сфер общественных отношений в мир новых смешанных общественных систем, — на смену обществам социальных противостояний идут общества социальных взаимодействий.

Что означают эти новые всемирные культурные и социально-экономические процессы для России? Здесь Никифоров учитывал важность изначально predeterminedных естественно-исторических обстоятельств России, при которых ее огромное разнообразие ресурсного, природно-климатического, территориального, человеческого потенциалов в значительной степени обеспечивало ресурсную самодостаточность российского развития. При этом он отмечал, что это пространственно-ресурсное изобилие было осложнено удельным весом российских северных территорий, при котором на протяжении многих веков по преимуществу аграрный способ жизнеобеспечения в неустойчивых природно-климатических условиях оказывал сильное влияние на формы расселения, основы культуры, особенности психологического взаимодействия людей.

Уделяя значительное внимание системной критике деструктивных особенностей современной российской социально-экономической системы, во многом находящейся под господством олигархического капитализма и коррумпированной бюрократии, Никифоров, тем не менее, формулировал предложения по переходу к устойчивому, гуманистическому пути российского развития, определяемому приоритетами движения России к обществу смешанного интеграционного типа, формированием в России социальной структуры и социальных сил смешанного общества. Кроме естественно-политических предпосылок такого развития, связанных с ограничением государственного авторитаризма, сохранением плюрализма политической жизни, расширением местного самоуправления, речь должна идти о становлении первичных экономических и социально-политических структур смешанного общества.

Для этого предлагается стратегия опережающего развития России, основанная на сочетании нескольких факторов: становление постиндустриальных производств и структур при наращивании использования существующего индустриального потенциала; создание благоприятной среды для малого предпринимательства, малых производств; стимулирование на муниципальных и региональных уровнях возрождения и развития ремесел (промыслы, товары массового потребления); поддержка развития сельско-городских социальных связей в пользу развития сельского потенциала. В итоге предполагается формирование принципиально новой динамичной системы интеграции различных типов укладов, где современное, социально-ориентированное рыночное хозяйство создает естественную среду.

Россия в интегрирующемся и глобализирующемся мире должна участвовать в процессах межгосударственной, экономической, политической, социокультурной интеграции. По мнению Никифорова, Россия представляет собой особую региональную цивилизацию. Поэтому развитие внешних интеграционных связей России должно ориентироваться как на сохранение российского своеобразия, так и на органичное взаимодействие с цивилизационными ценностями мира. В перспективе Россия способна выполнять функции одного из социально-экономических и культурно-политических полюсов современного мира наряду, например, с такими экономико-цивилизационными центрами современности, как Китай, Индия и Европейское сообщество.

Организатор научных исследований

Организационные способности Никифорова проявлялись в том, что на протяжении многих лет под его руководством выполнялись крупные разработки (готовились аналитические материалы, научные экспертизы и публикации). Он успешно руководил различными подразделениями Института экономики РАН (АН СССР), в которых стреми-

лись работать многие сотрудники. Многочисленные аспиранты и докторанты обращаются к нему с просьбами быть их научным руководителем. Он воспитал большую группу докторов и кандидатов наук не только России, но и граждан ныне самостоятельных государств и бывших социалистических стран.

На протяжении 23 лет плодотворно работала созданная Никифоровым с российской стороны и профессором Станиславом Рончковским³³ с польской стороны российско-польская комиссия экономистов ПАН и РАН. В Институте экономики РАН и Институте экономических наук ПАН исследовались актуальные проблемы общественного развития обеих стран. Особенность и ценность работы комиссии заключались в том, что она была организована таким образом, что на год задавалась актуальная для конкретного периода тема исследований как в Польше, так и в России. В каждой из стран привлекались соответствующие специалисты и ежегодно (год — в Польше, год — в России) представлялись для обсуждения наработанные материалы. Поскольку ежегодные темы были разные, в них прослеживались и сопоставлялись методы и итоги трансформационных перемен в каждой из стран, делались выводы об уровне эффективности полученных в каждой стране результатов.

За годы работы комиссии (1991–2014) был накоплен и издан большой объем научно-аналитической информации по основным направлениям развития и трансформации экономик обеих стран и мировых тенденций, по использованию возможностей экономической науки для оценки принимаемых социально-экономических решений. Результаты работы комиссии реализованы в публикациях как в России, так и в Польше. Не представляется возможным назвать все

33. После смерти С. Рончковского в 2007 г. Комиссию стала возглавлять профессор Иоанна Котович-Явор. См.: Памяти друга (О Станиславе Рончковском) / Польша и Россия: инфраструктура и социально-экономическая трансформация / Под ред. Н.Ю. Ахупкина, Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М.: Наука. 2008.

работы, но для того, чтобы представить характер и масштаб проделанного, достаточно назвать только отдельные из них³⁴.

В дни Польской культуры и науки в Москве в 2001 г. Президенты Российской Федерации В.В. Путин и Польши А. Квасневский вручали ордена польским и российскими ученым. В связи с высокой оценкой работы Комиссии экономистов ПАН и РАН А.В. Никифоров был награжден Президентом Польши орденом – «Кавалерский Крест Ордена «За заслуги» Республики Польши».

Примерно на таких же условиях, как с польскими экономистами, под руководством Никифорова с 2001 по 2006 г. работала российско-китайская комиссия³⁵. Проводившиеся в Москве даты обсуждений работ исследователей обеих комиссий иногда совпадали, тогда проводились польско-китайско-российские дискуссии. Эти дискуссии, как правило, проходили в Вольном экономическом обществе России, с которым Комиссии сотрудничали и которое играло важную роль в их работе. Большой популярностью в научной среде пользовалась междисциплинарная серия изданий, осуществляемых сектором Никифорова в содружестве с историками и социологами – возвращение научного наследия «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль». Обсуждения каждого из выпусков, входящих в серию, проходили, как правило, в библиотеке «Дома русского зарубежья им. Александра

-
34. Книги, опубликованные в обеих странах: *Procesy inwestycyjne w Polsce I w Rosji – stan i perspektywy*. Warszawa. PAN. 2004; *Инвестиционные процессы в Польше и России: настоящая ситуация и перспективы*. М.: ИЭ РАН, 2004; *Факторы обеспечения конкурентоспособности экономик Польши и России*. М.: ИЭ РАН, 2006; *Polska i Rosja na drodze do innowacyjnego rozwoju*. Warszawa. 2008; *Польское и российское село перед вызовами глобализации/ Труды вольного экономического общества*. Т. 99. М.: ВЭО. 2008. № 4; *Труды вольного экономического общества*. Т. 106. М.: ВЭО, 2009. № 1; *Польша и Россия: инфраструктура и социально-экономическая трансформация*. М.: Наука, 2008; *Polska i rosyjska wieś w świetle wyzwan globalizacji*. Instytut Nauk Economicznych PAN, Warszawa, 2009; *Китай, Польша и Россия: стратегия трансформации, структурный поворот*. М.: ИЭ РАН, 2010; *Китай, Польша и Россия. Стратегические приоритеты развития: общие и особенные*. М.: ИЭ РАН, 2012; *Польша и Россия на этапе экономической интеграции и диверсификации*. М.: ИЭ РАН, 2013; *Польша и Россия: интеграция – важнейший тренд современного социального и экономического развития*. М.: ИЭ РАН. 2014.
35. См.: *Китай и Россия: Развитие экономических реформ*. М.: Наука, 2003; *Китай и Россия: социально-экономическая трансформация*. М.: Наука. 2007.

Солженицына», собирая много заинтересованных участников. К сожалению, по финансовым условиям серия ограничилась 4 выпусками³⁶.

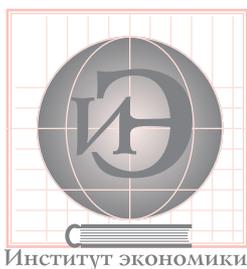
В рамках одной статьи невозможно представить полностью исследование, идеи, публикации и научные мероприятия, организованные и осуществленные Л.В. Никифоровым, его научную и общественную деятельность в полном объеме. Но даже перечисленное не остается без внимания экономической науки. Однако практическая реализация выдвинутых ученым идей и предложений предполагает проведение серьезных перемен в стратегии социально-экономического развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005.
 2. Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. М.: Наука, 2006.
 3. Заславская Т.И. Избранные произведения. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
 4. Заславская Т.И. Сельский сектор СССР как объект долгосрочного прогнозирования. Новосибирск, 1978. На правах рукописи.
 5. Инвестиционные процессы в Польше и России: настоящая ситуация и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2004.
 6. Китай и Россия: Развитие экономических реформ. М.: Наука, 2003.
 7. Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. М.: Наука, 2007.
 8. Китай, Польша и Россия: стратегия трансформации, структурный поворот. М.: ИЭ РАН, 2010.
 9. Китай, Польша и Россия. Стратегические приоритеты развития: общие и особенные. М.: ИЭ РАН, 2012.
-
36. Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005; Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. М.: Наука, 2006; Маслов С.С. Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007; Тимашев Н.С. Методологические работы: 1920–1930 годы. М.: Наука, 2010. См. также: Никифоров Л.В. Кузнецова Т.Е., Никулин А.М., Рогозин Д.М., Соболев А.В. Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья. М.: Институт экономики РАН, 2009. (Научный доклад).

10. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007.
11. Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука. 1980.
12. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / Под ред. Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2009.
13. На переломе (по стенограмме конференции «Обновление общества: проблемы и варианты»). М.: Институт экономики РАН. Научное направление «Обновление советского общества и становление смешанной экономики». 1992.
14. *Никифоров Л.В.* Реализуемая стратегия развития России, ее социально-экономическая направленность и результаты / Социально-экономические альтернативы развития России: Общество смешанного типа вместо капиталистической олигархии. М.: ИЭ РАН, 1997.
15. *Никифоров Л.В.* Рукопись. Кооперативно-колхозное производство в системе социалистических отношений. М.: Институт экономики АН СССР. 1968.
16. *Никифоров Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села. (Содержание. Цели. Пути. Условия) / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука. 1988.
17. *Никифоров Л.В.* Тенденции общественного развития и трансформации российского общества. М.: ИЭ РАН. 2004.
18. *Никифоров Л.В.* Яков Абрамович Кронрод / Я.А. Кронрод в прошлом и настоящем. М.: ИЭ РАН. 2014.
19. *Никифоров Л.В.* *Кузнецова Т.Е., Никулин А.М., Рогозин Д.М., Соболев А.В.* Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья. М. Институт экономики РАН. 2009. (Научный доклад).
20. Памяти друга (О Станислове Рончковском) / Польша и Россия: инфраструктура и социально-экономическая трансформация / Под ред. Н.Ю. Ахашкина, Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М., Наука. 2008.
21. Итоги и перспективы. Сельское хозяйство после мартовского Пленума ЦК КПСС. М.: Издательство политической литературы. 1967.
22. Польское и российское село перед вызовами глобализации / Труды вольного экономического общества. Т. 99. М.: ВЭО. 2008. № 4.
23. Польша и Россия: интеграция – важнейший тренд современного социального и экономического развития. М.: ИЭ РАН. 2014.

24. Польша и Россия на этапе экономической интеграции и диверсификации. М.: ИЭ РАН. 2013.
25. Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней / Отв. ред. Е.И. Капустин. М.: Наука. 1976.
26. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М.: ИЭ РАН. 2011.
27. Развитие сельских поселений / Е.Е. Горяченко, Т.И. Заславская, Л.П. Ляшенко и др. М.: Статистика. 1977.
28. Реальный сектор экономики: условия формирования и развития. М.: ИЭ РАН. 2013.
29. Смешанное общество: Российский вариант. М.: Наука, 1999.
30. Социалистическая кооперация: история и современность. М.: Наука. 1989.
31. Стратегический поворот социально-экономического развития России / Под ред. Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2012.
32. *Тимашиев Н.С.* Методологические работы: 1920–1930 годы. М.: Наука, 2010.
33. Факторы обеспечения конкурентоспособности экономик Польши и России. М.: ИЭ РАН. 2006.
34. Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода. СПб: Нестор-История. 2012.
35. Procesy inwestycyjne w Polsce I w Rosji – stan i perspektywy. Warszawa. PAN. 2004.
36. Polska i Rosja na drodze do innowacyjnego rozwoju. Warszawa. 2008.
37. Polska i rosyjska wies w swietle wyzwan globalizacji. Warszawa: Instytut Nauk Economicznych PAN. 2009.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

**Формирование интегрированной системы
«город—село» как фактор структурной
модернизации российской экономики**

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 20.12.2020.

Заказ № 32. Тираж 300 экз. Объем 10,9 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0679-5

9 785994 006795